

А. В. Мотин

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
И ОСНОВАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

А. В. Мотин

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ОСНОВАНИЕ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Монография

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2025

УДК 343.6
ББК 67.408
М85

Научный редактор:

д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина
Пудовочкин Юрий Евгеньевич

Рецензенты:

д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права Московского
ордена Почета университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя
Дмитренко Андрей Петрович;
д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина
Образжиев Константин Викторович

Мотин А. В.

**М85 Преступления против личности: теоретические основы
и основание дифференциации уголовной
ответственности: монография / под науч. ред.
Ю.Е. Пудовочкина. – Чебоксары: Среда, 2025. – 196 с.**

ISBN 978-5-908083-16-4

Настоящая монография посвящена актуальной теме – теоретическим основам и основанию дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности. В работе исследуются конституционные основы дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности, раскрываются понятие и механизм дифференциации ответственности за посягательства на личность, анализируются характер, степень общественной опасности преступлений против личности во взаимосвязи с институтом дифференциации уголовной ответственности. Данная монография адресована научным и практическим работникам, специалистам в сфере юриспруденции, а также студентам высших учебных заведений юридического профиля.

(Справочно: законодательство приводится по состоянию на 31 октября 2025 года).

УДК 343.6
ББК 67.408

ISBN 978-5-908083-16-4
DOI 10.31483/a-10816

© Мотин А.В., 2025
© ИД «Среда», оформление, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ	6
§ 1. Конституционные основы дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности.....	6
§ 2. Понятие и механизм дифференциации ответственности за посягательства на личность	49
Глава 2. ОСНОВАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ	87
§ 1. Характер общественной опасности преступлений против личности и дифференциация уголовной ответственности	87
§ 2. Степень общественной опасности преступлений против личности и дифференциация уголовной ответственности	125
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	156

ВВЕДЕНИЕ

«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В строгом соответствии с этими конституционными требованиями, защита прав и свобод человека, сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан объявлено Стратегией национальной безопасности Российской Федерации одним из приоритетных национальных интересов¹.

Предпринимаемые государством и обществом в этом направлении усилия привели в последние годы к качественному улучшению ситуации с обеспечением криминологической безопасности личности.

Не последнюю роль в этом сыграли правовые меры: продолжающаяся конституционализация уголовного законодательства, уточнение и модернизация составов преступлений против личности, обновление модели взаимодействия административно-деликтного и уголовного законодательства, развитие системы альтернативных уголовному наказанию средств воздействия на лицо, совершившее преступление.

При всей очевидной результативности, нельзя сказать, что процессы эти протекают всегда последовательно, имеют в основе долгосрочную уголовно-политическую стратегию и строгое научное обоснование. На пути реформирования уголовного закона имеется ряд нерешенных теоретических проблем, блокирующих или препятствующих его эффективному развитию, порождающих противоречивые и несогласованные законодательные решения, разрушающих системные начала отрасли уголовного права, порождающих значимые сложности в квалификации преступлений, разграничении смежных составов правонарушений, назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Значительная часть из них в обобщенном виде сводится к отсутствию надлежащей концепции дифференциации ответственности за преступления против личности.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Вопросы дифференциации уголовной ответственности устойчиво входят в пул наиболее актуальных и перспективных тем научных исследований. Исследованию вопросов общей теории дифференциации ответственности посвящены работы Л.Л. Кругликова, Е.В. Роговой, правил конструирования состава преступления – работы А.В. Иванчина, отбора квалифицирующих признаков – Т.А. Лесниевски-Костаревой, решению задач дифференциации ответственности за отдельные виды преступлений посвящены работы С.Г. Жилкина (экономические), В.Ф. Лапшина (финансовые), Е.А. Рускевича (информационные) и т.д.

Однако как комплексный, целостный предмет дифференциации ответственности за преступления против личности еще не подвергалась изучению. В связи с чем некоторые значимые аспекты темы остались вне рамок научного анализа. Среди них – конституционные основы дифференциации ответственности, оценка общественной опасности преступлений и личности виновного в контексте системы оснований дифференциации уголовной ответственности, механизм дифференциации ответственности за причинение вреда личности. Исследованию именно этих вопросов и посвящена настоящая работа. Целью исследования является разработка и аргументация основных положений общей теории дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности.

Представляя результаты своего исследования, автор рассчитывает, что сформулированные им выводы, предложения и рекомендации создадут теоретико-методологические основы укрепления гарантий безопасности личности в процессе конструирования и применения уголовно-правовых норм, послужат исходными теоретическими предпосылками в законотворческой деятельности по совершенствованию УК РФ, а также станут основой в научно-исследовательской деятельности для последующего углубленного изучения темы.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

§ 1. Конституционные основы дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности

Важнейшим условием легитимности уголовно-правовых норм и практики их применения является соответствие механизма уголовно-правового регулирования конституционным принципам. В связи с этим совершенно не случайно одним из знаковых трендов современной уголовно-правовой науки стало исследование проблем конституционализации уголовного права². Признавая тот факт, что общие контуры конституционализации уголовного права могут быть признаны относительно сложившимися, а их углубленная общетеоретическая разработка может составлять направление самостоятельного анализа, в рамках настоящей работы представляется возможным сосредоточить внимание на той части проблемы воплощения в уголовном праве конституционных стандартов, которые касаются непосредственно регулирования ответственности за преступления против личности, причем в аспекте дифференциации ответственности. Такое направление исследования может рассматриваться, с одной стороны, как часть анализа проблемы конституционных основ дифференциации ответственности вообще, а с другой стороны, как часть изучения проблемы установления уголовной ответственности за посягательства на личность. В этом отношении оно синтезирует в себе ряд общих и частных вопросов конституционализации уголовного права и может быть представлено в качестве относительно самостоятельного вектора научных разработок.

² См.: Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. – М.: Норма; Инфра-М, 2021; Гузеева О.С. Преступление и наказание: конституционные основы уголовно-правовой концепции. – М.: Юрлитинформ, 2020; Елинский А.В. Проблемы уголовного права в конституционном измерении. – М.: Юрлитинформ, 2012 и др.

Приступая к исследованию, отметим некоторые **общие конституционные требования к установлению уголовно-правовых запретов**, сформулированные в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, которые именно в силу своей «общности» распространяют свою силу и на сферу дифференциации ответственности. В целом ряде своих решений Конституционный Суд России подчеркивал:

— федеральный законодатель, в рамках своих полномочий самостоятельно определяя содержание уголовного закона, устанавливает преступность тех или иных общественно опасных деяний, их наказуемость³, учитывая при этом значимость охраняемых законом ценностей, степень распространенности деяний, которые на них посягают, существенность причиняемого вреда, а также невозможность преодоления таких деяний с помощью иных правовых средств⁴;

— уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния, а его составообразующие признаки, наличие которых в совершенном деянии, будучи основанием уголовной ответственности, позволяет отграничивать его от иных противоправных, а тем более законных деяний, точно и недвусмысленно определены в

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан».

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска»; Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

уголовном законе, непротиворечиво вписывающемся в общую систему правового регулирования⁵;

— установление уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной юридической оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего его лица, и применение мер ответственности без учета характеризующих личность виновного обстоятельств противоречит конституционному запрету дискриминации, принципам справедливости и гуманизма⁶;

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян»; Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной»; Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева»; Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 560-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дреева Романа Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8, 14 и части первой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 29, 73–75, 85–88 и 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 13 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 года № 522».

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии

— закрепляя и изменяя составы правонарушений и меры ответственности за их совершение, законодатель связан критериями необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям, а также обязан соблюдать равенство всех перед законом, означающее, что любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия)⁷;

— меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (прежде всего для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, или опасности причинения вреда, с тем чтобы обеспечивалась соразмерность наказания совершенному преступлению⁸;

в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан».

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной»; Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева».

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 798-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Патешкина Александра Федоровича на нарушение его конституционных прав статьями 23, частью первой 1 статьи 63 и частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьями 179 и 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 07.07.2016 № 1426-

— принимая решение о криминализации деяния, законодатель обязан учитывать типовую оценку его общественной опасности и, если отдельные признаки преступления свидетельствуют о том, что степень его общественной опасности существенно изменяется по сравнению с типовой оценкой, должен провести – в силу принципа справедливости – дифференциацию уголовной ответственности, с тем, однако, чтобы не нарушались принципы равенства и правовой определенности⁹;

— разрешение вопроса о размере санкций за предусмотренные УК РФ преступления является прерогативой федерального законодателя, который, однако, должен обеспечить соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств, в том числе дифференцируя уголовно-правовые последствия совершения преступления в зависимости от общественной опасности содеянного¹⁰.

О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзина Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Джураева Хушнудбека Икромжоновича на нарушение его конституционных прав пунктом «г» части второй статьи 127 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда».

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа»; Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2013 № 998-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куликова Дмитрия Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 1969-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шарафутдинова Игоря Мустакимовича на нарушение его конституционных

Эти общие принципы являются исходными положениями для оценки уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против личности.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд, Конституция Российской Федерации, утверждая приоритет личности и ее прав во всех сферах, обязывает государство охранять достоинство личности как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения; поскольку ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности, постольку никто не может быть ограничен в защите законными способами своего достоинства, а также всех связанных с ним прав и свобод¹¹. Отсюда и иное заключение

прав частью первой статьи 10, статьей 22, примечанием к статье 131 и статьей 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹¹Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна»; Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1999 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Ключева»; Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова», Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других»; Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 2765-О «Об отказе в принятии к

Конституционного Суда России, имеющее принципиальное значение в аспекте нашей темы: **любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия**¹². В этих условиях внимание к качеству криминализации общественно опасных деяний, посягающих на личность, должно быть особенно пристальным. В поле зрения Конституционного Суда России нормы об ответственности за преступления против личности попадают относительно часто.

По состоянию на 31 октября 2025 года Конституционным Судом РФ вынесено 3289 решения по запросам судов и жалобам граждан относительно конституционности положений уголовного закона (для поиска решений использована поисковая система официального сайта Конституционного Суда РФ в сети «Интернет»; поиск осуществлялся по запросу с ограничением «все решения», «кодексы РФ и РСФСР», «уголовный», «Уголовный кодекс РФ», «Уголовный кодекс РСФСР»).

В общей массе этих документов вопрос о проверке конституционности уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против личности ставился в 512 решениях, что составляет 15,6%. В их числе: 164 решения (32%) связано с проверкой ст. 105 УК РФ или ст. 102 УК РСФСР; 71 решение (13,9%) – с проверкой ст. 132 УК РФ; 54 решения (10,6%) – с проверкой ст. 111 УК РФ; 49 решений (9,6%) – с проверкой ст. 131 УК РФ; 26 решений (5%) – с проверкой ст. 135 УК РФ; 21 решение (4,1%) – с проверкой ст. 126 УК РФ; 12 решений (2,3%) – с проверкой

рассмотрению жалобы гражданина Смолина Данилы Сергеевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 и пунктом «б» части четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1999 № 1 «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Клюева»; Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда».

ст. 134 УК РФ; 10 решений (2%) – с проверкой ст. 119 УК РФ. В остальных решениях (20,5%) в единичных случаях перед судом ставился вопрос о конституционности ст.ст.: 139 (8 решений), 109, 146 (по 7 решений), 127, 137, 145.1 (по 6 решений), 112, 140 (по 5 решений), 116, 136, 138, 138.1, 157 (по 4 решения), 115, 124, 129, 143 (по 3 решения), 117, 128, 149, 150, 156 (по 2 решения), 107, 108, 110.2, 118, 127.1, 127.2, 141, 142, 144, 145, 147, 148, 151 (по 1 решению).

Разумеется, не во всех этих решениях Конституционный Суд РФ давал содержательный анализ правовых норм. Значительная их часть может быть обозначена как решения с «нулевым содержанием», поскольку содержали отказ в принятии жалобы граждан по мотивам пропуска срока, неподведомственности, отсутствии подтверждающих материалов и т. д. В них поставленный в жалобе или обращении вопрос не рассматривался, а содержание уголовно-правовой материи не затрагивалось.

Оставшиеся решения представляют собой, за исключением одного постановления¹³, так называемые отказные определения Конституционного Суда РФ «с позитивным содержанием», вынесенные при этом, как правило, не по запросам судов, а по жалобам граждан на нарушение их конституционных прав той или иной статьей Раздела VII УК РФ. Природа и значение таких отказных определений весьма сложны, и не могут быть предметом нашего отраслевого анализа. Сошлемся лишь на весьма убедительные суждения специалистов, согласно которым игнорировать эти определения в процессе толкования и применения уголовно-правовых норм недопустимо, поскольку, отказывая в принятии жалобы к рассмотрению, Суд, тем не менее, дает толкование правовых норм, при котором они не нарушают конституционных прав граждан, то есть фактически соответствуют Конституции РФ¹⁴.

¹³Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капоруина, И.В. Коршуна и других».

¹⁴См., например: Калиновский К.Б. Значение «отказных» определений Конституционного Суда Российской Федерации для понимания и применения норм уголовного и уголовно-процессуального права // Конституционно-правовые

Уже только этот внешний обзор решений Конституционного Суда РФ, вынесенных в связи с запросом о проверке конституционности уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против личности, с акцентом на их виды, показывает, что в целом при достаточно высокой интенсивности таких запросов (каждое десятое по вопросам уголовного права), оснований для сомнения в соответствии предписаний Раздела VII УК РФ нормам Конституции РФ практически не усматривается.

Применительно к отдельным нормам о преступных посягательствах на личность Конституционный Суд РФ, в частности, указывал, что они «направлены на защиту прав и законных интересов личности от преступных посягательств, и не содержат каких-либо предписаний, ограничивающих и тем более нарушающих какие-либо конституционные права», «не содержат неопределенности, в результате которой лицо было бы лишено возможности осознать противоправность своих действий и предвидеть наступление ответственности за их совершение». Эти оценки сформулированы применительно к положениям ст. 105 УК РФ¹⁵, ст. 107 УК РФ¹⁶,

проблемы уголовного права и процесса: Сб. материалов международной научной конференции (СПб., 30–31 октября 2009 г.) / сост. К.Б. Калиновский. – СПб.: Петрополис, 2010. – С. 140–146; Ермолаев А.Е. Юридическая природа судебных актов Конституционного Суда, в частности, к вопросу об отказных определениях // Молодой ученый. – 2020. – № 27 (317). – С. 264–268.

¹⁵Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2010 № 1504-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Галкина Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹⁶Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 69-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хромова Александра Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьей 107 Уголовного кодекса Российской Федерации и определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации».

ст. 111 УК РФ¹⁷, ст. 116 УК РФ¹⁸, ст. 118 УК РФ¹⁹, ст. 119 УК РФ²⁰, ст. 124 УК РФ²¹, ст. 126 УК РФ²², ст. 127.1 УК РФ²³,

¹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1450-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Забиров Юрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 8, частью первой статьи 30, частью третьей статьи 33, пунктами «з», «к» части второй статьи 105, статьями 111 и 126 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1493-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Геннадия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2014 № 599-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пасичника Юрия Павловича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2010 № 1503-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гвиниашвили Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 111 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2020 № 1075-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Година Николая Валерьевича на нарушение его конституционных прав пунктом «и» части первой статьи 61 и частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 1702-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бакаева Василия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 116 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 223-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коробецкой Натальи Васильевны на нарушение ее конституционных прав статьей 116 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1437-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кизикова Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями части второй статьи 118 и части первой статьи 263 Уголовного кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 3 части второй статьи 75, пункта 1 части первой и части второй статьи 140, части первой статьи 144, части восьмой статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Игранова Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой

статьи 119 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.03.2010 № 368-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калугина Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации».

²¹Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 965-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Костиной Елены Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 124 Уголовного кодекса Российской Федерации».

²²Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1450-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Забирова Юрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьёй 8, частью первой статьи 30, частью третьей статьи 33, пунктами «з», «к» части второй статьи 105, статьями 111 и 126 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2019 № 3244-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колеватова Ильи Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьёй 126 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 2000-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав статьёй 126 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2013 № 1438-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Савельева Валерия Михайловича на нарушение его конституционных прав статьёй 126 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1151-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колосова Павла Владимировича на нарушение его конституционных прав статьёй 126 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1150-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Головачева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьёй 126 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1149-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Забуняна Амаяка Григоровича на нарушение его конституционных прав статьёй 126 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1148-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дубового Андрея Андреевича на нарушение его конституционных прав статьёй 126 Уголовного кодекса Российской Федерации».

²³Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 № 1315-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Малеевой Натальи Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

ст. 128.1 УК РФ²⁴, ст. 131 УК РФ²⁵, ст. 132 УК РФ²⁶, ст. 134 УК РФ²⁷, ст. 135 УК РФ²⁸, ст. 137 УК РФ²⁹, ст. 138 УК РФ³⁰,

²⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

²⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1882-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маврина Федора Владимировича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 2764-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тарасова Александра Валерьевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 286-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Халикова Шакиржана Кадиновича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2043-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Огиенко Сергея Валентиновича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2014 № 2214-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Булыгина Михаила Анатольевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации и положениями Федерального закона от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»»; Определение Конституционного Суда РФ от 30.06.2020 № 1386-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брутова Владимира Васильевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131, статьями 132 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2016 № 2550-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукашова Дениса Игоревича на нарушение его конституционных прав примеча-

нием к статье 131, статьями 132 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации, постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», а также Административным регламентом исполнения Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций государственной функции по осуществлению государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1917-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Занегина Дмитрия Дмитриевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131, частями первой и второй статьи 135 Уголовного кодекса Российской Федерации».

²⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2355-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мингалева Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 и пунктом «б» части четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 2765-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смолина Данилы Сергеевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 и пунктом «б» части четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1994-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Башкатова Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом «б» части четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 2041-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сокурина Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2015 № 2583-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новикова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

²⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Перепелко Сергея Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 134 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2367-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шкунова Сергея Юрьевича на

нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 и статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1823-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Родионова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 64, 132, 134 и 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

²⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 309-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Киреева Василия Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 135 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1995-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сведенцева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 и частью второй статьи 135 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1549-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нasteки Даниила Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 134 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1468-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крутова Дениса Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 135 Уголовного кодекса Российской Федерации».

²⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 830-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фрумкиной Ирины Львовны на нарушение ее конституционных прав статьей 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2016 № 2785-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сытина Александра Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, частей шестой – девятой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и Списка видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию».

ст. 139 УК РФ³¹, ст. 141 УК РФ³², ст. 145.1 УК РФ³³, ст. 146 УК РФ³⁴.

Принципиально важно заметить, что едва ли не во всех случаях, когда Конституционный Суд РФ обсуждает вопросы обоснованности установления уголовной ответственности за то или иное преступление, в том числе преступления против личности, он прямо или опосредованно затрагивает проблемы, связанные с дифференциацией уголовной ответственности. Наше исследование позволяет утверждать, что **дифференциация ответственности, с точки зрения конституционных начал регулирования уголовно-правовых отношений, выступает одновременно и одним из неперенных имманентных свойств такого регулирования, и условием конституционной легитимности уголовно-правового запрета.** Установление в законе уголовной ответственности без соблюдения условия ее дифференциации либо отсутствие в законе механизмов дифференциации

³¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23.05.2006 № 192-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанца Владимира Андреевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125, частью первой статьи 144, статьями 406, 413, 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 139 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³² Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 № 987-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Казаковой Татьяны Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части второй статьи 141 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³³ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2067-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшкова Дмитрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 7 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации», частями первой и второй статьи 78, частью второй статьи 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

³⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 261-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Манаповой Ангелины Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом «в» части третьей статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации».

уголовной ответственности означает безусловное нарушение конституционных стандартов и нарушение конституционных прав граждан.

Такое понимание обосновано конституционным признанием значимости идеи дифференциации публично-правовой ответственности в общем механизме правового регулирования. Суд в ряде своих решений обосновал, что в силу универсального значения принципов справедливости и гуманизма, лежащих в основе дифференциации ответственности, она распространяет свое значение и на законодательное регулирование мер административного наказания³⁵, и на регулирование гражданско-правовой ответственности в той мере, в какой оно выполняет публичную функцию превенции³⁶, а равно на всю иную область публично-правовой ответственности³⁷.

При этом универсальный характер дифференциации ответственности предполагает, что не только в рамках собственной уголовной, административной и иных видов ответственности последняя должна быть дифференцирована. Сквозной характер дифференциации предопределяет и значение межотраслевой дифференциации публично-правовой ответственности.

Конституционные принципы предопределяют дифференциацию юридической ответственности в зависимости от существенных обстоятельств, влияющих на выбор той или иной меры государствен-

³⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 13.06.2006 № 195-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Ивукова Константина Александровича положением части 2 статьи 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

³⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева».

³⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края».

ного принуждения, а потому, предусматривая конкретный вид юридической ответственности, федеральный законодатель обязан соотносить его с характером правонарушения, опасностью для находящихся под охраной закона ценностей, с личностью и степенью вины правонарушителя, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс прав привлекаемого к ответственности гражданина и публичного интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств³⁸.

В зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, законодатель обязан провести оправданную межотраслевую дифференциацию публично-правовой ответственности³⁹, обеспечить соразмерность мер уголовного и административного наказания совершенному правонарушению⁴⁰, не допуская при этом смешения оснований и видов уголовной и административной ответственности⁴¹. В задачу законодателя входит также по-

³⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда».

³⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда»; Определение Конституционного Суда РФ от 12.11.2020 № 2597-О «По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовного кодекса Российской Федерации и части второй статьи 36 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

⁴⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края».

⁴¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламзян»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2125-О

стоянный мониторинг того, насколько сложившаяся система межотраслевой дифференциации ответственности адекватна текущей социальной обстановке, с тем чтобы в случае необходимости обеспечить своевременное внесение изменений в правовое регулирование, памятуя о том, что уголовное законодательство является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на противоправное поведение⁴².

С этой точки зрения сам факт установления уголовной ответственности за то или иное деяние, равно как и факт декриминализации преступления, оказывается отражением законодательной дифференциации правовой ответственности. Реализуя свои полномочия по регулированию отношений в сфере уголовного законодательства, законодатель правомочен как устанавливать ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средств реагирования на те или иные противоправные деяния обеспечивая тем самым дифференциацию уголовной ответственности⁴³.

Выбор именно уголовного закона в качестве средства реагирования на тот или иной вид общественно опасного деяния открывает

«Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малкова Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 29.9, 30.7 и 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

⁴² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной».

⁴³ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.11.2016 № 22-П «По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона "О материальной ответственности военнослужащих" в связи с жалобой гражданина Д.В. Батарагина»; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко»; Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера».

линию внутриотраслевой, собственно уголовно-правовой дифференциации ответственности. Она осуществляется по нескольким взаимосвязанным направлениям.

Первое, исходное направление предполагает дифференциацию ответственности уже при конструировании основного состава преступления на этапе отбора и закрепления криминообразующих признаков, с тем чтобы учесть особенности многообразных проявлений одного и того же общественно опасного деяния⁴⁴. Это весьма специфическое направление дифференциации. Его особенность состоит в том, что законодатель, с одной стороны унифицирует описание многообразных преступных проявлений в конструкции состава преступления, чтобы охватить составом все проявления преступления, а с другой стороны, дифференцирует это описание таким образом, чтобы: а) отразить все типичные признаки состава; б) отграничить преступления друг от друга и от иных правонарушений и от непроступных деяний.

При исследовании решений Конституционного Суда РФ в части, связанной с толкованием преступлений против личности, можно выявить ряд значимых позиций, касающихся оснований и средств дифференциации ответственности на этапе конструирования состава преступления. Так, например, Конституционный Суд РФ:

— рассуждая о конституционности состава убийства, указал, что его обязательными признаками, наличие которых позволяет отличить преступление от непроступного деяния, выступает наличие вины и мотива⁴⁵, последствий и причинной связи между деянием виновного и смертью потерпевшего⁴⁶, что состав «простого»

⁴⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2019 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.Н. Алганова».

⁴⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 969-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подоматько Геннадия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом «и» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прялухина Валерия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 5, статьей 8, частью первой статьи 24, частью второй статьи 25

убийства дифференцирован от состава убийства в состоянии аффекта по признакам обстоятельств совершения преступления и содержания умысла⁴⁷;

— рассуждая о конституционности состава похищения человека и составов половых преступлений, отметил, что отсутствие в них таких субъективных признаков, как мотив и цель их совершения, при том, что все эти преступления являются исключительно умышленными, не препятствует отграничению преступлений от неправомерных деяний⁴⁸;

— рассуждая о составах половых преступлений и нарушения авторских прав, признал допустимым их конструирование без специального указания на последствия преступления⁴⁹;

и частью первой статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктами 1–4 части первой статьи 73, статьями 87, 88, пунктами 1 и 2 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2021-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Котенкова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 829-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Айтиалиева Сагындыка Мендыбаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2058-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Вергунова Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 296 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 48-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мамедова Руслана Исламовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 1, частями первой и второй статьи 126 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1188-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новожилова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом «а» части третьей статьи 131 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1494-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Аманова Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 235-О «Об

— рассуждая о составе умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, отметил допустимость использования такого оценочного понятия, как «неизгладимое обезображивание лица»⁵⁰;

— рассуждая о составе незаконного лишения свободы, отметил, что им не охватываются ситуации правомерного вынужденного лишения свободы лица в целях защиты от преступных посягательств⁵¹;

— рассуждая о составе причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, отметил, что им

отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колесова Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 131 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 30.06.2020 № 1387-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смирнова Дениса Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 20.04.2017 № 783-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гендляр Максима Олеговича на нарушение его конституционных прав статьями 146 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁵⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 560-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дреева Романа Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8, 14 и части первой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 29, 73–75, 85–88 и 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 13 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 года № 522».

⁵¹ Определение Конституционного Суда РФ от 13.06.2002 № 171-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соловьева Михаила Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктами «а», «в» части второй статьи 127 УК Российской Федерации, частью первой статьи 60 и статьей 223 УПК РСФСР».

не охватываются случаи совершения данного преступления в состоянии аффекта⁵² и при превышении пределов необходимой обороны⁵³;

— рассуждая о составе вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, отметил наличие признаков, позволяющих дифференцировать его от близкого состава административного проступка⁵⁴.

Как видно, на этапе установления основания уголовной ответственности задача дифференциации правомерного деяния от неправомерного, преступного деяния от деяния, обладающего иным видом противоправности, решается в процессе отбора и надлежащего описания криминообразующих признаков состава преступления⁵⁵. Еще раз отметим, что здесь законодатель посредством унифицированного определения признаков состава как единственного нормативного основания уголовной ответственности обеспечивает дифференциацию публично-правовой ответственности.

⁵² Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1793-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подопригоры Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 4, частью первой статьи 6, частью третьей статьи 26, частью первой статьи 28 и частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁵³ Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 № 353-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наседкина Николая Петровича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁵⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 1867-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Войца Василия Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом «а» части третьей статьи 132 и частью первой статьи 151 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁵⁵ См. об этом подробнее: Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2015; Иванчин А.В. О некоторых правилах образования уголовно-правовых запретов // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – С. 117–123; Иванчин А.В. Вина и конструирование состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – № 2 (20). – С. 102 – 105; Иванчин А.В. Абстрактный и казуистический приемы в уголовном правотворчестве // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 195 – 199.

Определившись с набором и содержанием признаков основного состава преступления, законодатель продолжает работу над дифференциацией ответственности по линии отбора и конструирования квалифицирующих (привилегирующих) признаков. «Принимая решение о криминализации деяния, законодатель обязан учитывать типовую оценку его общественной опасности и, если отдельные признаки преступления свидетельствуют о том, что степень его общественной опасности существенно изменяется по сравнению с типовой оценкой, провести – в силу принципа справедливости – дифференциацию уголовной ответственности, с тем, однако, чтобы при этом не нарушались принципы равенства и правовой определенности»⁵⁶. При дифференциации уголовной ответственности должна приниматься во внимание общественная опасность деяния и порожденных им последствий⁵⁷.

Общие подходы к оценке квалифицированных составов преступлений сформулированы в нескольких решениях Конституционного Суда РФ, который указал, в частности, что:

— положения уголовного закона, устанавливающие уголовную ответственность за преступление, совершенное при отягчающих обстоятельствах, относящихся к объективным и субъективным признакам преступления и свидетельствующих о повышенной степени его общественной опасности, направлены на дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности и не предполагают применения при квалификации деяния взаимоисключающих признаков⁵⁸;

⁵⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда»; Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 862-О «По запросу Тракторозаводского районного суда города Челябинска о проверке конституционности части второй статьи 35 и части второй статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁵⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

⁵⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1326-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шведова Ильи Евгеньевича на нарушение его конституционных прав пунктами «и» и «к» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

— применение норм Особенной части уголовного закона, закрепляющих квалифицированные составы преступлений, возможно лишь при одновременном установлении как общих (составообразующих) признаков, так и квалифицирующих признаков, учитываемых при дифференциации уголовной ответственности⁵⁹;

— соблюдение конституционного принципа равенства означает, помимо прочего, запрет вводить ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковой или сходной ситуации); любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям принципа равенства, в соответствии с которым такие различия допустимы, если они объективно оправданны, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им⁶⁰.

Эти позиции имеют универсальное значение и сохраняют свою силу при оценке квалифицированных составов преступлений против личности. Вопрос об обоснованности нормативной дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности посредством квалифицирующих признаков неоднократно ставился перед Конституционным Судом РФ. При этом основной повод для рассмотрения создавали сомнения в том, насколько уголовно-правовые нормы являются конституционными с точки зрения соблюдения начал правовой определенности и справедливости.

Оценивая некоторые нормы Раздела VII УК РФ с точки зрения соблюдения принципа правовой определенности, Конституционный Суд РФ, в частности, подтвердил, что не вызывает сомнений

⁵⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2221-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шерманова Евгения Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктом «в» части третьей статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁶⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2014 № 29-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Д.А. Васина и И.С. Кравченко».

определенность и качество уголовно-правовых предписаний, которыми устанавливается ответственность за убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и убийство с целью скрыть иное преступление или облегчить его совершение (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ)⁶¹, за убийство с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ)⁶², убийство из хулиганских побуждений (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ)⁶³, убийство из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ)⁶⁴, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ)⁶⁵, квалифицированное похищение человека (ч. 2

⁶¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2024-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лунина Олега Вадимовича на нарушение его конституционных прав пунктом «к» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁶² Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 1916-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мацынина Антона Юрьевича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 62, пунктом «д» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации и абзацем вторым пункта 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

⁶³ Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1326-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шведова Ильи Евгеньевича на нарушение его конституционных прав пунктами «и» и «к» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁶⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 796-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панченко Максима Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом «з» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁶⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 798-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Патешкина Александра Федоровича на нарушение его конституционных прав статьями 23, частью первой 1 статьи 63 и частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьями 179 и 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2142-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сушилова Андрея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовнопроцессуального кодекса Российской Федерации».

ст. 126 УК РФ)⁶⁶, незаконное лишение свободы с применением оружия (п. «г» ч. 2 ст. 127 УК РФ)⁶⁷, изнасилование, совершенное лицом, ранее судимым (ч. 5 ст. 131 УК РФ)⁶⁸.

Во всех этих ситуациях Суд отмечал разумную обоснованность дифференцирующих признаков (опасность предметов преступления, способов его совершения, содержание вины и мотивов, виды и объем наступивших последствий), признавал, что отбирая их для дифференциации ответственности, законодатель не вышел за пределы принадлежащих ему в силу п. «о» ст. 71 Конституции РФ полномочий, а нормы сконструированы так, что не содержат каких-либо положений, ограничивающих право лица на защиту и справедливое судебное разбирательство или препятствующих осознанию содержания установленного в норме запрета.

Вопросы соблюдения принципа справедливости при оценке квалифицирующих признаков составов преступлений против личности ставились перед Конституционным Судом РФ, как правило, в связи с оценкой составных преступлений и отграничением единичного сложного деяния от совокупности преступлений.

Федерации, частью первой 1 статьи 63 и частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁶⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2014 № 93-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Перескокова Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 126 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁶⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Джураева Хушнудбека Икромжоновича на нарушение его конституционных прав пунктом «г» части второй статьи 127 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁶⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2019 № 64-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бойкова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 131 Уголовного кодекса Российской Федерации и подпунктом «а» пункта 14 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»».

Так, неоднократно обсуждался в Суде вопрос о справедливости дифференциации ответственности посредством квалифицирующего признака «сопряженность» одного преступления с другим, при наличии правила, предписывающего квалификацию «сопряженных» преступлений по совокупности.

Интересна и определенная эволюция позиции Конституционного Суда РФ на этот счет. В своих ранних решениях он весьма осторожно отмечал, например, что п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, устанавливающий ответственность за убийство из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом, и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, устанавливающий ответственность за разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, не содержат каких-либо положений, которые определяли бы правила квалификации совокупности преступлений, в частности предусматривали бы обязательность квалификации убийства, совершенного в процессе разбойного нападения, как совокупности преступлений – умышленного убийства и разбоя⁶⁹. Выбор норм уголовного закона, подлежащих применению к лицу в связи с инкриминируемыми ему преступными деяниями, отмечал Конституционный Суд РФ, является исключительной прерогативой органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, которые при разрешении данного вопроса в рамках уголовного судопроизводства должны исходить как из конкретных обстоятельств уголовного дела, так и из общих принципов установления ответственности

⁶⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2007 № 932-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горковенко Алексея Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 6, пунктом «з» части второй статьи 105 и пунктом «в» части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 года № 844-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Глотова Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом «з» части второй статьи 105 и пунктом «в» части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2010 № 660-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филиппова Виктора Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом «з» части второй статьи 105 и пунктом «в» части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации».

за преступления, включая требования о соразмерности применяемых к виновному мер уголовно-правового характера общественной опасности преступления и о недопустимости повторного привлечения к уголовной ответственности и повторного осуждения за одно и то же преступление⁷⁰.

Однако позднее Конституционный Суд РФ занял более жесткую позицию на этот счет, прямо аргументируя отсутствие проблем с соблюдением принципа справедливости при квалификации сопряженных преступлений по правилам совокупности. Суд, в частности, стал указывать, что убийство, сопряженное с разбоем, и разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, различаются с точки зрения деяния (действие, причиняющее смерть, и нападение, направленное на завладение чужим имуществом), имеют разные объекты (жизнь в одном случае, собственность и здоровье – в другом), предполагают разное психическое отношение к деянию и его последствиям. Указанные нормы содержат описание разных преступлений, которые не соотносятся между собой как целое и часть. Не соотносятся они и как общая и специальная, а потому действия виновных в разбойном нападении, направленные на умышленное причинение смерти, подлежат квалификации по совокупности преступлений⁷¹. Более того Суд признал, что

⁷⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2007 № 932-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горковенко Алексея Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 6, пунктом «з» части второй статьи 105 и пунктом «в» части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2007 № 701-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Родина Андрея Павловича на нарушение его конституционных прав пунктом «з» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁷¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2028-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Озимука Евгения Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом «з» части второй статьи 105 и пунктом «в» части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 30.06.2020 № 1384-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексюка Александра Викторовича на нарушение

в рассматриваемой ситуации запрет на квалификацию действий виновного по совокупности преступлений противоречил бы принципу справедливости, ибо соответствие наказания характеру и степени общественной опасности преступления в случаях, когда лицом совершены деяния, охватываемые единым умыслом, но различающиеся по объекту посягательства, объективной и субъективной стороне и образующие тем самым преступления, предусмотренные различными статьями уголовного закона, достигается в том числе путем квалификации содеянного и назначения наказания по совокупности преступлений⁷².

его конституционных прав пунктом «з» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 № 2826-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белявского Валерия Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом «з» части второй статьи 105 и частью четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1666-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карнова Леонида Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом «з» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1484-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Юрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом «з» части второй статьи 105 и пунктом «в» части третьей статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 438-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жерова Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 69, пунктом «з» части второй статьи 105 и пунктом «в» части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 165-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колчина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом «з» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁷² Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 № 2511-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маленкина Сергея Сергеевича на нарушение его конституционных прав положением пункта «з» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2011 № 578-О-О «Об отказе в

Аналогичный подход был применен Конституционным Судом РФ при исследовании иных уголовно-правовых норм, в частности:

— в процессе обсуждения вопроса о справедливости применения правил совокупности для оценки разбоя, совершенного с причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ и п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ, отметил Суд, содержат описание разных по объекту уголовно-правовой охраны, характеру посягательства, направленности умысла и степени опасности преступлений, которые хотя и имеют общий признак – причинение тяжкого вреда здоровью, но не соотносятся между собой как часть и целое или как общая и специальная нормы)⁷³;

— при оценке совокупности убийства, совершенного организованной группой, и участия в преступном сообществе (эти преступления, подтвердил Суд, различаются с точки зрения деяния (действие, причиняющее смерть, с одной стороны, и, с другой, вхождение в состав

принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сербиненко Вячеслава Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 17 и пунктом «з» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также абзацем третьим пункта 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» и пунктом 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 165-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колчина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом «з» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1666-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карнова Леонида Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом «з» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁷³ Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1668-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рашева Романа Измаиловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 1, 6, 111 и 162 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 845-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зарипова Арсения Рамилевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111 и пунктом «в» части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации».

сообщества, а также разработка планов по подготовке к совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений или непосредственное совершение этих преступлений либо выполнение функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества), имеют разные объекты (жизнь в одном случае, общественная безопасность – в другом), предполагают разное психическое отношение к деянию и его последствиям⁷⁴;

– при обсуждении вопроса о справедливости квалификации по совокупности оконченного и неоконченного убийства двух или более лиц (Суд указал, что покушение на убийство двух лиц и умышленное причинение смерти другому человеку не соотносятся как целое и часть, поскольку предполагают различные общественно опасные последствия и различную направленность умысла)⁷⁵, а

⁷⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 394-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Махалина Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом «ж» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁷⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2019 № 3250-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шварева Валентина Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 15, пунктом «з» статьи 102 и статьями 103 Уголовного кодекса РСФСР»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 2768-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Капранова Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 17, частью третьей статьи 30, частью первой и пунктом «а» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 № 2858-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Азербайджан Мамедова Араза Гара оглы на нарушение его конституционных прав пунктом «а» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 № 2510-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богданова Николая Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом «а» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации и положением постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2013 № 574-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Грачева Андрея Александровича на нарушение его кон-

равно умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в отношении двух или более лиц⁷⁶;

— при оценке убийства, совершенного неоднократно (Суд отметил, что ранее действовавшим п. «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ не допускалось повторное осуждение за одно и то же преступление ни путем назначения лицу дополнительного к уже отбытому им наказанию за преступление, ни путем двойного учета одних и тех же обстоятельств одновременно как при квалификации преступлений, так и при назначении наказания)⁷⁷;

— при рассмотрении вопроса о справедливости квалификации по совокупности умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, и превышения должностных полномочий, совершенного с применением насилия или с угрозой его применения (поскольку ч. 4 ст. 111 УК РФ и п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ содержат самостоятельные составы преступлений, различающиеся по объекту, характеру и признакам посягательства, признакам субъекта)⁷⁸.

ституционных прав частью первой статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2012 № 1046-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Молчанова Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав положениями части третьей статьи 29, части третьей статьи 30, части третьей статьи 66, части третьей статьи 69 и статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁷⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 № 2863-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ярова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 69 и частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1667-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Николая Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 111 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁷⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1407-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Головачева Андрея Григорьевича на нарушение его конституционных прав пунктом «н» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁷⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 1895-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шишина Павла

Таким образом, Конституционный Суд РФ последовательно отстаивает позицию о том, что квалифицирующие признаки преступлений против личности, отражающие сложные составы преступлений, не нарушают конституционных предписаний, постольку поскольку соответствуют принципу справедливости. В общем виде эта позиция сформулирована Судом следующим образом: «принцип *non bis in idem* – в его конституционно-правовой интерпретации, учитывающей отправные положения Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности содержащиеся в его статьях 3, 5, 6, 8 и 14, – означает, что уголовным законом должна быть исключена возможность повторного осуждения и наказания лица за одно и то же преступление, квалификации одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть, а также возможность двойного учета одного и того же обстоятельства (судимости, совершения преступления лицом, ранее совершившим преступление) одновременно при квалификации содеянного и при определении вида и меры ответственности»⁷⁹.

Конструированием составов преступлений (основных и квалифицированных) задача дифференциации ответственности не исчерпывается. Важным направлением дифференциации уголовной ответственности выступает дифференциация уголовно-правовых последствий совершения преступления, которая предполагает дифференциацию видов наказаний, дифференциацию санкций, дифференциацию правил назначения наказания и определения иных мер уголовно-правовых последствий. Это взаимосвязанный комплекс задач, каждая из которых в тоже самое время может рассматриваться в качестве относительно самостоятельной.

Александровича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111, пунктами «а», «в» части третьей статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁷⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 30.06.2020 № 1385-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Евгения Алексеевича на нарушение его конституционных прав пунктом «б» части четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Проверка конституционного качества этого направления дифференциации ответственности является одной из наиболее сложных по той причине, что при выборе мер, содержания и объема ответственности за то или иное преступление законодатель обладает весьма широкой дискрецией, хотя, безусловно, и связан общими принципами уголовной ответственности.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что решение вопроса о размере санкций за предусмотренные УК РФ преступления является прерогативой федерального законодателя, который, осуществляя выбор тех или иных наказаний, должен руководствоваться конституционными требованиями необходимости и пропорциональности, обязывающими его дифференцировать их в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных факторов, влияющих на индивидуализацию уголовного принуждения; применение одинаковых мер уголовной ответственности за различные по степени общественной опасности преступления без надлежащего учета характеризующих обвиняемого обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, противоречит конституционному запрету дискриминации, идеям справедливости и гуманизма. Устанавливаемые за нарушение уголовного закона наказания должны предопределяться конституционными основами демократического правового государства, включая государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, соблюдение конституционных гарантий прав личности, справедливость и равенство, запрет произвола со стороны органов государственной власти и должностных лиц, реализующих уголовно-правовые предписания, в том числе судей⁸⁰.

⁸⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина»; Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции»; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке

Конституционный Суд РФ, как правило, предпочитает не вторгаться в обсуждение вопроса о конституционности вида и размера санкции статьи Особенной части УК РФ. Пожалуй, лишь дважды он высказал свою позицию по этому поводу, при обсуждении санкции ст. 212.1 УК РФ и ст. 159.4 УК РФ⁸¹. Основной посыл состоял в том, что эти нормы должны обеспечивать общие принципы равенства, справедливости, соразмерности и дифференциации ответственности. Анализ конституционной практики позволяет установить также, что сама по себе санкция охранительной правовой нормы, даже если она по своему характеру близка к абсолютно определенной, не может быть признана неконституционной, при условии если закон содержит иные, общие предписания, позволяющие суду индивидуализировать предусмотренное в ней наказание или отказаться от его применения⁸².

конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламязян»; Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

⁸¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина»; Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

⁸² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об

В этой связи гораздо больше внимания Конституционный Суд РФ уделяет проблемам соблюдения начал дифференциации при конструировании конкретных видов наказаний и определении правил назначения наказания или иных мер уголовно-правового характера. В частности, Суд признал, что:

— содержащийся в ст. 57 и ст. 59 УК РФ запрет назначать пожизненное лишение свободы перечисленным в нем категориям лиц основывается на вытекающей из принципов справедливости и гуманизма необходимости учета в уголовном законе социальных, возрастных и физиологических особенностей различных категорий лиц в целях обеспечения более полного и эффективного решения задач, которые стоят перед уголовным наказанием в демократическом правовом государстве. Данные ограничения не влияют на назначение другим категориям лиц, совершивших преступления, наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности их преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, не ущемляют тем самым их права и, следовательно, не являются дискриминационными, обеспечивая дифференциацию уголовной ответственности⁸³;

— устанавливая основные и дополнительные виды наказаний за совершение преступлений, законодатель не выходит за рамки

административных правонарушений в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева».

⁸³ Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 466-О «По жалобе гражданина Герасимова Андрея Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, статьями 57 и 59 Уголовного кодекса Российской Федерации и Указом Президента Российской Федерации от 7 декабря 1998 года о его помиловании»; Определение Конституционного Суда РФ от 14.10.2004 № 321-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голотина Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 № 898-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Купцова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 57 Уголовного кодекса Российской Федерации».

средств, которые могут быть использованы для достижения конституционно оправданных целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления его исправительного воздействия на осужденного, предупреждения новых преступлений и тем самым защиты личности, общества и государства от преступных посягательств. Назначение за одно преступление наряду с основным еще и дополнительного наказания не противоречит принципу *non bis in idem*, принципам вины и справедливости⁸⁴;

— учет обстоятельств, отягчающих наказание, позволяет суду назначить лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, наказание более строгого вида или избрать наказание ближе к высшему пределу санкции, предусмотренной за совершение соответствующего преступления, и таким образом обеспечить дифференциацию уголовной ответственности и индивидуализацию средств уголовно-правового воздействия на лиц, виновных в совершении преступления⁸⁵;

— полномочие суда, следователя и дознавателя отказать в прекращении уголовного дела направлено на достижение конституционно значимых целей дифференциации уголовной ответственности и наказания. При этом указание в статьях закона на возможность освобождения от уголовной ответственности как на право, а не обязанность прекратить уголовное дело, не означает произвольное разрешение данного вопроса уполномоченным органом или должностным лицом⁸⁶.

⁸⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 12.11.2020 № 2597-О «По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовного кодекса Российской Федерации и части второй статьи 36 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 581-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бакаева Сергея Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 10 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 290 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁸⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 № 1623-О-О «По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁸⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 860-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зяблина Евгения

Эти общие соображения были подтверждены Конституционным Судом РФ и при рассмотрении вопросов, связанных с санкциями отдельных преступлений против личности.

Как указал Конституционный Суд РФ:

— санкции ст. 105 УК РФ⁸⁷, ч. 4 ст. 111 УК РФ⁸⁸ не предполагают назначение наказания за предусмотренные ими преступления без учета общих критериев индивидуализации наказания, которое во всяком случае должно быть справедливым, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного;

— санкции ст. 131 УК РФ дифференцируют наказание в зависимости от общественной опасности содеянного⁸⁹;

Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2007 № 519-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 08.07.2004 № 256-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Каневского районного суда Краснодарского края о проверке конституционности статьи 76 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁸⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 23.03.2010 № 425-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хвощевского Евгения Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2015 № 90-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Василенкова Александра Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьями 4, 6 и 43, частями первой и третьей статьи 60 и частью второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁸⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2013 № 575-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кашолапа Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁸⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2019 № 79-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Синцаева Романа Александровича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации и подпунктом «б» пункта 14 ста-

— устанавливая повышенную ответственность за преступление в ч. 3 ст. 135 УК РФ, законодатель учитывал оказываемое предусмотренным в ней деянием негативное воздействие на нескольких потерпевших, что нельзя признать не имеющим объективного и разумного обоснования⁹⁰;

— усиливая наказание в санкции ч. 4 ст. 131 и ч. 5 ст. 134 УК РФ⁹¹, в санкции ч. 4 ст. 132 УК РФ⁹², законодатель адекватно и в пределах предоставленных ему полномочий оценил общественную опасность группового посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, в том числе не достигших шестнадцатилетнего возраста.

Конструирование адекватной и соразмерной санкции за то или иное преступление завершает определенный логический блок дифференциации уголовной ответственности в пределах статьи Особенной части УК РФ. Однако этим дифференциация ответственности также

тьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»».

⁹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1540-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мизяева Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 6 и частью третьей статьи 135 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2016 № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мазанова Артема Игоревича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 134 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 393-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смирнова Алексея Константиновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью пятой статьи 134 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁹² Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 1969-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шарафутдинова Игоря Мустакимовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10, статьей 22, примечанием к статье 131 и статьей 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

не ограничивается. Она пронизывает (должна пронизывать) собой содержание и всех иных институтов уголовного права, многие из которых по природе своей предназначены выполнять именно дифференцирующую роль в уголовно-правовом регулировании.

Так, подтверждая дифференцирующее начало института соучастия в преступлении, Конституционный Суд РФ указал, что данный институт применим к ситуациям совершения преступления с косвенным умыслом⁹³, предполагает ответственность за лично выполненные виновным деяния с учетом его роли и степени фактического участия в совершении преступления и не предполагает применения к этому лицу ответственности за деяния иных лиц и наступившие общественно опасные последствия, если они не охватывались его умыслом⁹⁴; призван обеспечивать дифференциацию уголовной ответственности и назначение лицу справедливого наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, лишь за те общественно опасные действия и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина⁹⁵.

Утверждая дифференцирующую направленность института неоконченного преступления, реализующего содержание уголовно-правовых принципов вины и справедливости⁹⁶, Суд подчеркнул

⁹³ Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 2767-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пулялина Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 25 и 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2019 № 1189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шмелевой Натальи Сергеевны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 33 и пунктом «ж» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 862-О «По запросу Тракторозаводского районного суда города Челябинска о проверке конституционности части второй статьи 35 и части второй статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2014 № 92-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Акопяна Григория Васильевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 30 и частью второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 525-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Графкина Александра

необходимость установления прямого умысла, направленного на совершение конкретного преступления⁹⁷ и обязанность его доказывания органами, осуществляющими уголовное преследование, в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела⁹⁸.

Задаче дифференциации ответственности подчинены также институт совокупности преступлений⁹⁹ и институт совокупности приговоров¹⁰⁰, которые в целом не выходят за рамки уголовно-правовых средств, которые вправе использовать законодатель, основываясь на конституционных принципах справедливости и соразмерности ответственности защищаемым законодательством ценностям. С учетом этого, Конституционный Суд РФ подтвердил

Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 282 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

⁹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1450-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Забиров Юрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 8, частью первой статьи 30, частью третьей статьи 33, пунктами «з», «к» части второй статьи 105, статьями 111 и 126 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 710-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подойменко Николая Андреевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также частью третьей статьи 30 и частью первой статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 397-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сокольников Евгения Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 69 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 259 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 21.03.2013 № 478-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яковлева Дмитрия Валерьевича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 69 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 7 части первой и частью второй статьи 299, пунктом 1 части пятой статьи 302, пунктом 4 статьи 307, пунктами 4 и 5 части первой статьи 308 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹⁰⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 1962-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронкова Алексея Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 70 Уголовного кодекса Российской Федерации».

конституционную допустимость квалификации с учетом правил совокупности преступлений, таких деяний, как незаконное лишение свободы и угон транспортного средства (ст. 127 УК РФ и ст. 166 УК РФ)¹⁰¹, развратные действия, совершаемые в отношении лиц разного возраста (ст. 131 УК РФ и ст. 135 УК РФ)¹⁰².

Обобщенная оценка многочисленных решений Конституционного Суда РФ, в которых прямо или косвенно затрагиваются вопросы дифференциации ответственности, в том числе за посягательства на личность, ее права и свободы, позволяет сформулировать несколько итоговых тезисов, отражающих в своей совокупности **конституционную концепцию дифференциации уголовной ответственности, которая должна восприниматься в качестве методологической основы всех теоретических построений на заявленную тему. Суть этой концепции сводится к следующему:**

— **дифференциация ответственности является одним из средств воплощения в законе и на практике конституционного принципа справедливости, который требует, чтобы правовая реакция на отклоняющееся от социальных и правовых стандартов поведение обязательно была адекватна характеру и степени общественной опасности этого поведения, его последствиям, содержанию вины, личности виновного и иным обстоятельствам;**

— **дифференциация ответственности подчинена требованиям принципа гуманизма, который обеспечивает соразмерность мер правового реагирования реальной опасности деяния**

¹⁰¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 2588-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Овчинникова Станислава Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 127 и пунктом «в» части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹⁰² Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1408-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Терещенко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 69, частью пятой статьи 132 и статьей 135 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также положениями Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»».

на основе умеренного осуществления государственной власти, принимая во внимание, что применение более строгих мер ответственности является конституционно допустимым только при неэффективности более мягких мер воздействия;

— дифференциация ответственности ограничена требованиями принципа юридического равенства и не должна приводить к созданию дискриминационных норм, необоснованно улучшающих или ухудшающих правовое положение лиц, совершивших преступления;

— дифференциация ответственности должна отвечать требованиям принципа правовой определенности и осуществляться посредством предписаний, содержание которых позволяет лицу однозначно предвидеть правовые последствия совершения общественно опасного деяния;

— надлежащая дифференциация оснований и (или) мер ответственности является обязательным условием конституционной легитимности самого установления уголовной ответственности за общественно опасное деяние, поскольку недифференцированная публично-правовая ответственность нарушает основы взаимоотношения личности и государства;

— дифференциация ответственности является универсальным принципом ее установления, имеет межотраслевое и внутриотраслевое (уголовно-правовое) содержание;

— дифференциация уголовной ответственности содержательно распадается на два основных блока: а) дифференциация оснований ответственности в части конструирования основного, квалифицированного (привилегированного) составов преступления, конструирования институтов, обеспечивающих учет стадий совершения преступления, множественности преступных деяний и множественности лиц, участвующих в совершении преступления; б) дифференциация уголовно-правовых мер воздействия на преступника в части адекватного конструирования санкций, видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера, правил их назначения;

— дифференциация ответственности, с учетом указанных обстоятельств, может рассматриваться одновременно как са-

мостоятельный принцип установления уголовной ответственности, как часть обязательств государства в качестве субъекта уголовно-правовых отношений, как одно из направлений уголовной политики, как юридическое средство обеспечения конституционной легитимности уголовно-правовых запретов.

§ 2. Понятие и механизм дифференциации ответственности за посягательства на личность

Дифференциация ответственности уверенно вошла в пул актуальных проблем отечественной уголовно-правовой науки в последней четверти прошлого столетия¹⁰³ и сохраняет таковой статус по настоящее время. Можно вполне уверенно утверждать, что сегодня в доктрине в целом сложилось вполне самостоятельное учение о дифференциации уголовной ответственности¹⁰⁴, охватывающее собой необходимый понятийный аппарат, методологические основы, определение цели дифференциации ответственности, путей и средств их реализации, критерии эффективности. При этом вполне закономерно, что учение это не является содержательно однородным и по некоторым принципиальным позициям теории дифференциации ответственности мнения специалистов не совпадают. В таких условиях исследование имеющихся

¹⁰³ Систематическое изучение проблем дифференциации ответственности началось в 70-е годы XX века, см., например: Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 77–95; Злобин Г.А., Келина С.Г., Яковлев А.М. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности // Советское государство и право. – 1977. – № 9. – С. 54–62. Хотя еще в 50-е годы была предпринята едва ли не первая попытка постановки этой проблемы в аспирантской статье А.С. Михлина, см.: Михлин А.С. Дифференциация уголовной ответственности с помощью построения в законе нескольких форм одного и того же преступления // Научная конференция аспирантов (ВИЮН). Тезисы докладов. – М., 1956. – С. 3–9.

¹⁰⁴ См. об этом, например: Рогова Е.В. Место учения о дифференциации уголовной ответственности в науке уголовного права // Вестник Казанского юридического института МВД России – 2016. – № 1 (23). – С. 21–25.

противоречий является не только обязательным компонентом теоретического анализа проблемы, но и создает хорошие предпосылки для того, чтобы в их обсуждении выйти за рамки устоявшегося дискурса, предложив новые направления развития теории дифференциации в уголовном праве.

Для начала отметим, что, выражая согласованную оценку значимости дифференциации ответственности в уголовном праве, юристы существенно расходятся в определении места дифференциации в системе уголовно-правового регулирования.

Одной из наиболее распространенных и авторитетных является позиция, связывающая вопросы дифференциации ответственности с уголовной (уголовно-правовой) политикой государства. Не случайно, по-видимому, идея дифференциации ответственности нашла отражение в теоретической Концепции уголовного законодательства 1992 г. в качестве одного из важнейших ориентиров реформы российского уголовного законодательства¹⁰⁵, и в теоретической модели Концепции уголовной политики 2012 г. в качестве одного из ее содержательных компонентов¹⁰⁶.

Вместе с тем, связь дифференциации ответственности с уголовной политикой описывается в литературе посредством далеко не совпадающих механизмов. Дифференциация ответственности признается либо направлением уголовной политики¹⁰⁷, либо методом

¹⁰⁵ Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Государство и право. – 1992. – № 8. – С. 39–46.

¹⁰⁶ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4–12.

¹⁰⁷ Кругликов Л.Л. О понятии и видах дифференциации ответственности // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе. Сб. науч. статей / под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль: ЯрГУ, 2001. – С. 3; Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 14, 20; Жильцов А.А. Значение дифференциации уголовной ответственности при реализации принципа справедливости // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 3 (16). – С. 239; Дудырев Ф.Ф. Формирование института дифференциации ответственности в уголовном законодательстве России в XIX – начале XX вв. // Вестник Самарской

ее осуществления¹⁰⁸, либо принципом¹⁰⁹. Как показывает анализ научных источников, юристы, как правило, не углубляются в критический анализ существующих различий. Сложность его проведения, однако, состоит в том, что само понятие уголовной или уголовно-правовой политики не имеет общепризнанного, универсального определения. Ведь очевидно, что если воспринимать уголовную политику как систему «основных принципов» охраны общества от преступных посягательств¹¹⁰, сложно говорить о дифференциации ответственности как о «принципе этих принципов», а если смотреть на политику как на «направление деятельности государства»¹¹¹, то едва ли логично рассуждать о дифференциации как о «направлении этого направления». Между тем, построение любой теории требует упорядочения исходных понятий и определения соотношения между ними, в том числе за счет известных допущений,

гуманитарной академии. Серия «Право». – 2011. – № 1 (9). – С. 3; Кругликов Л.Л. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и наказания // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 т. Т. III. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 295.

¹⁰⁸ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 184; Егорова Н.А. Принципы дифференциации и унификации уголовной ответственности за управленческие преступления // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 3 (14). – С. 37; Анискина Э.Г. Дифференциация уголовной ответственности как метод современной уголовно-правовой политики России // Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов. – Смоленск: Свиток, 2017. – С. 264 – 271.

¹⁰⁹ Борзенков Г.Н. Дифференциация ответственности по новому УК: нереализованные возможности // Законность. – 1997. – № 10. – С. 10; Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. – М.: Юрлитинформ, 2019. – С. 42.

¹¹⁰ См.: Гаухман Л.Д., Ляпунов Ю.И. Понятие советской уголовной политики и ее основные направления. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – С. 4.

¹¹¹ Исмаилов И.А. Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы организации борьбы с преступностью). – Баку: Азернешр, 1990. – С. 124.

ограничений и формулировки некоторых тезисов, воспринимаемых в качестве аксиом.

В нашем представлении уголовная политика есть не просто направление деятельности и не просто принципы этой деятельности. Ее надо воспринимать в органичном единстве идеологического и деятельностного подходов как подчиненную определенным целям, сообразуемую с определенными принципами деятельности государства по обеспечению безопасности общества от преступных посягательств¹¹². Выработка целей и принципов при этом составляет такой же содержательный компонент уголовной политики, как и сама практика обеспечения безопасности и противодействия преступности.

При таком подходе дифференциация уголовной ответственности не может восприниматься в качестве стратегического направления или стратегической цели деятельности государства по противодействию преступлениям. Содержательно и сущностно она гораздо ближе к тому, что Э.Ф. Побегайло назвал «тактикой» борьбы с преступностью¹¹³. И с этих позиций есть некоторые предпосылки к тому, чтобы рассматривать дифференциацию ответственности в качестве метода уголовной политики. Однако надо учитывать, что, во-первых, дифференциация соотносима только с одним направлением уголовной политики, а именно с политикой уголовно-правовой, во-вторых, даже в ее рамках она имеет отношение не ко всей уголовно-правовой политике, а лишь к той ее части, что связана с пенализацией и депенализацией¹¹⁴. С этой точки зрения, вряд ли можно придавать дифференциации статус универсального метода

¹¹² См. об этом: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа. – М.: Юрлитинформ, 2017.

¹¹³ Побегайло Э.Ф. Симптомы кризиса современной российской уголовной политики // Побегайло Э.Ф. Избранные труды. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – С. 9.

¹¹⁴ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 15; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 189.

уголовно-правовой политики, равнозначного методам криминализации и пенализации.

Еще один распространенный подход к оценке роли дифференциации ответственности в механизме уголовно-правового регулирования предполагает восприятие ее в качестве принципа уголовного права¹¹⁵ либо принципа уголовной ответственности¹¹⁶. Этого мнения придерживается авторитетная группа юристов, предлагающая закрепить требование дифференциации ответственности в уголовном законе в ряду его принципиальных оснований. Эта идея выглядит привлекательной. Однако она не лишена некоторых теоретических изъянов.

Во-первых, как известно, одно из свойств принципов уголовного права состоит в их всеобщности, в силу чего принципы распространяют свою силу и пронизывают своим содержанием все аспекты уголовно-правового регулирования – от создания уголовного закона до его применения в отношении конкретных лиц. Между тем, общепризнанное понимание дифференциации ответственности ограничивает ее исключительно сферой законодательной деятельности, противопоставляя началам индивидуализации ответственности на уровне правоприменения. В этой связи надо признать, что либо дифференциация ответственности не может претендовать на статус принципа уголовного права, либо требуется расширительное толкование идеи дифференциации, позволяющее

¹¹⁵ Васильев Н.В. Принципы советского уголовного права. – М.: ВЮЗИ, 1983. – С. 42, 43; Ляпунов Ю. Принципы уголовного законодательства // Социалистическая законность. – 1989. – № 2. – С. 33; Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2003. – С. 11; Кротов С.Е. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств,отягчающих наказание: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 9 – 10; Фисенко Д.Ю. Специальные принципы уголовного права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2016. – С. 9.

¹¹⁶ Бурганов Р.С. Принципы уголовного права и принципы назначения наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2006. – С. 10.

интегрировать и законодательный, и правоприменительный уровень градации ответственности, с тем чтобы сформулировать универсальную идею; однако такая идея уже зафиксирована в УК РФ в виде принципа справедливости.

Во-вторых, принципы права есть не только (а возможно, и не столько) идеи, пронизывающие область правового регулирования, но сами регуляторы. Как отмечает В.В. Ершов, принципы права являются не «идеями», «положениями», «началами» и т.п., а действительными (действующими) средствами правового регулирования общественных отношений¹¹⁷. С этой точки зрения, представляется, что идея дифференциации ответственности не может выступать непосредственным регулятором уголовно-правовых отношений. Она лишена собственно содержательного, «действующего» начала, обладает не предметным, но инструментальным характером. Дифференциация указывает на то, как необходимо использовать ответственность, но не предопределяет содержания самой этой ответственности. Иными словами, по природе своей она ближе к инструментам, нежели к принципам уголовного права.

Как видим, оценка дифференциации ответственности с позиции теории уголовной политики или теории принципов уголовного права, хотя и подчеркивает ее значение и роль в механизме уголовно-правового регулирования, но обладает слабыми инструментальными возможностями. Специалисты весьма точно замечают: «Трудно спорить с тем, что это важная правовая идея, принцип уголовного права или уголовно-правовой политики, ее метод или одно из требований принципа справедливости, хотелось бы только большей определенности в этом вопросе»¹¹⁸.

¹¹⁷ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. – М.: РГУП, 2018. – С. 310.

¹¹⁸ Дуюнов В.К., Кондратюк С.В. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. № 11-1. – С. 208–209.

Этой «большей определенности» можно достичь, по нашему мнению, изменив исходную точку зрения на феномен дифференциации уголовной ответственности. Предпосылкой к этому может служить встречающаяся в науке интерпретация дифференциации уголовной ответственности с использованием категории «деятельность». А.В. Андреев и Л.В. Лобанова пишут: «дифференциацию уголовной ответственности можно представить как осуществляемый в рамках законотворческой деятельности по формированию уголовных законов целенаправленный процесс, заключающийся в установлении различных нормативных моделей такой ответственности, результатами которого являются различия в формах ее проявления и объемах реализации, обусловленные разницей в характере общественной опасности моделируемых видов преступлений и типовой степени общественной опасности преступления и преступника, а также иных типичных свойств личности»¹¹⁹.

Не углубляясь в детальный анализ этой дефиниции, отметим главное, что может служить источником наших теоретических построений. Речь идет о том, что дифференциация ответственности – это часть деятельности государства по созданию уголовных законов. Сама же эта деятельность образует реализацию комплекса правомочий государства в качестве субъекта уголовно-правовых отношений¹²⁰, является объективным выражением его субъективного права на уголовное наказание¹²¹.

¹¹⁹ Андреев А.В., Лобанова Л.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2006. – № 8. – С. 122.

¹²⁰ См.: Гузеева О.С. Еще раз к вопросу о признании государства субъектом уголовно-правовых отношений // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. мат. VII Международ. науч.-практ. конф. (М., РГУП, 27.11.2019) / под. ред. А.В. Бриллиантова, С.В. Складорова. – М.: РГУП, 2020. – С. 18 – 24; Ларина Л.Ю. Государство как субъект уголовно-правовых отношений // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – С. 130–134.

¹²¹ Гурин Д.В. Генезис права государства на уголовное наказание: проблемы историко-правовой и теоретико-правовой интерпретации // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 4 (4). – С. 4–17;

Подход к оценке дифференциации ответственности в контексте анализа прав и обязанностей государства в качестве субъекта уголовно-правовых отношений открывает новые и, как представляется, весьма полезные перспективы для исследования.

Во-первых, он позволяет вполне определенно вписать дифференциацию ответственности в механизм уголовно-правового регулирования, определить ее место в нем не посредством абстрактных рассуждений о направлениях и принципах уголовной политики или уголовного права, а посредством вполне четкого указания на правомочия государства.

Во-вторых, заставляет признать, что дифференциация ответственности в комплексе правомочий государства выступает его конституционной обязанностью, соблюдение которой обеспечивает общую легитимность уголовно-правовых запретов с точки зрения конституционных начал регулирования уголовно-правовых отношений.

В-третьих, обязывает предпослать этой обязанности корреспондирующее конституционное право человека на справедливый суд, в связи чем дает возможность рассматривать отсутствие дифференциации уголовной ответственности или ее некачественность как нарушение конституционных прав граждан.

В-четвертых, предполагает, что эта обязанность должна рассматриваться в системном единстве с иными законодательными полномочиями парламента по конструированию составов преступлений и уголовно-правовых санкций.

В-пятых, дает возможность рассматривать дифференциацию ответственности в качестве обязанности не отдельных государственных органов, а государства как целого.

Последнее представляется особенно важным, так как дает возможность существенно уточнить некоторые положения теории дифференциации ответственности.

Как уже отмечалось, общим местом всех рассуждений на тему дифференциации ответственности выступает признание ее субъектом исключительно законодательного органа и противопоставление на этой основе законодательной дифференциации и судебной индивидуализации ответственности. Лейтмотивом многих сочинений выступает тезис о том, что дифференциация ответственности является предпосылкой ее индивидуализации¹²². Весьма категорично и последовательно высказывается по этому поводу Л.Л. Кругликов: «дифференциацию ответственности можно определить как осуществляемое законодателем разделение последней..., целью которой является создание для правоприменителя соответствующего правового режима. ... В отличие от дифференциации – необходимого и весомого инструмента осуществления уголовной политики в руках законодателя – индивидуализация ответственности и наказания представляет собой деятельность по воплощению воли законодателя»¹²³; «непродуктивно понимание дифференциации ответственности, поглощающее процессы ее индивидуализации. ... Такая интерпретация ведет к смешению функций законотворчества и правоприменения. ... Индивидуализация ответственности, как и дифференциация, также выступает инструментом уголовной политики, но уже в руках не законодателя, а правоприменителя. Воплощая волю последнего, суд, например, учитывает результаты осуществленной посредством правотворчества дифференциации ответственности»¹²⁴. Ему

¹²² Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – С. 39; Жильцов А.А. Значение дифференциации уголовной ответственности при реализации принципа справедливости // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 3 (16). – С. 243.

¹²³ Кругликов Л.Л. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и наказания // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 т. Т. III. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 311.

¹²⁴ Кругликов Л.Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. № 3. – С. 11–12.

вторит Е.В. Рогова: «Заложенные законодателем идеи дифференциации уголовной ответственности реализуются в правоприменительной практике при индивидуализации наказания. Реальная жизнь закона продолжается в практике правоприменения, в связи с чем индивидуализация наказания представляет собой завершение дифференциации, ее реализацию в конкретном случае, применительно к конкретному субъекту. Таким образом, происходит переход от дифференциации ответственности на законотворческом уровне к правоприменительным проблемам ее реализации»¹²⁵.

Эти рассуждения, с одной стороны, вполне логичны. Но, с другой стороны, в контексте понимания дифференциации в качестве обязанности именно государства, а не отдельных его органов, не вполне точны и излишне механистически. Полагаем, что **нет оснований для восприятия дифференциации исключительно в качестве предварительного условия или предпосылки индивидуализации ответственности. Градация ответственности – общая задача государства, которая решается на различных уровнях (законотворческом и правоприменительном). И в силу наличия системы сдержек и противовесов между органами власти, игнорирование этой обязанности со стороны одних органов может быть вполне успешно компенсировано иными органами.** Не случайно, видимо, Конституционный Суд РФ признает вполне конституционными правовые ситуации, в которых отсутствие должной нормативной дифференциации ответственности компенсируется наличием механизмов, позволяющих ее индивидуализировать на правоприменительном уровне¹²⁶, и подчеркивает, что «в

¹²⁵ Рогова Е.В. Конституционные принципы дифференциации уголовной ответственности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 6 (68). – С. 65.

¹²⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об

обязанность судов входит обеспечение дифференциации ответственности исходя из полной и всесторонней оценки деяния, с тем чтобы обеспечить как реализацию задач и принципов уголовного закона, так и вытекающую из назначения уголовного судопроизводства защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод»¹²⁷.

С этой точки зрения **дифференциация и индивидуализация – не последовательные стадии «дробления» ответственности, а относительно самостоятельные, взаимно дополняющие друг друга, соотнесенные с принципом разделения властей механизмы исполнения обязанности государства обеспечить соразмерность реализуемых им правовых мер всем обстоятельствам конкретной правоприменительной ситуации**. Обеспечение соразмерности – это то «общее», что объединяет процессы дифференциации и индивидуализации, что выступает одновременно их содержанием и целью. Соблюдение и обеспечение соразмерности мер ответственности опасности содеянного и личности виновного – конституционная обязанность государства в качестве субъекта уголовно-правового отношения.

Соотнесение соразмерности ответственности с принципом разделения властей в осуществлении государством его права на уголовное наказание позволяет уточнить еще, как минимум, два важных аспекта.

Первый состоит в том, что в деле установления уголовной ответственности за то или иное преступление при безусловной эксклюзивности положения парламента как субъекта, наделенного

административных правонарушений в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкчева».

¹²⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 07.07.2016 № 1426-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзина Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации».

правом принимать уголовный закон, немалую роль играют и органы исполнительной власти (в частности, Правительство России). На примере криминализации преступлений против личности это заметно, в частности, при анализе положений ст. 111, ст. 112, ст. 115 УК РФ, в которых установлена ответственность за различные виды причинения вреда здоровью, при том, что сами признаки вреда того или иного вида устанавливаются с учетом актов органов исполнительной власти¹²⁸, а также при анализе иных преступлений, предусмотренных в нормах с бланкетными диспозициями. Акты органов исполнительной власти, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд РФ, сами по себе не предопределяют преступности и наказуемости общественно опасных деяний, а конкретизация признаков состава преступления в таких актах не означает наделение Правительства РФ полномочием осуществлять нормативное регулирование по вопросу установления оснований уголовной ответственности¹²⁹. Вместе с тем, эти акты образуют си-

¹²⁸ Например, ранее (до 01.09.2025г.), см.: Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 35. – Ст. 4308; Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. – № 188. – 05.09.2008. После 01.09.2025г., см.: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.07.2025 № 1110 "О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации, 4 августа 2025 г. № 31 ст. 4807; Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 08.04.2025 № 172н (в ред. Приказа Минздрава РФ от 19.08.2025 № 490н) «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 02.06.2025.

¹²⁹ См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1668-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Григорских Романа Александровича на нарушение его конституционных

стемное, нормативное единство с предписаниями уголовного закона и в этом отношении акты органов исполнительной власти вполне могут участвовать в механизме дифференциации уголовной ответственности (гипотетический пример – изменение на уровне постановления Правительства РФ оценки степени тяжести того или иного телесного повреждения). Таким образом, дифференциация ответственности (по крайней мере, на уровне конструирования оснований уголовной ответственности) осуществима и законодателем, и посредством делегирования полномочий по конкретизации отдельных признаков состава иным государственным органам – органами исполнительной власти.

Более того, надо принять во внимание, что в ряде случаев конкретизация уголовно-правовых предписаний осуществляется и Пленумом Верховного Суда РФ. Вспомним известные ситуации, связанные с определением понятия «лицо, впервые совершившее преступление», характеристикой понятия «возмещение ущерба и заглаживание вреда», разъяснением вопроса о порядке назначения вида исправительного учреждения для отбывания наказания в виде лишения свободы отдельным категориям осужденных лиц. Отрицать в данных ситуациях участие органов судебной власти в осуществлении процесса именно дифференциации ответственности вряд ли возможно. И с этих позиций есть основания поддержать

прав положениями статей 25 и 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 140, 141 и 145 - 147 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Постановлений Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» и «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам, связанным с оборотом наркотических средств и психотропных веществ».

высказанную в литературе идею о наличии, наряду с законодательной, также и правоприменительной дифференциации уголовной ответственности¹³⁰.

Подчеркнем: мы не обсуждаем сейчас вопросы целесообразности принятия правительственных актов по вопросам уголовно-правового регулирования и правовую природу постановлений Пленума Верховного Суда РФ, мы не отрицаем и того, что создание уголовного закона – исключительная прерогатива федерального законодателя. Мы лишь ставим под сомнение то распространенное в науке суждение, что весь объем дифференциации ответственности исчерпывается исключительно деятельностью законодателя. Постольку, поскольку в деле конструирования и конкретизации уголовно-правового запрета участвуют не только парламентские органы, но и иные органы власти, постольку поскольку это согласуется с конституционными принципами разделения властей и баланса между ними, дифференциация ответственности является делом всех причастных к определению уголовно-правовой нормы субъектов.

Второе обстоятельство, вытекающее из анализа связи процессов дифференциации ответственности и разделения властей, уже отчасти привлекало внимание специалистов и состоит, если допустимо так выразиться, в наличии обратной пропорциональной зависимости между дифференциацией и индивидуализацией ответственности. Т.А. Лесниевски-Костарева пишет по этому поводу: «Дифференциация ответственности в уголовном законе и предоставленная законом правоприменителю возможность индивидуализировать ответственность – это, можно сказать, две чаши на весах уголовной политики. Чем больше сфера дифференциации, чем подробнее ре-

¹³⁰ Егорова Н.А. Виды и средства дифференциации и унификации уголовной ответственности // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2009. – № 2 (9). – С. 42.

гламентировал законодатель усиление и ослабление ответственности, тем меньше сфера индивидуализации и свободы правоприменителя действовать по своему усмотрению. И наоборот»¹³¹.

В литературе эта проблема поднимается, как правило, в связи с обсуждением границ санкции уголовно-правовой нормы и пределами судейского усмотрения при назначении наказания. Утверждается, в частности, что «абсолютно определенные санкции не менее вредны, чем санкции, позволяющие чрезмерно широкое судейское усмотрение. Такие санкции не позволяют индивидуализировать наказание в зависимости от конкретных обстоятельств дела и с учетом личности виновного. В то же время санкции с широкими рамками наказаний хотя и дают простор для индивидуализации, однако, по нашему мнению, не способствуют выработке единой обоснованной карательной практики, что может нанести определенный ущерб делу исправления осужденных, а также предупреждения преступлений»¹³².

Не оспаривая этих суждений по существу, заметим все же, что они являются итогом во многом изолированной оценки процессов дифференциации и индивидуализации ответственности, следующей логики жесткой дихотомии законодательной и судебной деятельности. Между тем, надо отметить два важных обстоятельства. Во-первых, методологически неверно рассуждать о соотношении дифференциации и индивидуализации ответственности вне общего контекста разделения властей, определяющего меру свободы и усмотрения суда при применении уголовного закона. Во-вторых,

¹³¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 20. См. также: Ахьядов Э.С.-М. Исторические предпосылки развития института дифференциации уголовной ответственности в России // Вестник Чеченского государственного университета. – 2017. – № 1 (25). – С. 122.

¹³² Рогова Е.В. Конституционные принципы дифференциации уголовной ответственности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации – 2018. – № 6 (68). – С. 64; см. также: Каплин М.Н. Учение о дифференциации уголовной ответственности и действующий закон // Юридическая наука. – 2014. – № 2. – С. 112.

жесткая механистическая концепция разделения властей по большей части является уже достоянием истории, и сегодня представлена лишь в виде некоего общего принципа, который имеет множество значимых исключений, в силу которых суд давно перестал быть лишь пассивным исполнителем законодательной воли, а законодатель – исключительным автором нормативных предписаний. Хотя бы тот факт, что суды наделены возможностью конституционной дисквалификации законодательных положений, в том числе в части дифференциации ответственности (как это случилось, к примеру, в процессе применения ст. 159.4 УК РФ), а парламент наделен правом амнистии, позволяет свидетельствовать о том, что дифференциация ответственности, будучи конституционной обязанностью государства как целого, не может обсуждаться вне контекста разделения властей и распределения полномочий, образующих право на уголовное наказание, между отдельными ветвями власти. По меньшей мере, было бы наивно разрабатывать предложения по расширению или, напротив, ограничению сферы дифференциации ответственности вне этого контекста.

Обсуждение проблем дифференциации ответственности в контексте принципа разделения властей в правовом государстве позволяет по-новому взглянуть еще на ряд взаимосвязанных проблем теории дифференциации уголовной ответственности. Речь идет об объекте и видах дифференциации.

С одной стороны, ответ на вопрос об объекте дифференциации ответственности заложен в самом этом вопросе. Таковым объектом выступает ответственность. Между тем, проблема уголовной ответственности, ее содержания и соотношения со смежными правовыми понятиями и была, и остается до сих пор одной из наиболее сложных и дискуссионных. Не углубляясь в ее анализ, сознавая, что она может составить предмет отдельного исследования, обратим внимание только на некоторые, значимые в контексте рассматриваемой нами темы аспекты.

Прежде всего, надо признать, что в современных условиях утратила свою познавательную ценность прежняя исследовательская логика – «преступление – ответственность – наказание». В УК РФ

сегодня содержится ряд норм и институтов, которые предполагают возможность реализации уголовной ответственности без уголовного наказания (например, ч. 2 ст. 92 УК РФ), а равно применения правоограничительных мер вне уголовной ответственности, при освобождении от нее (например, ст. 76.2 УК РФ). Это порождает непростую задачу выяснения соотношения понятий «уголовная ответственность» и «меры уголовно-правового характера», а равно соотнесения этих понятий с известным уголовному закону понятием «уголовно-правовые последствия совершения преступления». Рассмотрению данного вопроса посвящен значительный массив научной литературы. Однако в связке с вопросами дифференциации ответственности они практически не исследуются. Одно из немногих исключений – работы М.Н. Каплина. Автор пишет: «Очевидно, что уголовной ответственностью в качестве объекта дифференциации могут выступать лишь конкретные меры государственного принуждения, то есть наказание. Именно наказания чаще всего «дозируются» применительно к определенным в законе ситуациям. Представляется, что медицинские, воспитательные и иные меры уголовно-правового характера, выступающие альтернативой наказанию (например, предусмотренные ч. 5 ст. 73 УК РФ), нельзя причислять к мерам ответственности ввиду отсутствия у них карательной цели. В этом случае необходимо говорить о более широком явлении – дифференциации мер уголовно-правового характера, к числу которых относится и наказание»¹³³. Не станем входить в обсуждение крайне спорного тезиса о том, что уголовная ответственность и есть собственно наказание (этот вопрос давно решен в литературе, причем отрицательно). Обратим внимание на иной фрагмент цитаты. Автор признает, и полагаем, вполне справедливо, что в сфере уголовно-правового регулирования наблюдается как минимум два вектора дифференциации: дифференциация уголовной ответственности и дифференциация мер уголовно-правового характера.

¹³³ Каплин М.Н. Учение о дифференциации уголовной ответственности и действующий закон // Юридическая наука. – 2014. – № 2. – С. 111.

Развитие этой идеи возможно и необходимо, однако при непре-
менном условии – выяснение соотношения ответственности, мер
уголовно-правового характера и уголовно-правовых последствий
совершения преступления. В общем массиве разнообразных кон-
цепций возьмем в качестве исходной ту, что предложена Ю.Е. Пу-
довочкиным¹³⁴. Используя авторскую логику соотношения указан-
ных понятий, полагаем целесообразным выделять: 1) дифференци-
ацию уголовно-правовых последствий совершения преступления в
виде освобождения от уголовной ответственности и реализации
уголовной ответственности; 2) дифференциацию мер уголовно-
правового характера, применяемых при освобождении от уголов-
ной ответственности и при реализации уголовной ответственности;
3) дифференциацию собственно уголовной ответственности.

Такой подход, во-первых, позволяет решить «старый» вопрос о
возможности отнесения института освобождения от уголовной от-
ветственности к средствам дифференциации ответственности. Как
известно, по мнению некоторых специалистов, освобождение от
ответственности не является средством ее дифференциации, ибо по
логике вещей невозможно дифференцировать то, чего в реальности
нет¹³⁵. Соглашаясь с таким подходом по существу, надо все же за-
метить, что освобождение от ответственности отражает дифферен-
цированный подход законодателя к определению уголовно-право-

¹³⁴ Пудовочкин Ю.Е. Понятия и система уголовно-правовых последствий
совершения преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета
МВД России. – 2021. – № 1 (89). – С. 126–135; Пудовочкин Ю.Е. Меры
уголовно-правового характера и уголовная ответственность: научная дис-
куссия и поиск решения // Пенитенциарная наука. – 2020. – Т. 14. № 4
(52). – С. 460–472.

¹³⁵ Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступ-
ления против жизни и здоровья: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ярославль,
2003. – С. 34; Кулев А.Г. О видах дифференциации ответственности // Уголовное право. Стратегия развития в XXI веке. Материалы 5-й Между-
народной научно-практической конференции, 24-25 января 2008 г. – М.:
Проспект, 2008. – С. 101.

вых последствий совершения преступления, а потому этот институт должен быть включен в общую логику дифференциации, хотя и за рамками дифференциации собственно ответственности.

Во-вторых, этот подход позволяет обособить дифференциацию именно уголовной ответственности в общем массиве направлений дифференциации уголовно-правовых последствий и признать ее относительную автономность. Это дает возможность изначально исключить из сферы анализа проблем дифференциации ответственности тот массив правовых норм, которые, собственно, к ответственности не имеют отношения.

Что касается самой уголовной ответственности и ее содержания, то отмечая дискуссионный характер этой проблемы, анализу которой посвящен значительный массив литературы¹³⁶, полагаем возможным соотнести это понятие со всеми теми мерами, которые следуют за совершенное преступление (а не иное общественно опасное деяние, в том числе предусмотренное уголовным законом) вместе с фактом осуждения лица (вынесением обвинительного приговора, а не иного правоприменительного решения) и предусмотрены уголовным законом (это уточнение принципиально важно ввиду наличия в правовой системе страны массы правоограничений неуголовно-правового характера, которые распространяются на судимых и осужденных лиц).

¹³⁶ Из современных работ по теме см., например: Чистяков А.А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания. – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2002; Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: Юрлитинформ, 2006; Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. – М.: ЮрИнфоР-МГУ, 2008; Дворецкий М.Ю., Стромов В.Ю. Уголовная ответственность: реализация и эффективность. В 4 ч. – Тамбов: ТГУ, 2013; Фильченко А.П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности (проблемы отраслевого и межотраслевого согласования). – М.: Юрлитинформ, 2014; Уголовная ответственность: фундаментальные основы теории и практики: сборник научных трудов / под общ. ред. А. Н. Савенкова. – М.: ЮНИТИ, Закон и право, 2019; и др..

Здесь возникает, однако, необходимость уточнить, как соотносятся эти меры и ответственность. В литературе, как известно, ответственность определяется как обязанность претерпеть меры воздействия со стороны государства¹³⁷, как сами меры воздействия, применяемые к лицу, совершившему преступление¹³⁸, как процесс реального претерпевания назначенных лицу мер воздействия¹³⁹. В зависимости от этого по-разному определяется и момент возникновения и прекращения уголовной ответственности.

Очевидно, что в зависимости от этих исходных позиций напрямую зависит и понимание сути процесса дифференциации ответственности. Если ответственность есть только обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть меры воздействия со стороны государства, то думается, что таковая обязанность не подлежит градации или дроблению, не может быть дифференцирована. Если ответственность есть процесс реального претерпевания мер воздействия, то она претерпевается, будучи индивидуально определенной применительно к каждому конкретному лицу с учетом и его характеристик, и особенностей совершенного преступления, иными словами, претерпевается только индивидуализированная, а не дифференцированная ответственность.

Гораздо точнее, таким образом, понимание ответственности с использованием формулы «предусмотренные законом меры». Надо только учитывать, что сами меры уголовно-правового характера являются лишь одним из элементов содержания ответственности, фор-

¹³⁷ Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – М.: Юрид. лит., 1974. – С. 21 – 22; Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1963. – С. 25 – 26 и др.

¹³⁸ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 406; Сухарева Н.Д. Общеуголовное освобождение от ответственности в российском уголовном праве. – М.: Илекса, 2005. – С. 23.

¹³⁹ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 42.

мула которой включает в себя также осуждение лица от имени государства. Осуждение – это обязательный компонент ответственности, который присутствует во всех случаях ее реализации и является константой, он не может быть дифференцирован по определению.

Завершающим моментом в определении ответственности как объекта дифференциации должно стать раскрытие самих мер, которые ее образуют. Общим местом всех рассуждений на эту тему в науке является признание мерами ответственности, прежде всего, уголовного наказания. Представлено в литературе мнение и о том, что таковыми мерами могут выступать и альтернативы наказанию, применяемые в рамках ответственности (например, условное осуждение, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа), и некие дополнительные к наказанию меры (например, конфискация имущества). Некоторые авторы полагают, что мерой уголовно-правового характера как частью ответственности является судимость¹⁴⁰.

Вне зависимости от того, как будет решен вопрос о видах мер, образующих ответственность, стоит напомнить очевидное: **часть мер дифференцируется законодателем непосредственно в санкции статьи Особенной части УК РФ, иные – в статьях Общей части УК РФ**. Это дало основание некоторым специалистам говорить о двух корреспондирующих этим техническим приемам видах дифференциации уголовной ответственности¹⁴¹. Однако представляется, что за этим техническим приемом кроется гораздо большее, нежели просто удобство изложения материала.

Дело в том, что **меры ответственности, дифференцированные в санкции (наказания), в гораздо большей степени связаны с описанным в диспозиции преступлением и предопределены законодательной оценкой его общественной опасности. Они**

¹⁴⁰ Келина С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. – 2007. – № 6. – С. 57.

¹⁴¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 123; Гасанова Э.В. Виды дифференциации уголовной ответственности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева – 2010. – № 1 (72). – С. 37–41.

отобраны, откалиброваны и сочетаны законодателем в границах санкции особым образом (здесь имеет значение, и набор, и количество видов наказаний, и их размер, и альтернативность), с учетом специфики преступления определенного вида (его объекта, потерпевшего, характера деяния и последствий и т. д.). Санкция подтверждает и выражает собой законодательную оценку опасности преступления, служит внешней формой выражения такого неперенного признака преступления, как наказуемость. Моделирование санкции неотделимо, по большому счету, от моделирования состава преступления, за который она предусматривается в законе. Это обстоятельство заставляет по-новому взглянуть на устоявшийся в науке штамп, согласно которому дифференциация ответственности не охватывает собой сферу криминализации деяний¹⁴², не включает в себя дифференциацию оснований ответственности¹⁴³.

Криминализировать какое-либо деяние без определения санкции за него невозможно по определению; криминализация как процесс (и результат) признания деяния преступным с необходимостью предполагает установление санкции, и в этом отношении пенализацию деяния вполне можно рассматривать в качестве неотъемлемой части его криминализации. И поскольку пенализация предполагает с необходимостью дифференциацию мер воздействия, криминализация без дифференцированной санкции также становится невозможной. Именно в силу этих обстоятельств мы можем всецело поддержать специалистов, которые, рассуждая о дифференциации ответственности, выделяют такие ее виды, как дифференциация оснований ответственности и дифференциация ее объема и форм¹⁴⁴. Дифференциация оснований ответственности

¹⁴² Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 16.

¹⁴³ Андреев А.В., Лобанова Л.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2006. – № 8. – С. 123.

¹⁴⁴ Келина С.Г. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // Советское государство и право. – 1987. – № 5. – С. 70;

всегда сопряжена с построением санкции и таким образом всегда предполагает дифференциацию уголовного наказания как центрального компонента содержания уголовной ответственности.

Параллельно стоит заметить также, что дифференциация наказания как элемент, из которого складывается содержание ответственности, может осуществляться (и активно осуществляется) также за пределами санкции статьи Особенной части УК РФ – в нормах, определяющих содержание и пределы самого наказания, особенности его назначения и применения к отдельным категориям лиц. Такая дифференциация наказания во многом выступает предпосылкой дифференциации ответственности за то или иное преступление посредством конструирования санкции.

Вместе с тем, как уже было отмечено, наказание является не единственно возможным содержательным элементом ответственности. Она включает в себя дополнительно или альтернативно ему некоторые иные меры уголовно-правового характера. Но как справедливо указывает С.И. Курганов, «следует различать применение мер за *совершение преступлений* и применение мер к *лицам, совершившим преступления*» (курсив – С.И. Курганова)¹⁴⁵. Наказание, как часть ответственности, применяется только «за» совершение преступления, тогда как иные меры ответственности применяются «к лицам», совершившим преступление.

Эти особенности содержания ответственности в учении о ее дифференциации отражаются двояко.

Кругликов Л.Л. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и наказания // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 т. Т. III. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 307; Тимофеева Е.А. О дифференциации уголовной ответственности и ее соотношении со смежными правовыми явлениями // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН России. – 2008. – № 4. – С. 22.

¹⁴⁵ Курганов С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. – М.: Проспект, 2008. – С. 35.

Во-первых, значительная часть исследователей учитывает их при анализе оснований дифференциации, утверждая, что таковыми выступают не только показатели общественной опасности преступления, но и типологические характеристики личности виновного¹⁴⁶. Как пишет Д.А. Пархоменко, «в отечественном уголовном законодательстве дифференциация уголовной ответственности традиционно осуществляется не только в зависимости от того, что совершено, но и с учетом того, кто совершил. Характеристика лица, совершившего преступление, складывается из ряда признаков, отраженных в уголовном законе, и в этой связи уголовная ответственность дифференцируется (подразделяется, различается) по различным основаниям: в зависимости от возраста, пола, гражданства, служебного, должностного положения, правового статуса и т. п.»¹⁴⁷.

Во-вторых, некоторые исследователи отражают рассматриваемые особенности содержания ответственности при построении системы видов дифференциации ответственности. Например, А.А. Ширшов в зависимости от способа дифференциации уголовной ответственности выделяет полную и ограниченную уголовную ответственность. Суть полной уголовной ответственности заключается в том, что она применяется к лицам, обладающим всеми признаками субъекта уголовной ответственности. Суть ограниченной уголовной ответственности, напротив, заключается в законо-

¹⁴⁶ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 45; Соловьев О.Г., Смирнов Р.Ю. Определение оснований дифференциации уголовной ответственности в современной правовой доктрине // Юридическая наука. – 2015. – № 1. – С. 64.

¹⁴⁷ Пархоменко Д.А. Дифференциация ответственности лиц, впервые совершивших преступление, как направление уголовно-правовой политики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 4 (91). – С. 72.

дательном ограничении (запрете) применения к определенным категориям лиц отдельных видов уголовно-правовых средств принудительного воздействия¹⁴⁸.

Признавая познавательную ценность этих теоретических построений, представляется все же, что они не вполне точны и требуют переосмысления. Полагаем, что есть основания к тому, чтобы на основе изложенных подходов провести более четкую дифференциацию видов самой дифференциации ответственности. Соглашаясь с тем, что дифференциация ответственности должна строиться, исходя из показателей опасности деяния и личности виновного, заметим, что механизм учета этих критериев дифференциации должен быть различным. Как верно пишет Е.В. Рогова, «механизм учета оценки критериев при дифференциации уголовной ответственности заключается в том, что показатели меньшей или большей степени общественной опасности находят свое выражение в привилегирующих или квалифицирующих признаках состава преступления. Характер и степень общественной опасности преступления отражается также в санкции уголовно-правовой нормы»¹⁴⁹. Однако ее последующие суждения о том, что «свойства, характеризующие личность преступника, могут быть включены как в основной состав, так и в привилегированный и квалифицированный составы преступления», должны быть оспорены. Личность виновного (ее типологические характеристики), по нашему убеждению, не могут входить в разряд элементов и признаков состава преступления, не могут составлять часть основания уголовной ответственности, не могут предопределять опасности совершенного преступления и таким образом отражаться в санкции уголовно-правовой нормы. Для учета особенностей личности существует ряд иных инструментов в структуре уголовного закона. Кроме того, личность, как уже было отмечено, в большей степени влияет не на параметры наказуемости деяния, а на

¹⁴⁸ Ширшов А.А. Уголовная ответственность: проблемы понятия и дифференциации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2004. – С. 10–11.

¹⁴⁹ Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – С. 14–15.

возможность применения к виновному иных, не являющихся наказанием, мер уголовно-правового характера.

Исходя из этого, думается, что следует различать два вида дифференциации уголовной ответственности:

а) дифференциация уголовной ответственности на основе показателей общественной опасности преступления, которая связана с конструированием оснований ответственности и определяет особые параметры наказуемости общественно опасных деяний. Она осуществляется посредством конструирования квалифицирующих признаков и санкций статей Особенной части УК РФ либо посредством отдельных институтов Общей части уголовного закона, которые предопределяют или могут предопределять возможные размеры уголовного наказания (например, стадии совершения преступления, рецидив преступлений, в перспективе – соучастие в преступлении). Этот вид дифференциации можно условно назвать дифференциацией ответственности за совершенное преступление;

б) дифференциация уголовной ответственности на основе данных о личности виновного, которая не связана с определением и разграничением уголовных наказаний, но предполагает возможность применения иных мер уголовно-правового характера к виновным. Она осуществляется исключительно в нормах Общей части уголовного закона и условно может быть названа дифференциацией ответственности лиц, совершивших преступление.

Вычленение этих двух видов дифференциации ответственности позволяет, как представляется, упорядочить общую схему рассуждений, включающую согласованные представления, во-первых, о преступлении и личности виновного как об основаниях дифференциации ответственности, с одной стороны, во-вторых, о различных мерах уголовно-правового характера, составляющих содержание уголовной ответственности, в-третьих, о юридико-техническом оформлении процессов дифференциации в структуре уголовного закона.

Такая упорядоченная схема органично вписывается в отмеченные выше рассуждения о связи дифференциации уголовной ответственности с принципом разделения властей и свободой судебного усмотрения. Очевидно, что соотношение законодательного и судебного усмотрения в каждом из выделенных видов дифференциации ответственности неодинаково. В качестве общего принципа здесь наблюдается следующая ситуация: в процессе дифференциации ответственности за преступление свобода усмотрения суда существенно меньше, чем в процессе дифференциации ответственности лиц, совершивших преступление.

Суд жестко связан границами состава преступления и санкции уголовно-правовой нормы. Он, по общему правилу, не может не признать тот или иной признак квалифицированным или привилегированным и не может по своему усмотрению назначить наказание, не указанное в санкции, или выйти за его пределы. Преодоление законодательных оценок опасности преступления в данном случае возможно только в двух исключительных случаях: если суд признает наличие того или иного квалифицирующего признака малозначительным в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ и даст квалификацию содеянного без учета данного признака или по иной уголовно-правовой норме¹⁵⁰, либо если суд найдет возможным признать наличие смягчающих обстоятельств исключительной характеристикой содеянного и применить правила ст. 64 УК РФ о назначении наказания более мягкого, чем предусмотрено в санкции. В любом случае преодоление законодательно установленной дифференциации ответственности требует от суда существенных усилий и тщательной аргументации конкретными обстоятельствами конкретного дела.

В части же дифференциации ответственности лиц, совершивших преступление, свобода усмотрения суда, по общему правилу, шире. Применение любой альтернативной наказанию меры уголовно-пра-

¹⁵⁰ См. об этом подробнее: Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – С. 159–179.

вового характера, равно как и дополняющей наказание меры, является эксклюзивным правом суда (исключения, связанные с обязательным применением конфискации имущества в определенных обстоятельствах, причем не зависящих от особенностей личности виновного, а предопределенных спецификой совершенного преступления, ставят под сомнение существующий уголовно-правовой статус конфискации имущества и добавляют аргументов сторонникам признания конфискации видом уголовного наказания¹⁵¹).

Мы, разумеется, далеки от того, чтобы в рамках настоящего исследования полноценно осветить вопрос о соотношении видов дифференциации уголовной ответственности и распределения уголовно-правовых полномочий государства между органами государственной власти. Мы лишь стремимся показать, что обеспечение соразмерности применяемых за совершение общественно опасных деяний государственных мер реализуется всеми ветвями власти. Их участие в решении задач дифференциации ответственности не может быть жестко противопоставлено друг другу и определяется общей конфигурацией реального воплощения разделения властей в стране. Приоритетное право и обязанность дифференциации ответственности лежит, вне сомнений, на парламенте страны, но и органы судебной власти принимают непосредственное участие в решении задач дифференциации. При этом соотношение законодательных и правоприменительных усилий не может рассматриваться как последовательное выполнение принципиально различающихся задач. Интересно, кстати, в этом отношении наблюдение А.А. Середина, который выделяет два вида дифференциации ответственности в зависимости от степени императивности нормативных предписаний: абсолютную и относительную; абсолютная — четко устанавливает определенные уголовно-правовые последствия для виновного при условии соответствия регулируемых общественных отношений признакам, описанным уголовно-правовой

¹⁵¹ См. об этом подробнее: Бавсун М.В., Николаев К.Д., Самойлова С.Ю. Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве. — М.: Юрлитинформ, 2016.

нормой; относительная дифференциация устанавливает лишь рамки возможного уголовно-правового воздействия на виновного, в пределах которых правоприменитель самостоятельно решает вопросы индивидуализации¹⁵².

Все изложенное позволяет на данном этапе исследования предложить самую общую схему процессов дифференциации в уголовном праве, определить в ней место дифференциации уголовной ответственности с тем, чтобы конкретизировать и ограничить пределы последующего анализа проблем дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности (см. схему 1).

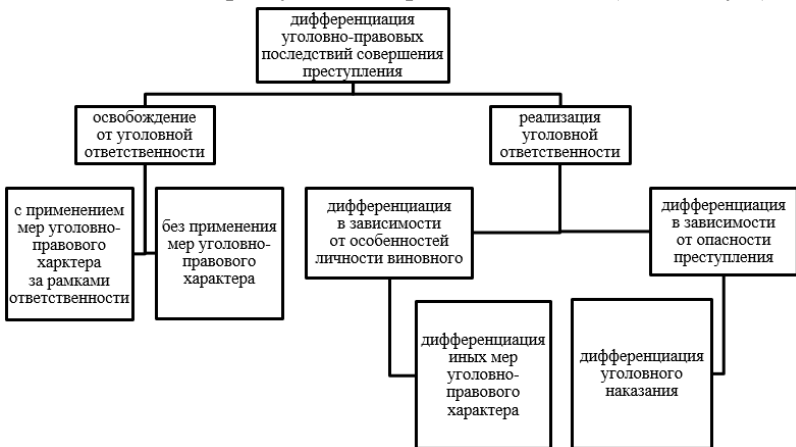

Рис 1. Виды дифференциации ответственности в уголовном праве

Представленное понимание процессов дифференциации ответственности в уголовном праве позволяет признать относительно самостоятельным участком нормативного регулирования дифференциацию в зависимости от параметров опасности совершенного преступления, предопределяющую изменение параметров наказуемости общественно опасного деяния (крайняя правая часть схемы).

¹⁵² Середин А.А. Обоснованная дифференциация уголовной ответственности как инструмент реализации принципа справедливости // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2013. – № 2. – С. 119.

Именно это направление (или вид) дифференциации ответственности выступает в нашей работе основным предметом исследовательского внимания.

Обращаясь к нему, предстоит обсудить еще один значимый теоретический вопрос – о соотношении дифференциации уголовной ответственности и дифференциации уголовного наказания. Это важно в связи с тем, что, как отмечалось, рассматриваемая область правового регулирования непосредственно связана с конструированием санкций и отбором видов наказаний, которые могут следовать тем или иным преступлениям, различающимся показателями своей общественно опасности.

Проблема соотношения дифференциации ответственности и дифференциации наказания не может считаться однозначно решенной в науке. В некоторых работах, специально посвященных вопросам соотношения дифференциации ответственности со смежными правовыми категориями, она не поднимается вовсе¹⁵³, в других исследованиях дифференциация ответственности и дифференциация наказания фактически отождествляются¹⁵⁴. Т.А. Лесниевски-Костарева в своем исследовании предложила выделять два вида дифференциации уголовной ответственности: дифференциацию посредством градации типового наказания и дифференциацию в собственном смысле – посредством освобождения от уголовной ответственности¹⁵⁵. При этом, как правило, все исследователи противопоставляют дифференциацию ответственности индивидуализации уголовного наказания, минуя вопросы соотношения дифференциации ответственности и дифференциации наказания.

Если мы различаем понятия ответственности и наказания, если мы не рассматриваем освобождение от ответственности частью

¹⁵³ Кругликов Л.Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. № 3.

¹⁵⁴ Каплин М.Н. Учение о дифференциации уголовной ответственности и действующий закон // Юридическая наука. – 2014. – № 2. – С. 111.

¹⁵⁵ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 124–126.

процесса дифференциации ответственности, то вопрос о соотношении выделенного нами вида дифференциации ответственности и дифференциации наказания приобретает особенную остроту.

Специальные исследования проблемы дифференциации уголовного наказания показывают, что дифференциация уголовного наказания, будучи комплексным (уголовно-правовым и уголовно-исполнительным) феноменом, представляет собой «систему разностей (дифференциалов) наказания, закрепленных в правовых нормах и нормативных правовых актах и регулирующих обеспечение соответствия наказания преступлению и личности преступника (осужденного)»¹⁵⁶. На стадии назначения наказания такое соответствие достигается посредством учета в уголовно-правовых нормах факторов, характеризующих преимущественно преступление, тогда как на стадии исполнения наказания – посредством норм уголовно-исполнительного права, в приоритетном порядке учитывающих особенности личности осужденного. Такое понимание дифференциации наказания разделяется многими авторами¹⁵⁷. Отмечается, что дифференциация наказания в отличие от дифференциации уголовной ответственности – это установление в уголовном законе пределов конкретных видов наказания за определенный вид преступления в зависимости от типовых характера и степени общественной опасности преступления и его субъекта, а также с учетом квалифицирующих и привилегированных признаков¹⁵⁸.

¹⁵⁶ Бриллиантов А.В. Дифференциация наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998. – С. 20.

¹⁵⁷ См.: Еникеева Л.Ф. Дифференциация и индивидуализация наказания по совокупности преступлений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006; Ищенко А.В. Дифференциация и индивидуализация наказаний, назначаемых военнослужащим Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2000; и др.

¹⁵⁸ Вакарина Е.А. Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2001. – С. 8.

Взяв эти тезисы за основу, представляется возможным внести в них некоторые дополнительные уточнения и пояснения. **Дифференциация наказания, хотя тесно связана с дифференциацией ответственности, может рассматриваться как относительно самостоятельная область нормотворческой деятельности.** Во-первых, дифференциация наказания может быть осуществлена вне рамок собственно дифференциации уголовной ответственности, когда в нормах Общей части уголовного закона происходит установление содержания и пределов того или иного наказания в зависимости от факторов, не связанных с особенностями того или иного преступления (например, законодатель дифференцирует арест и содержание в дисциплинарной воинской части, исходя из специфики субъектов уголовно-правовых отношений, дифференцирует содержание пожизненного и срочного лишения свободы, дифференцирует сроки наказания для взрослых и несовершеннолетних). И в этом отношении дифференциация наказания может рассматриваться в качестве условия или предпосылки дифференциации ответственности. Во-вторых, дифференциация наказания не включает в свой объем проблемы дифференциации оснований уголовной ответственности, она не связана с отбором и нормативным оформлением признаков основного или квалифицированного составов преступлений; она лишь подкрепляет, фиксирует законодательную линию дифференциации ответственности. В этом отношении дифференциация наказания может рассматриваться как последствие дифференциации ответственности. В-третьих, дифференциация наказания не включает в свой объем дифференциацию иных мер уголовно-правового характера, которые могут составить содержание уголовной ответственности. С этой точки зрения дифференциация наказания может быть признана составной частью, элементом дифференциации уголовной ответственности. В-четвертых, дифференциация наказания касается «разделения», «расчленения», «создания разности потенциалов» того или иного конкретного вида наказания, в то время как дифференциация ответственности сопряжена с моделированием санкции, представляющей собой особый набор, сочетание дифференцированных видов уголовных наказаний. С этих позиций дифференциацию наказания справедливо воспринимать

в качестве средства дифференциации ответственности (в равной степени дифференцированный вид наказания – одно и то же средство, входя компонентом в различные санкции, исходя из конструктивных особенностей этих санкций, может по-разному выражать дифференциацию ответственности, например, будучи предусмотренным в санкции в качестве обязательного или альтернативного). В-пятых, дифференциация наказания не ограничивается пределами санкции и с необходимостью предполагает разрешение вопросов его отбывания или исполнения, тем самым выходя за пределы дифференциации уголовной ответственности¹⁵⁹. В этом отношении уже дифференциация ответственности может рассматриваться в качестве предпосылки и условия дифференциации наказания.

Приведенные отличия позволяют, как представляется, провести вполне осязаемое разграничение дифференциации ответственности за преступление и дифференциации наказания и четко обозначить тот круг проблем, которые составляют предмет нашего исследования, связанного с дифференциацией уголовной ответственности за преступления против личности.

Такое ограничение позволяет предметно рассмотреть вопрос о средствах дифференциации уголовной ответственности. В науке этот вопрос решается неоднозначно. Специалистами, в частности, указывается, что средствами дифференциации уголовной ответ-

¹⁵⁹ С этой точки зрения следует согласиться с Т.А. Лесниевски-Костаревой (Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциации уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С.126), которая критикует позицию П.В. Коробова, признающего в качестве средства дифференциации уголовной ответственности институт освобождения от наказания (Коробов П.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве (материальный и процессуальный аспекты): сб. науч. ст. / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – Ярославль: ЯрГУ, 1995. – С. 8.

ственности выступают: «нормы, при помощи которых законодатель отражает изменение уголовной ответственности»¹⁶⁰; «систематизация, юридические конструкции, терминология, используемые в уголовном законе»¹⁶¹; «институты уголовного права, разделы и главы УК РФ, общие и специальные составы, квалифицированные и привилегированные составы»¹⁶²; «криминообразующие, привилегирующие, квалифицирующие признаки составов преступления, санкции статей, общие и специальные основания освобождения от уголовной ответственности»¹⁶³.

При всем лексическом разнообразии, эти подходы в сущностном отношении, с одной стороны, мало отличаются друг от друга, ибо институты и есть совокупность норм, а состав преступления – суть юридическая конструкция; с другой стороны, содержат неоправданное смешение средств дифференциации и средств юридической техники (поскольку термины, разделы и главы закона – это технические феномены права, они могут лишь выражать процессы дифференци-

¹⁶⁰ Рогова Е.В. Средства дифференциации уголовной ответственности: проблемы законодательного регулирования // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы V Международной научно-практической конференции. Том 2 / отв. ред. С.И. Суслова, А.П. Ушакова. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. – С. 135.

¹⁶¹ Егорова Н.А. Виды и средства дифференциации и унификации уголовной ответственности // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2009. – № 2 (9). – С. 43.

¹⁶² Соловьев О.Г., Дмитриев Е.С. Понятие, виды и классификация средств дифференциации уголовной ответственности в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юридическая наука. – 2012. – № 4. – С. 58.

¹⁶³ Жилкин М.Г. Средства дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности // Научный портал МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 61; Лапшин В.Ф. Средства дифференциации ответственности за совершение финансовых преступлений // Herald of The Euro-Asian Law Congress. – 2018. – № 2. – С. 116; Чупрова О.Н. Дифференциация ответственности в уголовном праве стран континентальной Европы и России: компаративистский аспект: автореф дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2008. – С. 14.

ации ответственности, но не служат его средствами); а с третьей стороны – не проводят различий между средствами правового регулирования и средствами дифференциации ответственности (когда признают дифференцирующим средством правовые нормы).

Полагаем, что в определении средств дифференциации уголовной ответственности (по крайней мере, в той части дифференциации, которая избрана нами для исследования) надо учитывать то непрерываемое обстоятельство, что **дифференциация ответственности за преступление осуществляется синхронно с установлением ответственности. А потому между средствами установления и средствами дифференциации ответственности не может быть принципиальных различий.** Кроме того, средства дифференциации должны быть содержательно приспособлены к тому, чтобы отражать законодательную оценку общественной опасности деяния, которая и служит основным критерием дифференциации ответственности. С учетом этого обстоятельства, представляется, что **на роль средств дифференциации уголовной ответственности могут претендовать: а) состав преступления (его криминообразующие, привилегирующие квалифицирующие признаки, а равно сам вид, конструкция состава); б) санкция уголовно-правовой нормы (виды и размеры предусмотренных в ней наказаний, а равно сама конструкция, вид санкции).** Традиционно эти средства проявляют себя в системе Особенной части УК РФ, вместе с тем, они имеют место в Общей части УК РФ, когда речь идет, например, о конструировании оснований ответственности за неоконченное преступление, соучастие в преступлении и установлении параметров их наказуемости.

Все изложенное выше позволяет посредством значимых уточнений и дополнений модернизировать устоявшиеся представления о понятии и механизме дифференциации уголовной ответственности:

— **дифференциация ответственности является конституционной обязанностью государства как участника уголовно-право-**

вых отношений и предопределена конституционным принципом соразмерности и справедливости правовых мер реагирования государства на общественно опасное поведение граждан;

— обязанность дифференциации возложена на государство в целом и реализуется им в контексте и с учетом сложившегося механизма разделения властей, в связи с чем к решению задач дифференциации ответственности подключены и законодательные, и исполнительные, и судебные органы;

— дифференциация и индивидуализация ответственности не могут рассматриваться как исключительно последовательные стадии, жестко соотнесенные с правовым регулированием и правоприменением, это взаимодополняющие и уравнивающие друг друга процессы, подчиненные общей цели обеспечения соразмерности и справедливости ответственности;

— дифференциация уголовной ответственности выступает в качестве одного из направлений дифференциации уголовно-правовых последствий совершения преступления, которое связано с реализацией уголовной ответственности, и в этом отношении она противостоит дифференциации правовых последствий при помощи института освобождения от уголовной ответственности;

— дифференциация уголовной ответственности содержательно включает в себя дифференциацию на основе показателей опасности преступления посредством дифференциации оснований ответственности и объемов наказания, и дифференциацию иных мер уголовно-правового характера, выступающих частью ответственности, на основе данных о личности виновного, что позволяет говорить о наличии двух дополняющих друг друга видов дифференциации ответственности, в реализации которых границы свободы судейского усмотрения устанавливаются неодинаковым образом;

— основанием дифференциации уголовной ответственности за преступление выступают показатели его общественной опас-

ности, которые отражаются в средствах дифференциации ответственности, в качестве каковых выступают состав преступления и санкции, причем как в части элементов, из которых складываются эти правовые конструкции, так и в части их видов.

С учетом этих факторов можно дать оценку и тем многочисленным определениям понятия «дифференциация уголовной ответственности», которые представлены в отечественной науке. Приведем наиболее популярные дефиниции.

Первая группа берет за основу этимологическое значение слова «дифференциация», то есть характеристику самого действия, в связи с чем дифференциация уголовной ответственности определяется как «разделение, расслоение последней в уголовном законе, результатом чего становятся различные уголовно-правовые последствия»¹⁶⁴.

Вторая группа дефиниций делает акцент на объекте дифференциации, отмечая, что таковая состоит в разделении видов, размера, характера уголовной ответственности¹⁶⁵.

Третий подход предполагает включение в дефиницию дифференциации уголовной ответственности обязательного указания на

¹⁶⁴ Кругликов Л.Л., Костарева Т.А. Дифференциация ответственности как уголовно-правовая категория // Категориальный аппарат уголовного права и процесса: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.В. Благов. – Ярославль: ЯрГУ, 1993. – С. 110; Коробов П.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве: (материальные и процессуальные аспекты): сб. науч. ст. / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – Ярославль: ЯрГУ, 1995. – С. 3–12; Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – С. 14.

¹⁶⁵ Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – С. 38; Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2000. – С. 4; Ширшов А.А. Уголовная ответственность: проблемы понятия и дифференциации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2004. – С. 26; Боковня А.Ю. Понятие, критерии дифференциации уголовной ответственности и вопросы ее реализации в Уголовном кодексе Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. – 2015. – Т. 157. кн. 6. – С. 230.

основания градации ответственности – опасность преступления и личность виновного¹⁶⁶.

Наконец, четвертая группа определений делает ставку на цель дифференциации, когда отмечается, что сущность дифференциации ответственности в уголовном законодательстве заключается в нормативном обеспечении справедливой реакции государства на совершаемые преступления путем установления в законодательстве необходимых и достаточных условий, средств и возможностей для соразмерного содеянному уголовно-правового воздействия на разные категории правонарушителей¹⁶⁷.

Должно быть очевидным, что между этими подходами нет принципиальных противоречий, каждый из них «высвечивает» ту или иную грань, аспект проблемы дифференциации. Пожалуй, нет необходимости множить список дефиниций еще одним определением, которое могло бы объять собой все указанные нюансы исследуемого феномена. Надо лишь учитывать, рассуждая о дифференциации уголовной ответственности, что комплексный, системный феномен, который развивается по нескольким взаимосвязанным направлениям, и обеспечивает конституционную легитимность как самого уголовно-правового запрета, так и практики его реализации.

¹⁶⁶ Тимофеева Е.А. О дифференциации уголовной ответственности и ее соотношении со смежными правовыми явлениями // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН России. – 2008. – № 4. – С. 22.

¹⁶⁷ Дуюнов В.К., Кондратюк С.В. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9, № 11-1. – С. 202.

Глава 2. ОСНОВАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

§ 1. Характер общественной опасности преступлений против личности и дифференциация уголовной ответственности

Важным элементом теории дифференциации уголовной ответственности выступает учение об основаниях такой дифференциации. В современной литературе есть значимый консенсус относительно того, что основание дифференциации ответственности связано с категорией общественной опасности. Однако конкретизация этого тезиса приводит специалистов к весьма разнообразным, содержательно не совпадающим теоретическим построениям. Можно выделить несколько подходов к решению вопроса об основаниях дифференциации ответственности.

Самый широкий был предложен Ю.Б. Мельниковой, которая к основаниям дифференциации уголовной ответственности причисляла характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность¹⁶⁸.

Эта позиция закономерно соотносена с действовавшим на момент написания работы Ю.Б. Мельниковой уголовным законом, который иначе, нежели современный кодекс определял правовую природу обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, именуя их обстоятельствами, смягчающими и отягчающими уголовную ответственность (ст. 38, ст. 39 УК РСФСР 1960 г.). Сегодня это стало поводом для критики соответствующего фрагмента приведенной цитаты, а сами обстоятельства, поименованные в ст. 61 и ст. 63 УК РФ в числе оснований дифференциации ответственности уже не упоминаются¹⁶⁹. Что каса-

¹⁶⁸ Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – С. 38.

¹⁶⁹ Детальное обсуждение вопроса о природе данных обстоятельств выходит далеко за пределы нашей работы. Заметим только, что по мнению некоторых современных исследователей, указанные обстоятельства сохраняют свое значение не только для индивидуализации наказания, но и

ются иных выделенных Ю.Б. Мельниковой оснований дифференциации ответственности – деяния и личности виновного – они получили широкое признание в науке, хотя интерпретируются по-разному.

Распространен подход, согласно которому основаниями дифференциации уголовной ответственности признаются типовая степень общественной опасности деяния и типовая степень общественной опасности личности виновного¹⁷⁰.

Вместе с тем, некоторые специалисты добавляют в этот перечень характер общественной опасности деяний¹⁷¹, другие авторы – обстоятельства, отражающие не только типовую степень опасность личности, но иные данные, ее характеризующие, не связанные прямо с опасностью¹⁷².

В итоге можно констатировать наличие еще одного подхода, согласно которому основанием дифференциации ответственности выступают в целом типичные свойства преступления и типичные свойства личности виновного¹⁷³.

Наряду с этим в литературе представлено мнение о том, что основанием дифференциации ответственности выступает лишь об-

шире – для дифференциации уголовной ответственности, см., например об этом: Донец С.П. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве (правовая природа, классификация, проблемы учета): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2003. – С. 8; Мачульская Е.А. Смягчающие обстоятельства – критерий индивидуализации наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.

¹⁷⁰ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 46–51; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 190.

¹⁷¹ Кругликов Л.Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. № 3. – С. 12.

¹⁷² Боковня А.Ю. Понятие, критерии дифференциации уголовной ответственности и вопросы ее реализации в Уголовном кодексе Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. – 2015. – Т. 157. кн. 6. – С. 230.

¹⁷³ См.: Гальперин И.М. Дифференциация уголовной ответственности и эффективность наказания // Советское государство и право. – 1983. – № 3. – С. 70–71; Келина С.Г. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // Советское государство и право. – 1987. – № 5. – С. 71.

публичная опасность преступления, его объективные и субъективные признаки¹⁷⁴ либо тяжесть преступления¹⁷⁵, без упоминания данных о личности виновного.

При некоторых внешних сходствах описанных научных позиций за использованием различной терминологии стоят сущностные содержательные различия.

Первый значимый момент, различающий позиции ученых, состоит в признании или непризнании основанием дифференциации ответственности данных о личности виновного. Мы уже отмечали в предшествующем изложении и разовьем в последующем мысль о том, что дифференциация ответственности в зависимости от данных о личности виновного – и необходима, и объективно обусловлена. Другое дело, что такая дифференциация не может быть связана с дифференциацией оснований уголовной ответственности. Таковым основанием, согласно цивилизационным достижениям теории уголовного права и прямому предписанию ст. 8 УК РФ, выступает только деяние. Личность же может и должна учитываться законодателем при дифференциации ответственности и уголовного наказания только вне связи с конструированием и различением оснований ответственности; она не может предопределять объем установленной государством наказуемости деяния. Дифференциация ответственности в зависимости от данных о личности виновного (подчеркнем – в зависимости не только от данных, отражающих ее опасность, но и в зависимости от широкого круга иных характеристик, не связанных с оценкой опасности лица¹⁷⁶) составляет, таким образом, отдельное направление, «вторую линию»

¹⁷⁴ Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2003. – С. 11.

¹⁷⁵ Кабурнеев Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007. – С. 9.

¹⁷⁶ См. об этом, например: Батманов А.А. Личность виновного вне связи с преступлением как критерий дифференциации ответственности и наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2008; Боковня А.Ю. Понятие и система критериев типовой степени общественной опасности

дифференциации, которая выражается не в наказаниях, составляющих санкцию уголовно-правовой нормы, а в мерах уголовно-правового характера. С учетом этого обстоятельства, не отказывая личности в свойстве быть основанием дифференциации уголовной ответственности, оставим проблемы, связанные с учетом ее типологических особенностей при конструировании мер уголовно-правового характера за рамками нашего исследования.

Только общественная опасность преступления будет в последующем исследована нами в качестве основания дифференциации уголовной ответственности. Однако и здесь, как показал обзор, необходимо уточнять, о каких именно характеристиках опасности идет речь. С учетом разъяснения таких ключевых показателей общественной опасности, как ее характер и степень, которые даны в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»¹⁷⁷, надо признать, что степень общественной опасности, будучи характеристикой, отличающей одно конкретное преступление от другого, индивидуальным параметром опасности индивидуального преступления, оцениваемым судом, не может выступать критерием или основанием дифференциации ответственности на законодательном уровне.

Это подтверждают практически все юристы. Не оспаривается это положение и нами. Однако отношение к признанию второго критерия опасности – ее характера – основанием дифференциации ответственности в науке неоднозначно. Т.А. Лесниевски-Костарева прямо пишет, что характер общественной опасности служит основанием установления уголовной ответственности и как таковой не может служить основанием ее дифференциации. На роль критерия в этом случае она выдвигает «типовую степень общественной опасности». Она более абстрактна, чем индивидуальная степень опасности, поскольку свойственна не отдельному преступ-

личности виновного в совершении преступления // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 1, № 2. – С. 156–162.

¹⁷⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

ному деянию, а их группе. Но в тоже время она отличается от характера опасности, так как отражает количественные различия в рамках определенного неизменного качества¹⁷⁸. Ей возражает Л.Л. Кругликов. Не оспаривая значимости такого основания дифференциации ответственности, как типовая степень опасности деяния, он последовательно настаивает на том, что наряду с ним на роль такого основания претендует характер общественной опасности преступления¹⁷⁹.

Включаясь в эту дискуссию, полагаем, прежде всего, надо задать центральный вопрос – о теоретической ценности категории «типовая степень общественной опасности» деяния для построения системы дифференциации ответственности.

Это понятие неизвестно Уголовному кодексу и является итогом доктринальных рассуждений, что исключает возможность прямого обращения к закону для аргументации наших построений. А потому представляется, что оно может быть правильно интерпретировано лишь после уточнения содержания таких понятий, как характер и степень общественной опасности преступления.

Степень, как было отмечено, отражает опасность конкретного, отдельного преступления. Характер общественной опасности, как указано в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58, «определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления»¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 46.

¹⁷⁹ Кругликов Л.Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 12; Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. Особенности правового содержания оснований дифференциации уголовной ответственности // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 1 (21). – С. 6.

¹⁸⁰ Заметим, что это мнение оспаривается некоторыми современными авторами. К примеру, Н.А. Егорова утверждает: «Оба рассматриваемых параметра преступления (качественный и количественный) имеют свое бытие на двух уровнях: законодательном и правоприменительном. Иными словами, как характер, так и степень общественной опасности преступления могут быть типовыми (предусмотренными уголовным законом) и индивидуальными (характеризующими конкретные преступления)». См.:

Иными словами, каждый состав преступления обладает отличительным, только ему присущим характером общественной опасности. Эта мысль широко представлена в науке¹⁸¹. А.М. Смирнов, к примеру, указывает: «Характер общественной опасности – это качественная характеристика, определяющая сущность однотипных преступных деяний, посягающих на один непосредственный объект, и служащая средством отграничения различных преступных действий и бездействий, особенно родственных по видовому объекту преступного посягательства (например, убийство и причинение вреда здоровью, умышленного и неосторожного убийства)»¹⁸². И если характер опасности деяния определяется составом преступления, отражен в признаках этого состава, то надо логично признать, что поскольку основной и квалифицированный составы преступлений – это разные составы преступлений, постольку и характер опасности предусмотренных в этих составах преступлений различный. Они отличаются между собой не типовой степенью опасности, как настаивают Т.А. Лесниевски-Костарева, Л.Л. Кругликов и многие другие специалисты, а именно характером. Введение дополнительной категории «типовая степень общественной опасности» для разграничения основных и квалифицированных составов преступлений, на наш взгляд, неоправданно усложняет систему понятий и, уже только исходя из этого, является малопродуктивным.

Однако это не означает, что понятие «типовая степень общественной опасности» является в принципе излишним. На наш взгляд, типовая степень опасности должна рассматриваться как итог вторичной законодательной оценки уже криминализированных им деяний. Оценив характер опасности преступлений того или

Егорова Н.А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 1 (48). – С. 8–19.

¹⁸¹ См., например: Мальцев В.В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1993. – С. 27; Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления: Научно-практическое пособие. – М.: РГУП, 2019. – С. 34 – 38.

¹⁸² Смирнов А.М. К вопросу о критериях общественной опасности // Дневник науки. – 2018. – № 10 (22). – С. 60.

иного вида и установив за их совершение ту или иную санкцию, законодатель как бы возвращается к оценке отраженной в законе опасности всех преступлений и классифицирует их на группы в зависимости от того, насколько близка сравнительная опасность самых различных преступлений. На этой основе им проводится категоризация преступлений, закрепленная сегодня в ст. 15 УК РФ. В данном случае действительно, оцениваются количественные показатели опасности, но не в рамках одного «неизменного качества», как пишет Т.А. Лесниевски-Костарева, а «сквозным» образом, в рамках общего массива криминализированных деяний.

Такая типовая степень общественной опасности различных по качеству опасности преступлений также может служить (и реально служит) основанием дифференциации уголовной ответственности и уголовного наказания. Однако дифференциация в данном случае осуществляется посредством норм и институтов Общей части уголовного закона, безотносительно к тому, на какой объект посягают преступления и какой вред ими причиняется. Такая «вторичность», между тем, не означает строгой хронологической последовательности процессов дифференциации. Будучи оцененной в категориях преступлений, типовая степень их общественной опасности оказывает своего рода «обратное влияние» на законодателя при решении им вопросов о криминализации деяний и дифференциации ответственности за них в Особенной части УК РФ. Законодатель оказывается связанным этой типовой степенью опасности преступлений, поскольку она предопределяет массив уголовно-правовых последствий, которые оказываются потенциально возможными в случае установления за криминализируемое деяние той или иной санкции, что дополнительно отражает системный характер процессов дифференциации уголовной ответственности.

Продолжая логику типизации общественной опасности, необходимо, на наш взгляд, ввести в научный оборот понятие типового характера общественной опасности преступлений. Оно в литературе не используется. Между тем, если учесть, что характер общественной опасности есть нормативное свойство того или иного преступления, предусмотренного в основном или в квалифицированном составе, то следует признать, что ряд преступлений, пося-

гающих на близкие (родственные) объекты и причиняющих им однотипный вред, обладают некоторыми общими признаками, на основании которых в общем массиве посягательств можно выделить группу, обладающую единым характером опасности. Такое обобщение построено на признаках общности объекта и причиняемого вреда, но может включать в себя преступления, обладающие различным показателем типовой степени общественной опасности. Это объединение служит для законодателя основой для предметной группировки составов преступлений и построения структуры Особенной части Уголовного кодекса.

В данном случае четко обозначаются две значимые и взаимосвязанные проблемы. Первая состоит в надлежащей систематизации преступлений в Особенной части уголовного закона на основе представлений о типовом характере их опасности; вторая – в возможности использования этой систематизации для решения задач «вторичной» дифференциации ответственности и наказания, которая (как в случае с дифференциацией на основе типовой степени опасности) может осуществляться лишь посредством норм и институтов Общей части. Обе проблемы следует признать «открытыми». С одной стороны, законодатель предпринимает (особенно в последнее время) попытки использования типового характера общественной опасности для дифференциации ответственности (например, устанавливая в Общей части УК РФ особые правила об ответственности лиц, совершивших преступления против жизни, половой неприкосновенности, экстремистские, налоговые или коррупционные преступления). С другой стороны, нерешенность проблемы использования категории «типовой характер опасности» для построения Особенной части УК РФ приводит к тому, что эти попытки реализуются «точечно» и зачастую либо с использованием перечневого описания оснований дифференциации, либо путем введения в закон дополнительных дефинитивных норм. Сознвая, что детальное обсуждение поднятых вопросов выходит далеко за пределы темы нашей работы, ограничимся в этой части лишь общей постановкой проблемы. Заметим только, что по нашему убеждению, перспективное направление этого вектора дифференциации ответственности видится нам в дальнейшей проработке вопроса о

построении системы Особенной части УК РФ на основе представлений о типовом характере общественной опасности преступлений и последующее, «вторичное» дифференцирование ответственности на основе типового характера общественной опасности (либо на основе и типового характера, и типовой степени) в нормах Общей части УК РФ.

Таким образом, мы можем заключить, что **основанием дифференциации уголовной ответственности за преступления в нормах Особенной части УК РФ, которая осуществляется в процессе построения основных и квалифицированных составов преступлений и сопряжена с конструированием уголовно-правовых санкций, выступает исключительно характер общественной опасности преступления.**

Эти теоретические построения являются для нас отправной точкой в раскрытии основания дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности.

Категория общественной опасности, ее содержание, проблемы измерения и оценки составляют, как известно, вечно актуальный предмет исследования отечественных специалистов в области уголовного права. Приступая к его анализу, полагаем возможным оставить без дополнительных комментариев высказанные в науке идеологически мотивированные¹⁸³ и наивно-методологические¹⁸⁴ суждения о необходимости отказаться в нормативных и теоретических построениях от использования понятия «общественная опасность». Присоединимся к мнению большинства отечественных юристов, признающих общественную опасность обязательным («истинным»¹⁸⁵) признаком любого преступления, но вместе с тем

¹⁸³ Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность (репринт. изд.). – М.: Проспект, 2019. – С. 117–128; Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. – Т. 1. Общая часть. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 274–276.

¹⁸⁴ Семченков И.П. Признание общественной опасности конструктивным признаком понятия преступления методологически несостоятельно // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1 (55). – С. 41–44.

¹⁸⁵ Кленова Т.В. Общественная опасность – истинное свойство преступления // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2. – С. 136–144.

отмечающих, что, к сожалению, до сих пор «уголовно-правовая наука не располагает сведениями о реальной опасности того или иного вида поведения и образующих его отдельных деяний»¹⁸⁶. Это «печальное обстоятельство» находит свое подтверждение как на уровне анализа общих работ по проблемам общественной опасности, так и на уровне анализа содержания научных исследований, посвященных вопросам уголовной ответственности за преступления против личности: ни в одном из изученных нами научных сочинений по исследуемым проблемам не было сколько-нибудь глубоких рассуждений о характере и (или) степени общественной опасности преступлений против личности. Такое положение вещей нельзя объяснить самоочевидностью, аксиоматичностью тезиса об опасности преступлений против личности. Скорее, он отражает некоторый пробел в инструментальном познании категории общественной опасности.

Восполнение отмеченного пробела с необходимостью требует определения некоторых исходных методологических позиций. Не углубляясь в теорию общественной опасности, отметим следующие значимые для продолжения нашего исследования обстоятельства:

— общественная опасность преступления является самостоятельным, относительно автономным феноменом и не может включать в себя обстоятельства, характеризующие общественную опасность личности виновного, как предлагают некоторые исследователи¹⁸⁷;

— характер общественной опасности преступления определяется всеми признаками его законодательно установленного со-

¹⁸⁶ Жалинский А.Э. Избранные труды. Т. 4. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научковедческие проблемы правоведения. – М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2016. – С. 124.

¹⁸⁷ Бриллиантов А.В. Общественная опасность деяния // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4. – С. 250; Солодков И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – С. 13.

става; не только объективными (объектом и характером последствий), как считают некоторые авторы¹⁸⁸, но также и субъективными (виной, мотивами, целями)¹⁸⁹, причем не только признаками основного состава, как утверждают отдельные специалисты¹⁹⁰, но и признаками квалифицированного состава преступления;

— общественная опасность преступления есть результат оценки не только реальных количественно-качественных изменений охраняемых уголовным законом общественных отношений¹⁹¹, но и возможности негативных последствий, которые определены в самом уголовном законе¹⁹², определенной с учетом вероятности их наступления¹⁹³;

— общественная опасность преступления, при всем том, что теория и практика уголовного права ощущают острый запрос на ее конкретизацию по количественному признаку¹⁹⁴, слабо поддается математическому анализу, попытки проведения которого на основе

¹⁸⁸ Егорова Н.А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 1 (48). – С. 8–19.

¹⁸⁹ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М., 1969 // Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. – СПб: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 428–429; Фелов П.А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности. Основные методологические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1972. – С. 18–26.

¹⁹⁰ Кругликов Л.Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 3. – С. 10.

¹⁹¹ Нешатаев В.Н. Общественная опасность как общий признак преступления и ее роль в квалификации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 1 (38). – С. 28.

¹⁹² Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А., Лапунин М.М., Хутов К.М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. – 2020. – Т. 4 – № 4. – С. 128–129.

¹⁹³ Гузеева О.С. Преступление и наказание: конституционные основы уголовно-правовой концепции. – М.: Юрлитинформ, 2020.

¹⁹⁴ Сафонов В.Н. К вопросу о реальной общественной опасности деяния // Научная сессия ГУАП: Гуманитарные науки: сборник докладов традиционной Научной сессии, посвященной Всемирному дню авиации и космонавтики. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2020. – С. 224.

оценки лишь количества причиненного преступлением физического, имущественного или морального вреда¹⁹⁵ не находят широкой поддержки в науке и должны быть оценены критически как не учитывающие множества иных, помимо собственно вреда, факторов, определяющих содержание, размер и оценку опасности. Это, однако, не исключает возможности подключения математических методов в качестве дополнительного инструментария для оценки общественной опасности преступлений.

С учетом этих тезисов полагаем возможным представить собственное видение модели характера общественной опасности преступлений против личности. Теории известны различные виды моделей: предметные и символические, количественные и качественные, графические и описательные и т.д.¹⁹⁶. Выбор модели для познания того или иного объекта зависит и от специфики самого этого объекта, и от тех целей, которые ставит перед собой исследователь. По нашему убеждению, для познания характера общественной опасности преступлений против личности предпочтительной и оптимальной будет выглядеть описательная информационная модель. Такая модель отображает объекты, процессы и явления качественно, т.е. не используя количественных характеристик, и обычно строится с использованием естественных языков. Как верно указывает С.В. Землюков, «тяжесть совершенного преступления может быть измерена вне математических приемов и выражена вне числовых показателей. Количество может быть определено и более простыми способами измерения, которые используются в обыденном и научном мышлении как самостоятельные. Это чувственно-непосредственное познание количества, выражающееся в формах естественного языка: сравнительная степень прилагательных и наречий, единственное и множественное число (много,

¹⁹⁵ Ольков С.Г. Кубическая математическая модель уголовной ответственности // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – Т. 11. № 1 (39). – С. 76.

¹⁹⁶ См. об этом: Вицин С.Е. Моделирование в криминологии: учеб. пособие. – М: ВШ МВД СССР, 1973. – С. 23.

мало, больше и т.д.)»¹⁹⁷. Информационная (описательная) модель «описывает объект в рамках определенной понятийной системы, в той или иной системе знаков, и это описание неразрывно связано с развитием теоретического представления об объекте, существующем в конкретной науке»¹⁹⁸; формой выражения такой модели выступает научная концепция или доктрина¹⁹⁹.

Модель предполагает описание и оценку нескольких базовых элементов, определяющих характер общественной опасности преступления. Пленум Верховного Суда РФ в упомянутом выше постановлении от 22.12.2015 № 58 указал, что «при учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду, прежде всего, направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред». В этом указании, как представляется, оптимально отражены три искоемых нами элемента: а) охраняемая ценность; б) деяние; в) вред. Они корреспондируют учению о структуре состава преступления и подтверждают мысль о том, что характер общественной опасности определяется именно законодательно установленным составом.

Охраняемая законом ценность в традиционном учении о составе преступления есть объект преступного посягательства. Важно, что «сам по себе объект не содержит общественной опасности, а является определенной социальной действительностью, с которой вступает в отношение субъект. Вне отношения субъекта к объекту никакого значения эта действительность как объект иметь не будет»²⁰⁰. Подключение высшей судебной инстанцией категории «ценность» для описания объекта посягательства и оценки харак-

¹⁹⁷ Землюков С.В. Виды и способы измерения общественной опасности преступления // Известия Алтайского государственного университета. – 1999. – № 2 (12). – С. 61.

¹⁹⁸ Панкратов В.В. Методология и методика криминологических исследований. – М.: Юрид. лит., 1972. – С. 117–118.

¹⁹⁹ См.: Правовые модели и реальность / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. – М.: Инфра-М, 2015. – С. 117.

²⁰⁰ Мирошниченко Д.В. Редукция современной нормативной модели общественной опасности преступления // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата – 2020. – № 2 (57). – С. 94.

тера общественной опасности представляется крайне важным достижением. Опасность преступления, следуя этой аксиологической логике, определяется не столько содержанием нарушаемых деянием благ, сколько их оценкой, а также расхождением в оценке этого блага со стороны общества и со стороны лица, причиняющего ему вред.

Ценность, которая охраняется предписаниями Раздела VII УК РФ, обозначена вполне определенно самим законом, это – личность. Встречающиеся в науке попытки обосновать необходимость замены понятия «личность» понятием «человек» в описании соответствующего раздела и глав уголовного закона²⁰¹, выглядят малополезным с точки зрения организации уголовно-правовой защиты результатом лингвистических упражнений. Конституция РФ не проводит принципиальных различий между «личностью» и «человеком» в сфере правовых отношений, в связи с чем противопоставление этих понятий в описании охраняемой уголовным законом ценности не является состоятельным²⁰². «Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, охранять достоинство личности, нравственность, здо-

²⁰¹ См.: Бабичев А.Г. Преступления против жизни: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2019; Безручко Е.В. Преступления, посягающие на безопасность здоровья человека: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Калининград, 2018; Курманов А.С. Уголовное законодательство России об охране конституционных прав и свобод человека: сравнительно-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2011; Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. – Саратов: Изд. Саратов. ун-та, 1996; и др.

²⁰² См. об этом: Безверхов А.Г., Норвартян Ю.С. Ответственность за преступления против здоровья по современному уголовному праву России. – Самара: Вектор, 2018. – С. 11–12; Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – С. 39 и др.

ровье, честь и доброе имя каждого и в этих целях ... закрепляет требование законодательного определения уголовно-правовых запретов общественно опасных деяний и наказания за их нарушение»²⁰³.

Подключение категории «ценность» для понимания объекта преступления в связке с признанием человека высшей конституционной ценностью дает возможность решить, как минимум, два вопроса.

Первый связан с учением о «вертикальной» классификации объектов преступления и обсуждением вопроса о том, какой вид объекта корреспондирует разделу Особенной части УК РФ. С учетом выдвинутого нами тезиса о необходимости вычленения в категориальном ряду уголовного права понятия «типовой характер общественной опасности», полагаем, что стоит признать верным обоснованные в литературе суждения о том, что разделы Особенной части УК РФ выделены законодателем на основе общности «типового объекта преступления»²⁰⁴. Эти два тезиса удачно корреспондируют и дополняют друг друга. Типовой характер общественной опасности преступлений определяется содержанием типового объекта, которым в рассматриваемом нами случае выступает совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасность личности.

Второй вопрос связан с известной проблемой сравнительной ценности объектов, их иерархией. «Если человек, его права и свободы в России признаются гарантированными Конституцией высшими ценностями, – пишет Д.В. Мирошниченко, – то и у преступ-

²⁰³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова».

²⁰⁴ См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2005. – С. 79; Мальцев В.В. Учение об объекте преступления. В 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. – Волгоград: ВА МВД России, 2010. – С. 206–208.

ления, посягающего на эти ценности, повышается уровень общественной опасности»²⁰⁵. Отсюда – рассуждения о приоритетной охране личности по сравнению с охраной интересов государства, об уголовно-политической значимости порядка изложения составов преступлений в структуре Особенной части действующего УК РФ по сравнению со структурой прежнего уголовного закона²⁰⁶, и противоположные по содержанию тезисы о необходимости приоритетной охраны именно государственных и общественных интересов и соответствующей перестановке глав и разделов в структуре Особенной части УК РФ²⁰⁷.

Полагаем, что подключение операции сравнения для оценки значимости конституционных ценностей не вполне верно с методологической точки зрения. Как верно указывает В.Д. Филимонов, в самой Конституции РФ и в УК РФ не предусматривается положений о преимущественной защите интересов личности по сравнению с защитой интересов государства²⁰⁸. Любые преимущества могут быть мыслимы только в том случае, если на конституционном

²⁰⁵ Мирошниченко Д.В. Редукция современной нормативной модели общественной опасности преступления // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата – 2020. – № 2 (57). – С. 95.

²⁰⁶ Российское уголовное право. Общая часть. Учебник / под ред. А.В. Наумова. – М.: МВШМВД России, 1994. – С. 11; Наумов А.В. Конституционные основы уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина // Конституционные основы уголовного права: материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2006. – С. 409–410.

²⁰⁷ Борисов В.И. Решение вопросов Особенной части в новом Уголовном кодексе Украины // Уголовное право в XXI веке: материалы Международ. науч. конф. (Москва 31 мая–1 июня 2001 г.). – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 78; Бабичев А.Г., Сидоров Б.В. Понятие убийства и систематизация уголовного законодательства России об ответственности за убийство: инновационные проблемы совершенствования уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 3. – С. 168; Винокуров В.Н. Структура общественных отношений как объект преступлений и система Особенной части УК РФ // Криминологический журнал БГУЭП. – 2011. – № 1. – С. 24 и др.

²⁰⁸ Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 37.

уровне определена иерархия конституционных ценностей, подлежащих уголовно-правовой охране. Между тем, вопрос о наличии такой иерархии весьма сложен. Нам представляется убедительным мнение Г.Б. Ройзмана, который указывает, что «иерархия в системе конституционных ценностей имеет относительный характер, поскольку установить нормативное закрепление иерархии конституционных ценностей невозможно. Определение места той или иной конституционной ценности в целостной иерархии не может быть предопределено ни нормативным (декларативным) ее закреплением в качестве ценности более высокого порядка по отношению к другим, ни доктринальным толкованием конституционных норм, закрепляющих ценности общества и государства»²⁰⁹. Что же касается конституционного указания о том, что человек является «высшей ценностью», то здесь, по-видимому, отражен значимый, но все же нравственный аспект права²¹⁰.

С учетом этого обстоятельства, надо признать, что **объекты уголовно-правовой охраны как конституционно значимые ценности не могут находиться в отношении соподчинения, а следовательно, и сравнивать тяжесть преступлений и характер их общественной опасности только на основе данных об объекте посягательства не представляется возможным**²¹¹.

Это общее правило должно быть распространено не только на сферу преступлений, различающихся по типовому характеру опасности (недопустимо сравнивать уровень опасности преступлений против личности, к примеру, и преступлений против собственности). Характер опасности в данном случае «равновелик». Правило

²⁰⁹ Ройзман Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012. – С. 8–9.

²¹⁰ Суханова А.А. Конституционные ценности в современной России: иерархия и конкуренция // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 23 (378), Вып. 44. Право. – С. 53–54.

²¹¹ В связи с этим особое звучание приобретают слова А.А. Тер-Акопова, который высказал мысль о том, что личность и отношения, обеспечивающие ее развитие, следует признавать общим объектом всех преступных посягательств (Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории (Конференция в ИГП РАН) // Государство и право. – 1994. – № 6. – С. 62.

недопустимости сравнения характера опасности должно применяться и к преступлениям, обладающим однотипным характером, которые внутри определенного раздела УК РФ распределены по отдельным главам.

Судья Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь указывает: «Конституция Российской Федерации не предполагает какой-либо иерархии прав и свобод человека и гражданина, в том числе в зависимости от их материального содержания и сфер реализации, а исходит из того, что все права и свободы человека и гражданина, включая те, что не получили в ней своего непосредственного текстуального закрепления (статья 55, часть 1), являются равноценными и образуют единый, взаимосогласованный комплекс. Это корреспондирует сложившемуся в современном мировом сообществе подходу к правам человека, согласно которому все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны»²¹². Отсюда, полагаем, вполне ясной должна быть признана невозможность сравнения характера опасности, например, преступлений против здоровья и преступлений против несовершеннолетних или преступлений против жизни и преступлений против свободы.

Теория конституционных ценностей может объяснить и аргументировать лишь необходимость ограничения прав и свобод человека для защиты интересов, связанных с безопасностью личности, для обеспечения баланса между ними²¹³, но она не предпола-

²¹² Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н.С. Бондаря по определению Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1768-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коршуновой Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 34 Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях».

²¹³ О балансе конституционных ценностей см., например: Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 4 (65). – С. 7–20; Саликов М.С., Гончаров М.В. Конституционные ценности на новом этапе развития основного закона Российской Федерации // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. Вып. 1. – С. 61.

гает градации самих этих интересов по степени их конституционной значимости. Более того, эта теория не предопределяет и того, что ограничение прав и свобод в данном случае должно носить характер уголовного наказания. Ограничение прав человека для обеспечения безопасности личности является конституционно оправданным и в тех случаях, когда речь заходит об установлении профилактических мер (например, при досмотре личности и багажа в аэропортах), об установлении административного наказания, мер гражданско-правовой ответственности и т. д. Конституционная ценность личности не предопределяет необходимости именно уголовно-правовой ее охраны.

Принимая сказанное во внимание, надо подчеркнуть, что в модели характера общественной опасности объекту преступления принадлежит особая роль, которая состоит в том, что он указывает на ценность защищаемого блага и оправдывает в случае посягательства на него ограничение прав виновного лица. Но **объект задает исключительно содержательные параметры модели характера общественной опасности, не предопределяя размеров этой опасности и не влияя на объем уголовной ответственности, допустимой в случае посягательства.** Количественный аспект опасности, влияющий на понимание и оценку ее характера, связывается с иными элементами разрабатываемой нами модели — деянием и его последствиями²¹⁴.

²¹⁴ С этой точки зрения следует критически оценить, например, высказанное в науке предложение о декриминализации заражения венерической болезнью одного лица и установлении уголовной ответственности лишь за заражение двух или более лиц (Смирнов Р.Ю. Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на здоровье человека: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — С. 8, 15). Ценности, охраняемые нормами Раздела VII УК РФ, имеют непосредственную связь с личностью потерпевшего, поэтому причинение им вреда, когда и если оно считается преступным, не может зависеть от количества потерпевших. Такое количество отражает лишь объем причиненного объекту вреда и может учитываться при дифференциации уже собственно уголовной ответственности, но не при разграничении ответственности на межотраслевом уровне.

Направленность деяния на причинение вреда охраняемым ценностям охватывает собой ряд важных характеристик, непосредственно определяющих характер его опасности. Они, следуя традиционной структурно-функциональной логике описания деяния, могут быть разделены на две группы: объективные и субъективные.

Субъективные характеристики деяния – это, прежде всего, вина в форме умысла или неосторожности, а также мотивы и цели преступления.

Действующее уголовное законодательство России, как известно, признает только две формы вины – умысел и неосторожность. Теоретические попытки конструирования иных форм и видов вины (например, «смешанной формы вины», «правовой неосторожности», «волевой небрежности», «преступного невежества», «неосторожности для формальных составов преступлений»²¹⁵) не получили законодательной поддержки. Не обсуждая содержания этой проблемы, заметим, что такой законодательный выбор естественным образом ограничивает возможности законодателя в дифференциации ответственности за посягательства на охраняемые законом ценности в зависимости от формы и вида вины. Имея в распоряжении только конструкции умысла и неосторожности, законодатель естественным образом исходит из того, что умышленные преступления при прочих равных условиях более опасны, чем неосторожные.

На этом, однако, дифференциация ответственности на основании формы вины заканчивается. Наше законодательство о преступлениях против личности не содержит детализированных решений в части дифференциации ответственности в зависимости от вида умысла или неосторожности. Хотя такая практика имеет место в некоторых зарубежных странах. К примеру, ст. 221-3 УК Франции, ст. 293 УК Голландии признают квалифицированным видом пре-

²¹⁵ См.: Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. – Воронеж, 1974 // Дагель П.С. Избранные труды / науч. ред. А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд. Дальневосточ. ун-та, 2009. – С. 90–106; Горбуза А.Д. Смешанная форма вины по советскому уголовному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1972; Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 126 – 139 и др.

ступления «предумышленное убийство» (убийство с заранее обдуманым умыслом), ст. 228-8 УК Франции признает предумысел квалифицирующим признаком состава насильственных действий, повлекших смерть без намерения ее причинить и ряда иных преступлений²¹⁶). В нашей традиции (с учетом разъяснений, которые даны в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58), вид умысла или неосторожности может быть учтен лишь судом, как влияющий на степень общественной опасности конкретного преступления. Не оспаривая такого подхода по существу, заметим все же, что в рассматриваемой части есть определенные резервы, которые могут быть, при надлежавшей проработке вопроса, учтены и российским законодателем²¹⁷.

Самый общий взгляд на систему преступлений против личности показывает, что формы вины активно используются законодателем при дифференциации оснований ответственности и конструировании составов преступлений. Вместе с тем, эта дифференциация проводится не всегда отчетливо или не всегда последовательно. Можно выделить три основные ситуации.

Во-первых, на законодательном уровне может быть вполне четко проведено различие в характере общественной опасности между преступлениями против личности, исходя из формы вины, например, между умышленным убийством (ст. 105 УК РФ) и неосторожным причинением смерти (ст. 109 УК РФ), между умышленным (ст. 111 УК РФ) и неосторожным причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 118 УК РФ).

Во-вторых, законодатель может постановить считать преступным только умышленное причинение вреда, однозначно вынося

²¹⁶ Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крылова; перев. с франц. и предисл. Н.Е. Крыловой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 170–171; Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. – С. 185.

²¹⁷ Так, например, предложение о выделении в законе самостоятельного состава предумышленного убийства уже было аргументировано в литературе, см.: Векленко С.В., Фалько А.Б. Предумышленное убийство в уголовном праве России. – Омск: Омскбланкиздат, 2007.

случаи неосторожного причинения такого же вреда за рамки уголовного закона. Например, несмотря на имеющийся весьма продолжительный опыт, он в 2003 году отказался от дифференциации уголовной ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью в зависимости от формы вины и исключил из числа оснований уголовной ответственности неосторожное причинение средней тяжести вреда здоровью (что вызвало в свое время массивную критику принятого решения). Еще раньше, в 1960 году законодатель отказался от установления уголовной ответственности за неосторожное причинение легкого вреда здоровью (ст. 145 УК РСФСР 1926 года, ст. 154 УК РСФСР 1922 года).

В-третьих, законодатель, признавая преступный характер и умышленного, и неосторожного причинения вреда объекту охраны, может отказаться от дифференциации уголовной ответственности на основе формы вины. Так, например, не оговаривая специально форму вины, законодатель установил ответственность в ст. 121 УК РФ за заражение венерической болезнью. Мнение многих специалистов по поводу формы вины в этом преступлении однозначно – оно может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности (в форме легкомыслия)²¹⁸, хотя в науке высказана и иная точка зрения, согласно которой данное деяние может влечь уголовную ответственность только при наличии умысла субъекта преступления²¹⁹.

²¹⁸ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. – М.: Проспект, 2019. – С. 512; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – С. 81; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юриспруденция, 2015. – С. 277; Фаргиев И.А. Уголовно-правовая оценка заражения венерической болезнью // Уголовное право. – 2010. – № 1. – С. 42–44.

²¹⁹ Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. – М.: Зерцало-М, 2008. – С. 232; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Д. Иванова. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – С. 164; Яни П. Сложные вопросы субъективной стороны преступления // Российская юстиция. – 2002. – № 12. – С. 43.

Если первая из выделенных ситуаций не вызывает сложностей и может считаться эталонной, вторая ситуация, при всей дискуссионности принимаемых законодателем решений, отражает его категорическое суждение об оценке характера общественной опасности деяний, различающихся формой вины, то третья ситуация с точки зрения рассматриваемой нами проблематики вызывает наибольший интерес и наибольшие сложности. Здесь, с одной стороны, признается возможность и необходимость реализации уголовной ответственности за неосторожное причинение вреда, но в тоже время объем ответственности не дифференцируется, а характер опасности умышленных и неосторожных деяний признается равным.

Представляется, что эта ситуация не отвечает конституционным началам регулирования уголовно-правовых отношений и дифференциации уголовной ответственности. Она, по-видимому, должна была блокироваться первоначальной редакцией ч. 2 ст. 24 УК РФ, однозначно определявшей, что отсутствие указания на форму вины в статье Особенной части УК РФ предполагает, что состав преступления может быть выполнен исключительно умышленно (как это имеет место, к примеру, в § 15 УК ФРГ). При таком подходе вторая и третья из выделенных нами ситуаций «сливались», а неизбежные научные дискуссии переносились в область уголовной политики и межотраслевой дифференциации ответственности за умышленное и неосторожное причинение вреда. Однако с 1998 года положения ч. 2 ст. 24 УК РФ действуют в новой редакции, которая, по сути, включила в объем состава преступления и умышленные, и неосторожные деяния, если в самом составе прямо не оговорена форма вины²²⁰. В итоге санкции целого ряда норм уголовного закона, которые изначально были рассчитаны лишь на оценку опасности

²²⁰ Оставим за рамками анализа большую и содержательную дискуссию относительно толкования и целесообразности предписания ч. 2 ст. 24 УК РФ, сознавая в том числе и не вполне совпадающую позицию на этот счет Верховного Суда РФ (см., например, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования») и Конституционного Суда РФ (см., например, Постановление

умышленных преступлений, стали применяться и для оценки преступлений неосторожных.

Такая законодательная унификация оценки характера общественной опасности преступлений, различающихся формой вины, не может быть оценена однозначно положительно. Представляется, что **последовательное соблюдение принципа справедливости должно требовать более четкого, однозначного и категоричного посыла законодателя по поводу и криминализации, и оценки общественной опасности деяний, различающихся формой вины.** В качестве общего правила здесь можно рекомендовать: (а) исключение из закона положений ч. 2 ст. 24 УК РФ; (б) соблюдение строгого правила об обязательном указании в законе на форму вины в том или ином составе преступления; (в) обязательное «разведение» составов умышленных и неосторожных преступлений, посягающих на одно и тоже благо и причиняющих один и тот же вред, в разные статьи или разные части одной статьи уголовного закона. Такое решение вопроса обеспечит надлежащую оценку характера общественной опасности преступлений, сходных по объективным признакам, и подчеркнет роль субъективных признаков в качестве критериев для оценки характера общественной опасности.

Объективные признаки деяния, которые влияют на характер его общественной опасности, заслуживают отдельного внимания. Прежде всего, здесь необходимо, вслед за А.Э. Жалинским, различать опасность преступления как «целого», и опасность деяния, которое составляет часть этого преступления²²¹; а кроме того, ограничить анализ этого деяния исключительно объективными признаками, причем оставляя за рамками исследования последствия деяния, которые выступают самостоятельным элементом разрабатываемой нами модели опасности.

Анализ общественной опасности деяния на основе его объективных характеристик, достаточно сложная задача, к решению которой

Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина»).

²²¹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 358–359.

отечественная наука в должной мере еще не обращалась. Не претендуя на полноту исследования, полагаем возможным (во многом в постановочном порядке) обозначить следующие обстоятельства, которые необходимо учитывать при оценке характера опасности деяния:

1) деяние в преступлениях против личности (как, впрочем, и при совершении иных преступлений) может быть выражено в двух основных правовых формах: либо в нарушении предписанных нормативными правовыми актами обязанностей или выходе за установленные этими актами права, либо в злоупотреблении или превышении прав, объем и порядок реализации которых прямо не регламентирован в нормативных правовых актах. Первой форме корреспондирует бланкетный способ описания деяния путем указания на его незаконность, противоправность или на нарушение виновным тех или иных правил. Такое деяние обладает так называемой «двойной» противоправностью и предполагает, что при совершении преступления лицо одновременно нарушает предписания не только уголовного, но иноотраслевого законодательства (например, ст. 138.1 УК РФ). Соответственно, и квалификация таких деяний предполагает установление не только конкретной статьи УК РФ, но и обязательную ссылку на конкретную статью того или иного нормативного правового акта, который был нарушен виновным. Вторая форма деяния описывается простыми или описательными диспозициями (иногда путем указания на последствия) без отсылки к нормативным актам иных отраслей права, в связи с чем задачей правоприменителя становится определение границ дозволенного проявления свободы человека и констатация общественно опасного выхода или несоблюдения этих границ (например, ст. 128.1 УК РФ)²²².

²²² Как верно пишут специалисты, «появление человеческой цивилизации, сопряженное с формированием государственности, сталкивается с проблемой свободы человека, характеризующейся, начиная с первобытного общества, поведением человека, выступающего индивидуумом, лично определяющим по собственному волеизъявлению линию и меру дозволенного поведения. В результате свобода одних индивидов становится реальной угрозой безопасности жизни и здоровью других членов общества» (Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Механизм уголовно-правового регулирования преступлений против жизни и здоровья в истории российского права //

Полагаем, есть все основания считать, что деяние, которое состоит в нарушении или неисполнении нормативно урегулированных прав и обязанностей субъекта, при прочих равных условиях должно рассматриваться как обладающее сравнительно более высокой общественной опасностью. Оно имеет качественно иной характер опасности, который определяется и содержанием объекта (его «удвоением»), и содержанием вины (которая всегда в таких случаях включает в себя осознание противоправности деяния), и особыми признаками субъекта.

Законодатель учитывает эти обстоятельства, как правило, в неосторожных преступлениях против личности, выделяя квалифицированный состав причинения вреда вследствие нарушения лицом тех или иных специальных правил (например, в ч. 2 ст. 118 УК РФ). Между тем, представляется, что в части дифференциации ответственности за умышленные преступления, связанные с причинением вреда личности при нарушении специальных правил, содержится значительный резерв для оптимизации закона. Так, например, ограничивая ответственность специальных субъектов в ст. 124 УК РФ только случаями неосторожного причинения вреда и предполагая тем самым квалификацию их умышленных действий по общим нормам (ст. 105, 111, 112 УК РФ)²²³, законодатель не посчитал возможным отразить исследуемые особенности деяния в процессе конструирования квалифицированных составов преступлений. В другой ситуации, устанавливая ответственность за умышленное причинение вреда здоровью, не дифференцировал ответственность специальных субъектов, нарушающих установленные правила трансплантации органов и тканей человека²²⁴. Представляется, что последовательное разграничение деяний по их правовым формам

Lex Russica. – 2018. – № 10 (143). – С. 158). Определение этой «меры свободы» - и есть одна из сложнейших задач как применения уголовно-правовых норм, так и шире – легитимации уголовно-правового запрета.

²²³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII – VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – С. 87.

²²⁴ См. об этом, например: Дорогин Д.А. Противоправные деяния, связанные с органами и (или) тканями человека: уголовно-правовое исследование. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 126–152.

может способствовать оптимизации процессов дифференциации ответственности на основе надлежащей оценки характера их общественной опасности;

2) деяние в преступлениях против личности с физической точки зрения может выражаться в форме действия или бездействия. Относительно небольшой удельный вес бездействия в общем массиве криминализированных законодателем поступков объясняется, прежде всего, меньшей причиняющей способностью бездействия²²⁵ (по мнению отдельных авторов, бездействие в принципе не обладает способностью причинять вред²²⁶). С этой точки зрения, опять же, с принципиальной оговоркой – при прочих равных условиях – бездействие должно рассматриваться как форма деяния, обладающая качественно иной и меньшей опасностью, нежели деяние в форме действия.

Характер общественной опасности преступного бездействия специфичен тем, что ответственность за него могут нести только лица, на которые законом или иным нормативным правовым актом была возложена специальная обязанность действовать по предотвращению вреда²²⁷, которые включены в определенную систему позитивной нормативной регламентации поведения.

²²⁵ Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. – М.: Юрид. лит., 1980. – С. 9.

²²⁶ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. – Ростов: Изд. Ростовского университета, 1977. – С. 129 – 130; Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. – М.: Юрид. изд-во, 1947. – С. 96–100.

²²⁷ В науке представлены различные суждения относительно источника обязанности действовать (см., например: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении. Учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 2002. – С. 229; Козлов А.П. Понятие преступления. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 209). Однако мы являемся сторонниками теории нормативного бездействия (см., например: Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. – М.: Юрид. лит., 1980. – С. 65; Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 87), которая, кстати, нашла прямое отражение в § 13 УК ФРГ: «Тот, кто не предпринимает действий, необходимых для предупреждения последствия, предусмотренного составом преступного деяния, нормированным уго-

Учет этой специфики в уголовном законе при дифференциации ответственности возможен двояко.

Во-первых, законодатель должен признать, обладает то или иное бездействие настолько высоким уровнем опасности, что за него целесообразно установить уголовную ответственность, или же причинение вреда объекту охраны может считаться криминальным исключением при условии действия. Обсуждение этого вопроса в контексте норм действующего закона справедливо приводит некоторых специалистов к выводу о наличии определенных пробелов в установлении оснований ответственности. В частности, можно согласиться с тем, что бездействие родителей и заменяющих лиц, состоящее в попустительстве преступной деятельности несовершеннолетних, обладает достаточно высоким уровнем опасности, оправдывающим необходимость установления за него ответственности на уровне отдельной нормы уголовного закона²²⁸. Эта норма может быть «противопоставлена» по форме деяния известному вовлечению несовершеннолетних в совершение преступления.

Во-вторых, в тех ситуациях, когда преступление объективно может быть совершено как путем действия, так и путем бездействия, необходимо определить, заслуживает ли бездействие более мягкого подхода к определению меры наказания. В § 13 УК ФРГ, устанавливающим условия ответственности за бездействие, прямо предписано: «Наказание может быть смягчено в соответствии с § 49 (абз. 1)». Отечественное законодательство ни в ряду дифференцирующих ответственность и наказание признаков, ни в ряду признаков, влияющих на индивидуализацию наказания, не указывает на бездействие как на форму поведения, заслуживающую сравнительно более

ловным законодательством, подлежит наказанию по положениям настоящего закона только в том случае, если существует его правовая обязанность не допустить наступления этого последствия» (см.: Головинков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2015. – С. 32).

²²⁸ Шевченко Н.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2003. – С. 164–169.

мягкой наказуемости. Однако, представляется, что и в этой части закона имеется резерв для его совершенствования;

3) еще одним объективным признаком деяния, влияющим на характер общественной опасности, выступает причинная связь. Будучи признаком объективным и более того, не обладая какими-либо подчеркнуто уголовно-правовыми особенностями, она сама по себе не может обладать свойством отражать характер общественной опасности деяния или тем более эту опасность нормировать. Однако будучи включенной в структуру преступления, **причинная связь свидетельствует о различающихся в ряде случаев механизмах причинения вреда охраняемому благу, а этот механизм, в свою очередь, свидетельствует о различиях в характере общественной опасности содеянного.**

Наука давно установила наличие различных видов причинной связи в преступлениях²²⁹, хотя прямо вывод о зависимости опасности преступлений от вида причинной связи в ней не сформулирован. Тем не менее, полагаем, что для такой постановки вопроса есть все основания. Достаточно сравнить, например, опасность деяния, которое находится в прямой причинной связи с последствием (скажем, мать с целью лишения жизни ребенка отказывается от кормления и оказания ему помощи, итогом чего наступает смерть – ст. 105 УК РФ), и опасность деяния, которое находится в опосредованной причинной связи с последствием (скажем, водитель транспортного средства не соблюдает правила о приоритетном проезде «кареты» скорой помощи, сознавая, что в результате его деяния могут наступить неблагоприятные последствия, итогом чего выступает последствие в виде смерти пациента – ч. 2 ст. 124.1 УК РФ).

Вид причинной связи прямо не используется законодателем для целей дифференциации ответственности, что вполне оправданно универсальным значением этого признака. Однако механизм при-

²²⁹ См. об этом: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М.: Госюриздат, 1960. – С. 185 – 239; Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2000; Соктоев З.Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014.

чинения вреда объекту охраны, учитывающий в том числе и специфику причинной связи, в целом является вполне оправданным средством дифференциации уголовной ответственности²³⁰.

В завершение анализа модели общественной опасности преступления против личности обратим внимание на один из наиболее важных ее элементов, с которым, как правило и связываются общие представления об опасности преступлений. Это **последствия преступления или преступный вред**.

Общий подход, в соответствии с которым, собственно, и допускается криминализация посягательств на личность, состоит в том, что причиняемый ими вред не ограничивается только и исключительно сферой частных интересов того или иного конкретного потерпевшего. Он всегда причиняется интересам публичным, для охраны которых предназначено уголовное право как отрасль. С.Н. Абельцев правильно пишет: «Преступления против личности, порождаемые условиями общественной жизни, представляют собой специфическое явление, в котором отражается особое поведение, отклоняющееся от требований общества, направленное против интересов каждого конкретного человека... На общем уровне эти преступления противостоят интересам общества и государства, а учитывая их «насильственный» характер и особую опасность, они вызывают социальную напряженность, способствуют развитию социальной деформации, разрушают социальный «организм» и утверждают диктат криминального насилия. ... На индивидуальном уровне речь идет о каждом конкретном преступлении. ... Прежде всего, любое такое деяние касается конкретного человека, направлено против человека и гражданина»²³¹.

²³⁰ Заметим, что в науке уже высказаны отдельные соображения по поводу того, как можно учитывать отмеченную специфику механизма причинения вреда при конструировании составов преступлений (см.: Дрыженко Д.Б., Семченков И.П. Преступления, совершить которые невозможно // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 1 (47). – С. 7–11). Однако эти предложения нуждаются в дополнительной проверке.

²³¹ Абельцев С.Н. Социальные свойства преступлений против личности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2000. – Вып. 4 (20). – С. 85–86.

Эта «двухуровневость» вреда служит исходной точкой в оценке опасности деяний и дифференциации ответственности за них. Полагаем очевидным тот факт, что **в процессе конструирования санкций за то или иное преступление во главу угла законодательных решений ставится задача охраны именно публичных интересов.** Защита частных интересов конкретных потерпевших осуществляется посредством иных правовых механизмов (компенсации вреда, освобождения от ответственности и т.д.). В связи с чем вечно актуальным направлением развития уголовного права становится поиск оптимального баланса между этими двумя направлениями правовой политики²³². Учитывая общую направленность нашей работы, полагаем возможным оставить проблему защиты частных интересов и дифференциации ответственности с учетом характера и объема причиненного им вреда за пределами анализа. Ограничимся лишь вопросами публичного вреда и его значения для градации оснований и объема ответственности.

Здесь важно отметить, что вред от преступлений против личности (как, впрочем, и от любого иного преступления) имеет уникальное свойство «пролонгированности» и системности. Это обстоятельство хорошо известно криминологам, в предмет исследования которых включается проблематика социальных последствий преступности. Под ними традиционно понимают реальный вред, причиняемый преступностью общественным отношениям, выражающийся в совокупности причинно связанных с преступным поведением прямых и косвенных, непосредственных и опосредованных негативных изменений (ущерб, урон, потери, убытки и т.п.), которым в конечном счете подвергаются социальные (экономические, нравственные, правовые и др.) ценности, а также совокупность экономических и иных издержек общества, связанных с организацией борьбы с преступностью и социальной профилактикой преступлений²³³. Применительно к насильственным преступлениям (а соответствующие рассуждения могут быть экстраполированы на всю сферу преступлений против личности) выделяют: физические, экономические последствия, социальные последствия (в узком

²³² См. об этом, например: Сидоренко Э.Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. – М.: Юрлитинформ, 2013.

²³³ Бабаев М.М. Социальные последствия преступности: учеб. пособие. – М.: Акад. МВД СССР, 1982. – С. 21.

смысле), нравственные, психологические последствия²³⁴; особое место среди них занимает страх перед преступностью, который существенным образом меняет жизнь не только потенциальных жертв, но и всего общества в целом и, кроме того, оказывает непосредственное влияние на восприятие опасности и тяжести преступлений²³⁵.

Множественный характер последствий ставит перед законодателем ряд задач, связанных с их оценкой и учетом при определении характера опасности преступления:

— во-первых, необходимо разумно ограничить последствия, которые могут быть использованы в качестве признаков основного или квалифицированного составов преступлений. В преступлениях против личности на эту роль могут претендовать только те последствия, которые непосредственно связаны с изменениями в объекте уголовно-правовой охраны. Личность как объект охраны ограничивает виды последствий посягательства на нее лишь физическими, психическими и нравственными (иначе – последствиями в виде нарушения прав и свобод); а принцип вины (ст. 5 УК РФ) дополнительно ограничивает перечень вменяемых последствий только теми, в отношении которых установлена вина субъекта преступления;

— во-вторых, эти последствия должны быть правильно описаны, измерены и оценены. Измерение последствий преступлений против личности – сложная задача. Некоторые виды изменений, происходящие в объекте посягательства, состоят из одной величины, предстают в одном размере, иными словами, они не имеют размерности (например, смерть) и в этом случае изменение степени опасности такого вреда, помимо увеличения количества случаев, связано с влиянием на степень опасности иных обстоятельств деяния, например, вины. Другие изменения, происходящие в объекте, могут быть исчислены количественно и ранжированы, например, в ситуациях причинения раз-

²³⁴ Афанасьева О.Р. Общие положения о социальных последствиях насильственной преступности // Вестник Воронежского института МВД России. – 2013. – № 1. – С. 111.

²³⁵ Об этом см., например: Варр М. Восприятие преступности обществом и реакция на нее // Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли; пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. – С. 58 – 67.

личной степени тяжести вреда здоровью. Для некоторых преступлений определение размера причинения вреда связано с исчислением временных и пространственных границ деяния, числа объектов воздействия, оценкой способа совершения и т.д.²³⁶;

— в-третьих, необходимо определить место последствий преступления в механизме дифференциации ответственности. В некоторых ситуациях вред становится признаком основного состава преступления; в других ситуациях законодатель использует последствия при описании квалифицированных составов преступлений; в-третьих — полагает достаточной возможность оценить последствия в процессе индивидуализации наказания на основе предписаний п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ (наступление тяжких последствий в результате совершения преступления).

Решение этих задач законодателем, отраженное в тексте действующего УК РФ, не позволяет говорить о наличии некоей строго выверенной и последовательной системы. Анализ, показывает, что в общем массиве составов преступлений против личности (по параметрам основного состава преступления) 35% являются материальными (это практически все составы преступлений жизни и здоровья), 65% — формальными. При этом в 59% случаев (из доли 35%) основному материальному составу предпослан квалифицированный состав, отражающий оценку количества (например, совершение преступления в отношении двух или более лиц) или качества последствий. В подгруппе формальных составов подобная ситуация наблюдается только в 27% случаев (из доли 45%), к ним, правда, надо добавить еще 15% случаев, когда квалифицирующим признается признак применения насилия, имплицитно предполагающее возможность причинения вреда здоровью или телесной неприкосновенности. Причем, в ряде случаев законодатель конкретизирует вид и размер последствия в квалифицированных составах преступлений, а в ряде случаев (например, в ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127,

²³⁶ Землюков С.В. Виды и способы измерения общественной опасности преступления // Известия Алтайского государственного университета. — 1999. — № 2 (12). — С. 62 — 65.

ч. 3 ст. 127.1, ч. 3 ст. 127.2, ч. 2 ст. 128, ч. 3 ст. 131, ч. 3 ст. 132, ч. 3 ст. 137, ч. 3 ст. 145.1 УК РФ) позволяет оставить вопрос о виде и объеме последствий «открытым», используя формулу «причинение иных тяжких последствий».

Разумеется, в нашу задачу не может входить детальный критический анализ этих законодательных решений. Однако некоторые очевидные ситуации, отражающие недостаточное внимание к проблеме дифференциации ответственности на основе данных о последствиях можно отметить. К примеру, законодатель посчитал возможным выделить в квалифицированный состав причинения смерти по неосторожности двум или более лицам (ст. 109 УК РФ), но не использовал эту возможность для дифференциации ответственности за неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 118 УК РФ). Аналогичная ситуация возникает при обращении к составам умышленного причинения вреда: признак «совершение преступления в отношении двух или более лиц» имеется в ст. 111, 112 УК РФ, но отсутствует в ст. 115, 116, 116.1 УК РФ. В ст. 146 УК РФ особо крупный размер признан квалифицирующим признаком незаконного использования объектов авторского права, а в близкой по содержанию ст. 147 УК РФ – нет. Заражение венерической болезнью признано квалифицирующим признаком в преступлениях, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ, но не признано таковым в ст. 134 УК РФ. В ст. 136 УК РФ законодатель отказался от указания на последствия дискриминации в виде нарушения прав и свобод человека, но в ст. 140 УК РФ сохранил этот признак в ряду признаков основного состава преступления.

Разумеется, различный подход законодателя компенсируется специальными правилами квалификации преступлений (например, правилами квалификации совокупности преступлений) и возможностями судов по индивидуализации наказания. Учитывая в том числе и это обстоятельство, мы воздержимся от разработки конкретных рекомендаций по оптимизации закона в направлении последовательного учета данных о последствиях преступлений про-

тив личности; здесь к тому же нужны дополнительные и самостоятельные исследования. Подчеркнем главное – из закона не следует какой-либо общей логики или общих принципов такого учета, что отражает, на наш взгляд, недостаточную теоретическую проработку вопроса о способах отражения в законе последствий преступления, влияющих на характер его общественной опасности.

В качестве самых общих принципов такого учета полагаем возможным указать на следующие положения:

а) преступления против личности направлены против конституционно значимых личных нематериальных ценностей; сам факт посягательства на которые, непризнание и отрицание, уже свидетельствует о причинении вреда охраняемому законом объекту, в связи с чем «отделить» деяние-посягательство от его последствий зачастую не представляется возможным: вредное последствие, предупредить которое законодатель стремится, состоит в самом деянии виновного лица, а потому возможности использования такого признака состава, как последствия для дифференциации ответственности становятся весьма ограниченными;

б) последствия в основном и квалифицированном составах преступлений против личности не должны выходить за пределы объекта посягательства, охраняемого той или иной главой Особенной части УК РФ, в связи с чем законодателю следует пересмотреть возможность использования такой неопределенной категории как «иные тяжкие последствия»²³⁷;

в) все последствия, указываемые в составе, должны находиться в причинной и виновной связи с одним деянием субъекта, в связи

²³⁷ Крайне сложно, в связи с этим, к примеру, поддержать мнение специалистов о том, что тяжкие последствия невыплаты заработной платы (ст. 145.1 УК РФ) могут выражаться в инвалидности, смерти, уничтожении или повреждении имущества (см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII – VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – С. 144). Характер этих последствий, как минимум, не предполагает возможности установить причинную связь между ними и невыплатой заработной платы.

чем разумно отказаться от конструирования квалифицированных составов по типу сложных составных, фактически объединяющих два различных преступных деяния в один состав (например, изнасилование, повлекшее заражение венерической болезнью, или незаконное лишение свободы, повлекшее смерть);

г) в случаях, когда основной состав преступления конструируется законодателем по типу материального, на роль квалифицирующих могут претендовать только признаки, отражающие количественное увеличение вреда, качество которого описано в основном составе (вряд ли справедливо в этом отношении решение законодателя, который в ст. 143 УК РФ не указал на такой квалифицирующий признак как причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью двум или более лицам);

д) в случаях, когда основной состав преступления конструируется по типу формального, сам факт наступления последствий, которые стремится предотвратить данная норма, и которые могут быть объективированы, описаны и доказаны, должен признаваться квалифицирующим признаком состава (в связи с чем, например, есть основания прислушаться к неоднократно высказанным в науке суждениям о необходимости дополнения ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности» квалифицирующим признаком, отражающим факт наступления смерти или вреда здоровью потерпевшего²³⁸).

Представленные рассуждения об основных элементах модели общественной опасности преступлений против личности (объекте, деянии и последствиях) для удобства восприятия всего массива информации и его анализа, целесообразно свести в таблицу и представить графически (см. табл. 1).

²³⁸ Горбатова М.А. Составы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье: Понятие, система и уголовно-правовой анализ: дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – С. 9; Власов Ю.А. Уголовная ответственность за оставление в опасности: дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2004. – С. 7.

Таблица 1

***Модель общественной опасности преступлений
против личности***

Объект	Правовая форма деяния	Физическая форма деяния	Вид причинной связи	Форма вины		Вид последствия
А	Б	В	Г	Д		Е
1. Жизнь	1. Нарушение правил	1. Действие	1. Прямая	1. Умысел		1. Физический
2. Здоровье				1.1. Прямой	1.2. Косвенный	
3. Свобода	2. Злоупотребление правом	2. Бездействие	2. Опосредованная	2. Неосторожность		2. Психический
4. Честь и достоинство						
5. Половая свобода						
6. Конституционные права				2.1 Легкомыслие	2.2. Небрежность	3. Нравственный (вред правам)
7. Интересы несовершеннолетних						

Таблица вполне наглядно демонстрирует возможности для кодирования характера опасности преступления. К примеру, опасность посягательству на жизнь, которое с прямым умыслом и при наличии прямой причинной связи совершается субъектом, нарушающим установленные для него правила осуществления той или иной деятельности, может быть представлена посредством следующей формулы: А1, В1, В2, Г1, Д1.1, Е1. Или же опасность убийства может быть описана как: А1, В2, В.2, Г1, Д2.1, Е1. Она свойственна, в частности, поведению матери, которая, не выполняя свои обязанности, отказывается от кормления ребенка, легкомысленным итогом чего выступает его смерть. «Ординарное» незаконное лишение свободы может быть описано посредством формулы А3, В2, В1, Г1.1, Д.3; если в эту формулу внести изменения в части описания последствий (например, подключить Д2 или Д1), то можно получить более опасную разновидность данного преступления, квалифицируемую последствиями.

Таким образом может быть закодирована опасность любого преступного посягательства. Обобщенный взгляд на характер общественной опасности преступлений против личности в таком случае позволит вычленить несколько более крупных моделей. Среди них:

а) [В2, В1, Д] опасность преступления, которое состоит в активном злоупотреблении правом, в результате чего умышленно или по неосторожности причиняется вред охраняемым законом ценностям (убийство, причинение смерти по неосторожности, нарушение равноправия граждан и др.);

б) [В2, В1, Д] опасность преступления, которое состоит в пассивном злоупотреблении правом, в результате чего умышленно или по неосторожности причиняется вред охраняемым законом ценностям (неисполнение обязанностей по воспитанию, оставление в опасности и др.);

в) [В1, В, Д1] опасность преступления, которое состоит в умышленном посягательстве на охраняемые законом ценности путем действия или бездействия, выразившегося в нарушении предписанных законом правил, причинивших вред правам и свободам личности (необоснованный отказ в приеме на работу, воспрепятствование законной деятельности журналистов, неуплата алиментов и др.);

г) [Б1, В, Д2] опасность преступления, которое состоит в неосторожном причинении вреда охраняемым законом ценностям в результате действия или бездействия, выразившегося в нарушении предписанных законом правил (нарушение требований охраны труда, заражение ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей и др.).

Такое моделирование опасности, полагаем, может быть полезным подспорьем как при решении вопросов, связанных с законодательной оценкой посягательств на личность и конструированием, исходя из этого, основных и квалифицированных составов преступлений, так и в правоприменительной практике для решения вопросов, связанных с оценкой характера этих преступлений.

§ 2. Степень общественной опасности преступлений против личности и дифференциация уголовной ответственности

Дифференциация ответственности за преступления против личности, как показало предшествующее изложение, строится законодателем с учетом представлений об их типовом характере и типовой степени общественной опасности. И если типовой характер опасности, содержательно наполняемый специфической информацией на основе неких универсальных моделей, призван гарантировать дифференциацию ответственности за посягательства в зависимости от содержания охраняемых ценностей, вида и механизма причинения им вреда, то есть обеспечивает, если можно так выразиться, «вертикальную» дифференциацию ответственности, то типовая степень общественной опасности позволяет обеспечить «горизонтальную» дифференциацию уголовной ответственности вне зависимости от того, на какие именно объекты направлено преступное посягательство. Если типовой характер – критерий, отражающий по большей части представления о качественных параметрах опасности, то типовая степень – ее количественный показатель. Будучи свидетельством «количества» опасности, типовая степень в известных пределах не зависит от вида и направленности преступного посягательства, в связи с чем равной степени опасности могут обладать преступления, существенно различающиеся по характеру. Это дает возможность законодателю провести сквозную

дифференциацию ответственности для общего массива всех преступлений на основе представлений об их типовой опасности.

Механизм дифференциации ответственности на основе типовой степени опасности включает в себя несколько взаимосвязанных и последовательных блоков. Во-первых, законодатель отражает свою оценку типовой степени общественной опасности преступлений, конструируя санкцию уголовно-правовой нормы (причем в данном случае речь идет не только о санкции статьи Особенной части уголовного закона, но и о моделировании параметров санкции с учетом положений Общей части закона относительно стадий совершения преступления, соучастия в преступлении и др.). Во-вторых, на основе сравнительной оценки степени опасности, отраженной в санкции, проводит категоризацию всех преступлений, ранжируя их на группы, исходя из «количества» этой опасности, отраженной в величине санкции. В-третьих, устанавливает для различных категорий преступлений различные уголовно-правовые последствия (в части возможного освобождения от ответственности или от наказания, определения вида исправительного учреждения, срока погашения судимости и т.д.).

Это направление дифференциации ответственности, также как и дифференциация ответственности на основе характера общественной опасности, не зависит от оценки личности виновного, в ее основе – оценка преступления; но существенно отличается от нее тем, что не зависит от объекта и направленности преступления, осуществляется на основе не содержания, а величины, размера опасности.

Как видим, «ядром» этого направления дифференциации ответственности выступает категоризация преступлений. Вопрос о соотношении категоризации преступлений и дифференциации ответственности не имеет однозначного теоретического решения. В некоторых специальных исследованиях прямо указывается, что «категоризация преступлений по степени их тяжести является важнейшим средством для дифференциации ответственности на законодательном уровне»²³⁹, что «с помощью категоризации преступлений осуществляется «сквозная» дифференциация ответственности в

²³⁹ Кротов С.Е. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 10.

уголовном законе», которая в Общей части УК РФ выступает базовым, а в Особенной части УК РФ – вспомогательным дифференцирующим средством»²⁴⁰. Вместе с тем, по мнению Т.А. Лесниевски-Костаревой, «классификация преступлений – это не средство дифференциации уголовной ответственности, а ее предварительное условие, предпосылка»²⁴¹. По нашему убеждению, жестко противопоставлять феномены категоризации и дифференциации не представляется возможным. Категоризация преступлений, сама по себе, не имеет сколько-нибудь важного уголовно-правового значения. В отрыве от уголовно-правовых последствий категоризация преступлений, в принципе, не является необходимой, и может выступать только как средство научного познания и обобщения преступных деяний. Собственно уголовно-правовое значение и значимость придается ей исключительно в связке с процессами нормативной градации ответственности, осуществляемой на основе категоризации. С этой точки зрения категоризация преступлений выступает одновременно и как условие, и как необходимый элемент механизма дифференциации ответственности.

Приступая к исследованию проблем дифференциации ответственности за преступления против личности на основе типовой степени их общественной опасности, полагаем необходимым сделать несколько предварительных замечаний, объясняющих объем и пределы последующего анализа темы:

1) категоризация преступлений основывается на «сквозной» оценке типовой степени общественной опасности преступлений, а потому, разумеется, не зависит от объекта и направленности преступления, в связи с чем не существует и нецелесообразно создавать некую специфическую категоризацию преступлений против личности;

2) в связи с этим основной акцент нами будет сделан на исследовании некоторых общих вопросов категоризации преступлений и оценке того, как эта категоризация отражается на оценке опасности преступлений против личности и одновременно отражает их опасность;

²⁴⁰ Кулева Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в общей и особенной частях УК РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2019. – С. 8.

²⁴¹ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – С. 157.

3) категоризация определяет те или иные уголовно-правовые последствия преступлений, безотносительно их объекта (по общему правилу), в связи с чем сами эти последствия (освобождение от ответственности, сроки судимости и пр.) полагаем возможным оставить за пределами анализа;

4) тем не менее, идея совмещения типового характера и типовой степени опасности для решения задач дифференциации ответственности за совершенные против личности преступления той или иной категории тяжести может рассматриваться в качестве одного из перспективных направлений анализа.

С учетом этих оговорок, представим свое понимание проблем категоризации и дифференциации ответственности за преступления против личности.

Вопросы категоризации преступлений по праву занимают важное место в ряду актуальных тем уголовно-правовой науки. Специалисты справедливо признают, что законодательная классификация преступлений является одним из достижений юридической техники, позволяющим достичь целей рациональной организации и логической последовательности изложения нормативных предписаний УК РФ; краткости и компактности изложения правовых норм при достаточной глубине и всесторонности отражения их содержания; ясности, простоты и доступности языка закона, точности и определенности используемой терминологии; что классификация преступлений повышает системность норм общей и особенной частей УК РФ, способствует концептуальному осмыслению различных институтов уголовного права, уяснению содержания уголовно-правовых норм, повышению эффективности их применения в практической деятельности, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности²⁴².

В то же самое время учение о категоризации преступлений содержит, как минимум, две позиции, по поводу которых наука не

²⁴² Гревцева А.Ю. Классификации преступлений, их роль и значение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2010. – С. 7. См. также: Курбанов А.О.-о. Социально-правовая сущность преступления и категории преступлений по уголовному праву России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 9–10.

пришла к единому мнению, и которые вызывают оживленные дискуссии. Это вопросы, связанные с определением критериев категоризации и самим категориальным членением преступлений.

Согласно ч. 1 ст. 15 УК РФ, деяния, предусмотренные кодексом, подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления в зависимости от характера и степени их общественной опасности. Формальным выражением показателей характера и степени опасности преступлений выступают, согласно закону, форма вины и максимальный размер наказания, предусмотренный УК РФ за их совершение.

Использование формы вины для определения категориальной принадлежности преступлений вызывает в науке противоречивые оценки – от предложений, связанных с исключением из ч. 2–5 ст. 15 УК РФ указания на зависимость категории преступления от формы вины²⁴³, до разработки самостоятельной категоризации неосторожных преступлений, автономной от категоризации преступлений умышленных²⁴⁴.

В общем массиве составов преступлений против личности удельный вес составов неосторожных преступлений относительно невелик и составляет 6,4%²⁴⁵ (притом, что в общем массиве лиц, осужденных за преступления против личности, удельный вес осужденных за неосторожные преступления еще меньше и колеблется в пределах 1,5–2%, из них более 90% осуждены по ст. 109 и ст. 118 УК РФ). Преступления небольшой тяжести составляют 47,4% от общего числа составов неосторожных преступлений против личности и 13,4% от числа составов преступлений против личности небольшой тяжести; преступления средней тяжести – соответственно 47,4% и 22,5%; тяжкие преступления – 5,2% и 4,2%. Иными словами, практически все неосторожные преступления против лично-

²⁴³ Кулева Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в общей и особенной частях УК РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2019. – С. 8.

²⁴⁴ Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 78–79.

²⁴⁵ При подсчете мы позволили себе включить в массив неосторожных преступлений и те, понимание формы вины в которых в науке не отличается единообразием, например, ст. 110, 121, 122, 124, 124.1 УК РФ.

сти относятся к категории небольшой или средней тяжести (в Разделе VII УК РФ тяжким является только одно неосторожное преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 110 УК РФ, санкция которой – до 15 лет лишения свободы²⁴⁶); примерно каждый десятый состав преступлений небольшой тяжести и каждый пятый из преступлений средней тяжести – неосторожный.

Сознавая самостоятельный характер проблемы категоризации преступлений, а потому, не углубляясь в ее детальное исследование, заметим, что в нашем представлении **форма вины, как фактор, влияющий на характер общественной опасности, должна влиять (в совокупности, разумеется, с иными обстоятельствами) на размер и параметры санкции статьи Особенной части. Повторный ее учет при определении категоризации преступлений вряд ли необходим, если придерживаться той логики, что таковая проводится на основе типовой степени общественной опасности. К тому же, форма вины в связке с категориальной принадлежностью преступлений не используется законодателем для осуществления задач дифференциации ответственности.** В законе не предусмотрено каких-либо различий в определении уголовно-правовых последствий для лиц, совершивших преступления одной категории, но с различными формами вины, а равно для лиц, совершивших преступления по неосторожности, но относящиеся к различным категориям²⁴⁷. Когда (и если)

²⁴⁶ Вопрос о форме вины в этом преступлении в науке решается неоднозначно. По мнению А.Н. Попова, С.В. Склярова доведение до самоубийства может быть совершено по неосторожности (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – С. 62; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – С. 399), тогда как, согласно мнению М.В. Бавсуна и Н.В. Вишняковой – только умышленно (Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. М.В. Бавсуна. – 2-е изд., перераб. и доп. – Омск: ОА МВД России, 2020. – С. 44).

²⁴⁷ Единственное исключение, которое может быть приведено в качестве примера такой «связки» - проблема назначения вида исправительного учреждения лицам, совершившим неосторожные преступления, относящиеся к категории тяжких (ч. 2 ст. 58 УК РФ). Но, как указал Верховный Суд РФ, такие лица для целей определения вида учреждения должны рассматриваться как совершившие неосторожные преступления (ч. 1 ст. 58

законодатель проводит дифференциацию таких последствий, он учитывает либо форму вины, либо категорию совершенного умышленного преступления. С этой точки зрения использования формы вины в качестве критерия категоризации преступлений на сегодняшний день не существует.

Вряд ли можно рассчитывать и на то, что указание формы вины в описании той или иной категории будет обладать «сдерживающим» эффектом в отношении законодателя при конструировании санкций. А.Н. Ратьков пишет: «При построении санкций за конкретные преступления в Особенной части УК должна учитываться категорийность преступлений, закрепленная в Общей части УК, в том смысле, что максимальный предел санкции конкретного преступления должен быть меньше или равен минимальному пределу санкции преступления, подпадающего под категорию большей степени тяжести»²⁴⁸. Но дело в том, что, конструируя санкции, законодатель менее всего обращает внимание на категории преступлений. Последние решения, связанные с установлением наказаний в виде более 10 лет лишения свободы за неосторожные преступления и вызванный этим пересмотр нормативов категоризации (как в части включения неосторожных преступлений в категорию тяжких, так и в части снятия предусмотренного для тяжких неосторожных преступлений верхнего параметра наказания в виде 10 лет лишения свободы) – явное тому подтверждение. Суждение Н.Ф. Кузнецовой о том, что «категоризация преступлений позволяет не умозрительно, а руководствуясь классификацией деяний, определять виды и размеры санкций за преступления в Особенной части УК»²⁴⁹, выдает, по большей части, желаемое за действительное.

Сказанное, как представляется, служит дополнительными аргументами в пользу того, чтобы законодатель отказался от указания на форму вины в качестве критерия категоризации преступлений. Единственным таким критерием, отражающим типовую степень

УК РФ), то есть категория совершенного ими преступления не имеет значения для решения вопроса определения им вида исправительного учреждения для отбывания наказания в виде лишения свободы.

²⁴⁸ Ратьков А.Н. Правовое значение классификации преступлений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 9.

²⁴⁹ Новое уголовное право России. Общая часть: Учеб. пособие. – М.: Зерцало: Теис, 1996. – С. 44.

опасности преступлений, и позволяющим сравнивать тяжесть различных по объекту посягательств, выступает санкция. Как верно пишут специалисты, санкция уголовно-правовой нормы является «выразителем», «формализованным критерием» общественной опасности и категоризации преступлений²⁵⁰.

Однако и здесь не все так однозначно. В науке можно выделить три основных подхода к решению вопроса о признании санкции показателем опасности преступлений.

Первый, утверждающий, признает, что мерилom общественной опасности того или иного преступного деяния выступает санкция статьи Особенной части УК РФ²⁵¹. Он сегодня является в науке господствующим. Признается он и в ряде решений Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал: «Уголовный кодекс Российской Федерации закрепляет в статье 15 правила определения категорий преступлений исходя из их характера и степени общественной опасности. При этом в качестве формального критерия для отнесения преступления к той или иной категории используется размер максимального наказания, указанный в санкции соответствующей статьи Особенной части данного Кодекса (а не размер наказания, фактически назначенного подсудимому)»²⁵².

²⁵⁰ Онгарбаев Е.А. Теоретические проблемы классификации преступлений по уголовному праву Республики Казахстан: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999. – С. 7; Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2000. – С. 10–11.

²⁵¹ Кулева Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в общей и особенной частях УК РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2019. – С. 8–9.

²⁵² Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2010 № 658-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Капитонова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 15 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1463-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сулейманова Натика Закиф оглы на нарушение его конституционных прав статьей 15 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2016 № 2419-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Устинова Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 15 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Второй подход, условно назовем его сомневающимся, исходит из того, что словосочетание «наказание, предусмотренное кодексом за преступление» в тексте ст. 15 УК РФ не должно трактоваться ограничительно, как указывающее только на наказание, установленное в санкции, но ориентирует на категоризацию преступлений, исходя из наказания, определяемого законом с обязательным учетом тех или иных ограничений, которые предусмотрены в положениях Общей части УК РФ. А.А. Толкаченко, к примеру, указывает, что «следует только буквально (не расширительно и не ограничительно) истолковать текст ст. 15 УК РФ, зависимость категорий преступления не от санкций, а от наказания, которое предусмотрено и может быть назначено за конкретное преступление»²⁵³. В связи с этим, например, приготовление к какому-либо преступлению, максимальный размер наказания за которое ограничен требованиями ст. 66 УК РФ, не может по категории тяжести уравниваться с тем же самым оконченным преступлением²⁵⁴.

²⁵³ Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2021. – С. 323.

²⁵⁴ Предпосылки к формированию такого подхода содержат и некоторые решения Конституционного Суда РФ. В одном из своих решений он указал, в частности: «Избранное федеральным законодателем решение в отношении установления подсудности уголовных дел, по которым не может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, по существу, дополняет используемые в Уголовном кодексе Российской Федерации в качестве критерия категоризации преступлений вид и размер предусмотренного за них наказания (статья 15), которые служат внешними формализованными показателями, отражающими характер и степень их общественной опасности» (Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.2014 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова»). Впоследствии эта формула была многократно воспроизведена, причем, что в нашем случае важно, без ссылок на то, что в ст. 15 УК РФ речь идет о наказании, установленном в санкции статьи Особенной части (см.: Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2015 № 1000-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Серегина Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 15 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 21.05.2015 № 1178-О «Об отказе

Наконец, третий подход, условно именуемый нами отрицающим, предполагает, что категория преступления должна определяется не наказанием, которое так или иначе установлено в законе, а реальным наказанием, которое было назначено конкретному лицу за совершение конкретного преступления²⁵⁵.

Оценивая эти подходы, надо отметить, что категоризация преступлений на основе назначенного судом наказания (в принципе не исключенная и известная, к примеру, ст. 49 УК РСФСР 1960 г.), фактически лишает категоризацию важного свойства быть основой дифференциации ответственности и переводит ее в разряд средств юридической техники, основная функция которого – экономия текста уголовного закона. Что касается «сомневающегося» подхода к категоризации, то его существенным недостатком надо признать то обстоятельство, что ограничения в максимальном наказании в Общей части УК РФ в целом ряде случаев не связаны с оценкой опасности преступления. Например, при ограничении наказуемости преступлений, совершенных несовершеннолетними, или преступлений, дела о которых рассматриваются в особом порядке уголовного судопроизводства²⁵⁶. Качественно иная природа ограничений

в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мещерякова Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

²⁵⁵ Марцев А.И., Михаль О.А. Теоретические вопросы классификации преступлений // Известия вузов. Правоведение. – 2004. – № 5. – С. 113; Гонтарь И.Я. Категоризация преступлений в основании институтов уголовного права: социально-правовые последствия // Известия вузов. Правоведение. – 2003. – № 4 – С. 124; Гревцева А.Ю. Классификации преступлений, их роль и значение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2010. – С. 12–13.

²⁵⁶ Это дало основание некоторым специалистам высказать крайне уязвимое общее суждение, в соответствии с которым «почти аксиоматичное представление о том, что дифференциация уголовной ответственности – это всегда проблема «подвижности» общественной опасности деяния, приобретает дискуссионный характер. В современных условиях дифференциация уголовной ответственности может иметь и другие – уголовно-политические, формально-юридические, а иногда и сугубо утилитарные (обусловленные обеспечением эффективности правоприменения) основания» (см.: Русскиевич Е.А.

наказуемости, по нашему убеждению, не может и не должна влиять на оценку общественной опасности преступлений. В итоге, мы можем признать, что **господствующий подход, ориентированный на учет размера санкции статьи Особенной части УК РФ при определении категории преступления, является не только вполне приемлемым, но и теоретически оправданным**²⁵⁷.

В рамках общего анализа критериев категоризации преступлений обратим внимание еще на один теоретический аспект проблемы. А.И. Марцев и О.А. Михаль пишут, рассматривая вопрос о категоризации преступлений, что каждой категории по характеру и степени общественной опасности корреспондирует объект определенной ценности. Отсюда, исходя из типичности и общности изменений в общественных отношениях по характеру и степени интенсивности посягательств, объекты по социальной ценности подразделяются ими на особо ценные, ценные, средней ценности и небольшой ценности. К особо ценным объектам относятся: жизнь человека; к ценным объектам относятся: половая неприкосновенность; к средней ценности объектам относятся: свобода, половая свобода, интересы семьи и несовершеннолетних; к небольшой ценности объектам относятся: честь и достоинство личности, политические, социальные и личные права и свободы человека и гражда-

Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2020. – С. 149–150). Думается все же, что дифференциация, не основанная на показателях опасности, не может в принципе быть признана дифференциацией ответственности, а ее реализация (если таковая происходит) граничит с нарушением принципиальных оснований уголовного права.

²⁵⁷ Не случайно, например, ч. 3 § 12 Уголовного уложения ФРГ, определив категории преступных деяний, исходя из размера предусмотренного за них наказания, прямо предусмотрела: «Ужесточение или смягчение наказания, предусмотренное Общей частью или действующее в особо тяжких или менее тяжких случаях, не принимается во внимание для данной классификации» (Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2015. – С. 32).

нина. При этом авторы утверждают, что только 66% всех посягательств, имеющих в УК РФ, соответствуют ценности объекта той главы, в которой эти составы расположены²⁵⁸.

На первый взгляд, это утверждение имеет вполне отчетливое подтверждение в уголовном законе. Но вместе с тем, оно заслуживает и критической оценки. Даже если согласиться с градацией объектов по степени их ценности, надо признать, что сегодня в категорию особо ценных попадает такой объект, как половая неприкосновенность личности, развитие несовершеннолетних – «объект ценный», а здоровье человека, исходя из категориальной принадлежности преступлений, скорее, ближе к объектам «средней ценности». Но это не самое главное. Главное в том, как мы уже указывали, что любой объект уголовно-правовой охраны представляет собой социальную ценность, достаточную для того, чтобы считать опасное посягательство на него преступным. Но опасность преступления, хотя и связана с объектом охраны, не может определяться исключительно этим объектом. Следовательно, и объекты не могут ранжироваться по степени ценности. Одна и та же конституционная ценность может быть объектом самых разных по степени общественной опасности преступлений (как, например, в ситуации угрозы причинением тяжкого вреда здоровью и реального причинения тяжкого вреда). В связи с чем, кстати, сложно согласиться с позицией М.С. Румянцева, который к числу средств дифференциации уголовной ответственности относит разделы и главы Особенной части УК РФ²⁵⁹. В разделах и главах осуществлена систематизация преступлений по признакам объекта, но она не имеет прямого отношения к вопросам дифференциации уголовной ответственности.

Возвращаясь к рассуждениям А.И. Марцева и О.А. Михалья, стоит обратить внимание еще на одну неточность, которую они допускают в рассуждениях о «ценности объектов охраны». Исследователи определяют ее, исходя только из категориальной принадлежности посягательств, то есть оперируют лишь той оценкой, которая проведена законодателем. Но эта оценка осуществлена законодателем не только (а возможно, и не столько) на основе содержания объекта,

²⁵⁸ Марцев А.И., Михаль О.А. Теоретические вопросы классификации преступлений // Известия вузов. Правоведение. – 2004. – № 5. – С. 114–115.

²⁵⁹ Румянцев М.С. Особенности регламентации средств дифференциации ответственности в УК РФ // Российский следователь. – 2013. – № 2. – С. 29.

сколько с учетом всех иных признаков состава, детерминирующих характер общественной опасности. Ценность же собственно объекта не может быть «выведена» из оценки санкций уголовного закона. Логика здесь должна быть иной – не категория преступления определяет ценность объекта, а от ценности объекта и от степени его повреждения должна зависеть категория посягательства. В данном случае ключевой вопрос – как определить эту «ценность».

Обращаясь с этих принципиальных позиций к вопросу о категоризации преступлений против личности, рассмотрим сложившуюся в законе ситуацию, обращая внимание на те изменения, которые произошли в оценке типовой степени их общественной опасности за период действия УК РФ.

Итак, по состоянию на 31.10.2025 года в общем массиве преступлений против личности 16% относилось к категории особо тяжких, 15,4% - к категории тяжких преступлений, 25,6% - к категории преступлений средней тяжести и 43% - к категории преступлений небольшой тяжести. За период действия УК РФ законодательное решение вопросов оценки опасности преступлений против личности демонстрирует выраженную динамику – сокращение удельного веса преступлений средней тяжести (с 33,6% до 25,6%) и увеличение доли особо тяжких преступлений (с 9,4% до 16,0%).

Общая оценка динамики решения вопросов категоризации преступлений против личности показывает, что за исследуемый период (1996–2025):

- в целом возросло общее количество составов преступлений на 68,6%, в основном за счет криминализации преступлений против жизни, половых посягательств и преступлений против конституционных прав и свобод личности;

- возросло количество и удельный вес преступлений небольшой тяжести, в основном за счет преступлений, предусмотренных главами 16 и 19 УК РФ;

- возросло количество (за счет преступлений против конституционных прав и свобод), но уменьшился удельный вес преступлений средней тяжести;

- возросло количество (практически во всех главах Раздела VII УК РФ), но остался стабильным удельный вес тяжких преступлений;

- возросло количество и удельный вес особо тяжких преступлений, в основном за счет деяний, предусмотренных главами 16, 17, 18 УК РФ.

— общее число преступных деяний прирастало во всех категориях; однако изменение параметров удельного веса преступлений различной категории происходило не столько за счет переоценки опасности криминализированных ранее преступлений, сколько за счет криминализации новых деяний, не известных первоначальной редакции закона (в первую очередь это касается категории особо тяжких преступлений).

Приведенные данные позволяют в общих чертах определить, что **основной тренд развития уголовной политики в части оценки посягательств на личность явно состоит в нарастании криминализационных процессов за счет включения в уголовный закон новых особо тяжких преступлений против жизни, свободы и сексуальной безопасности.**

Однако при этом важно подчеркнуть, что несмотря на эти процессы, подавляющее большинство посягательств на личность относится к категории преступлений небольшой тяжести (43,0%). Для сравнения – в главе о преступлениях против собственности к категории небольшой тяжести относится 21,1%, тогда как 43,9% - к категории тяжких преступлений.

Это обстоятельство подводит к идее рассмотреть вопрос о связи между категорией преступления и объектом преступного посягательства. Анализ показывает:

— наибольший удельный вес преступлений небольшой и средней тяжести демонстрирует Глава 19 УК РФ (эти категории составляют *практически* все 100% объема составов преступлений против конституционных прав и свобод);

— каждое второе преступление из предусмотренных главами 16 и 20 УК РФ – небольшой тяжести;

— наибольший удельный вес тяжких преступлений (каждое четвертое) – в главах 17, 18, 20 УК РФ;

— наибольший удельный вес особо тяжких преступлений в Главе 18 УК РФ (56,5%).

Исследование направленности преступлений той или иной категории на тот или иной объект уголовно-правовой охраны подтверждает эти тенденции.

Более чем каждое третье преступление небольшой тяжести направлено против жизни и здоровья (составы привилегированных убийств и неосторожные составы преступлений), и почти половина

таких преступлений направлены против конституционных прав и свобод личности; каждое третье из посягательств против жизни и здоровья и конституционных прав относится к категории преступлений средней тяжести. Каждое второе особо тяжкое преступление посягает на половую неприкосновенность и половую свободу личности.

Такое положение вещей, а именно – значимые «пики» в показателях преступлений наименьшей и наивысшей категории – заставляет обсудить несколько важных проблем, связанных как, собственно, с категоризацией преступлений (ее достаточностью для оценки опасности преступных деяний), так и в более широком аспекте – с криминализацией общественно опасных деяний.

Первое направление анализа в данном случае – преступления небольшой тяжести. Анализ параметров их наказуемости показывает, что по состоянию на 2025 год в общем массиве преступлений небольшой тяжести против личности 28,6% не предусматривали в санкциях наказание в виде лишения свободы и еще 21,4% санкций содержали указание на максимальное наказание до одного года лишения свободы. Столь низкий порог наказуемости с неизбежностью ставит вопрос о том, достаточна ли в принципе опасность соответствующих посягательств для того, чтобы возводить их в ранг преступлений.

Сознавая эту проблему, Верховный Суд РФ дважды инициировал вопрос о введении в уголовный закон категории «уголовный проступок». В первом варианте разработанного им законопроекта предлагалось считать проступком любое преступление небольшой тяжести, за которое не предусмотрено наказание в виде лишения свободы²⁶⁰; во втором варианте проступком предлагалось считать впервые совершенное преступление небольшой тяжести, за которое кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, за исключением некоторых посягательств, в том числе предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 ст. 151.1 УК РФ (то есть

²⁶⁰ Законопроект № 612292-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 22.07.2024).

преступлений, посягающих на здоровье и преступлений с административной преюдицией)²⁶¹. Общим правилом в обоих законопроектах предусматривалось, что уголовный проступок должен влечь за собой освобождение от уголовной ответственности с применением той или иной меры уголовно-правового характера, которые конструировались по аналогии с наказаниями, не связанными с лишением или ограничением свободы (судебный штраф, общественные работы или ограниченно оплачиваемые работы).

Проблема уголовного проступка, известная еще с советских времен и ранее, вызвала в современной науке бурное обсуждение. Мнения специалистов, разумеется, разделились. Некоторые авторы высказывают безусловную поддержку инициатив высшей судебной инстанции²⁶². Другие специалисты, напротив, полагают, что включение в состав действующего российского уголовного закона категории «уголовный проступок» вряд ли оправдано, поскольку проблемы, которые поднимаются на уровне руководства Верховного Суда РФ, нужно решать путем исключения из уголовного закона большинства норм, предусматривающих ответственность за преступления небольшой и средней тяжести, с их одновременным переводом в административное законодательство²⁶³. Третья группа исследователей, признавая теоретическую и практическую ценность категории проступка, признавая, что на роль такового могут

²⁶¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 13.10.2020 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». URL: <https://vsrf.ru/documents/own/29309/> (дата обращения: 22.01.2021).

²⁶² См. например: Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества // Человеческое преступление и наказание. – 2018. – Т. 26 (1–4), № 2. – С. 131–136; Артюшина О.В. Уголовный проступок в контексте экономики уголовной репрессии // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 3 (46). – С. 83–89; Рогова Е.В. Уголовный проступок в системе дифференциации уголовной ответственности. – Иркутск: Репроцентр А1, 2011.

²⁶³ Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 80–84.

претендовать не только собственно преступления небольшой тяжести, но и некоторые административные правонарушения²⁶⁴, выступают за возможность выделения уголовных проступков в отдельный кодекс уголовных проступков с формулированием самостоятельного списка санкций²⁶⁵.

Определяя свое отношение к этой проблеме, выскажем следующее.

1. Создание отдельного кодекса уголовных проступков, при наличии УК РФ и КоАП РФ, откровенно нецелесообразно и неоправданно; существующей системы административно-деликтной и уголовной ответственности вполне достаточно для решения охранительных задач в области обеспечения безопасности личности, особенно если признать единство правовой («уголовной») природы этих видов ответственности, вытекающее из известной концепции «уголовной сферы», разработанной в практике Европейского Суда по правам человека.

2. Отталкиваясь от идеи единства природы уголовного и административно-деликтного законодательства, декриминализация преступлений с переносом их в разряд административно наказуемых деяний не должна восприниматься как безусловное свидетельство снижения гарантий безопасности личности.

3. Категория преступлений небольшой тяжести включает крайне широкий по степени опасности диапазон посягательств – от незаслуживающих, по мысли законодателя, лишения свободы, до заслуживающих весьма серьезного наказания в виде трех лет лишения свободы. Такая «широта оценок» вряд ли способствует надлежащей дифференциации именно уголовной ответственности. Представляется, что оптимальному решению вопроса способствовало бы сокращение разрыва между показателями наименьшей и наибольшей опасности преступлений небольшой тяжести за счет выделения в отдельную группу посягательств тех, что не предусматривают наказания в виде лишения свободы.

²⁶⁴ Акутаев Р.М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. // Российская юстиция. – 2013. – № 5. – С. 42–43.

²⁶⁵ Костерин В.В. Уголовный проступок: оценка форм воплощения и перспектив существования // Пенитенциарная наука. – 2020. – № 14(3). – С. 343–348.

4. Категория уголовного проступка, судя по инициативам высшей судебной инстанции, предназначена для дифференциации ответственности посредством введения едва ли не обязательного освобождения от ответственности лиц, совершивших (или впервые совершивших) соответствующее деяние. Между тем, убеждены, что, во-первых, категория преступного деяния не может зависеть от того, совершено оно лицом впервые или повторно. Это обстоятельство может (и должно) служить задачам дифференциации ответственности и индивидуализации наказания, но исключительно за рамками категоризации преступлений. Во-вторых, освобождение от ответственности не должно конструироваться в качестве обязательного уголовно-правового последствия совершения преступных деяний той или иной категории (проступка). Оно должно быть исключительно в усмотрении суда, ибо если деяние не заслуживает реализации уголовной ответственности, возникают серьезные сомнения в обоснованности его криминализации, в принципе. И, наконец, в-третьих, инициативы по введению категории проступка направлены, как мы можем судить, по большому счету на то, чтобы исключить возможность признания лиц, его совершающих, судимыми (в смысле ст. 86 УК РФ). Но решить задачу судимости можно иным (более простым) путем – установив правило о том, что лица, осужденные за определенную категорию преступных деяний, считаются несудимыми с момента исполнения или отбывания назначенным им мер уголовно-правового характера.

5. Преступления, не наказуемые по закону лишением свободы, должны быть подвергнуты отдельному анализу на предмет оценки их опасности, ибо их список также включает в себя весьма различные деяния.

Опасность некоторых таких преступлений, особенно в сравнении с иными преступлениями небольшой тяжести, на наш взгляд, откровенно занижена. В частности, сложно однозначно поддержать законодателя, который предусмотрел наказание в виде двух лет лишения свободы за посягательство на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 137 УК РФ), но не предусмотрел возможности назначения лишения свободы за частный случай этого преступления – разглашение тайны усыновления (ст. 155 УК РФ), а также

за нарушение тайны корреспонденции (ч. 1 ст. 138 УК РФ), неприкосновенности жилища (ч. 1 ст. 139 УК РФ), нарушение политических прав (ст. 140, ч. 1 ст. 141 УК РФ). Нет объяснений тому факту, что побои (ст. 116 УК РФ) влекут наказание до двух лет лишения свободы, а более опасные по объему причинения вреда объекту – умышленное причинение легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК РФ), умышленное заражение венерической болезнью (ч. 1 ст. 120 УК РФ) и неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 118 УК РФ) – нет.

В то же время признание некоторых иных деяний, не наказуемых лишением свободы, преступлениями, вызывает сомнения с иной точки зрения. В частности, незаконное, но без вредных последствий, производство аборта лицом, не имеющим надлежащего образования (ч. 1 ст. 123 УК РФ), нарушение трудовых прав отдельных категорий работников (ст. 144.1, ст. 145 УК РФ), по нашему убеждению, представляют собой неудачную и недопустимую попытку решить некоторые социальные проблемы средствами уголовного закона. В связи с чем целесообразно детально обсудить (и положительно решить) вопрос о декриминализации этих преступлений;

6. Предложения о «судьбе» преступлений небольшой тяжести, не наказуемых сегодня по закону лишением свободы, должны разрабатываться с учетом опасности самих этих преступлений, а не на основе абстрактных представлений об опасности некоей группы преступлений, не наказуемых лишением свободы. В этой связи нам представляется, что исследуемый массив посягательств, за исключением предложенных нами к декриминализации, демонстрирует степень опасности, недооцененную законодателем, а установление параметров их наказуемости не соответствует общим представлениям о ценности охраняемого блага и опасности посягательства на него.

Определенным свидетельством общественной значимости охраняемого блага могут служить данные о восприятии его содержания и ценности в общественном мнении. Показательны в этом отношении, например, результаты социологического опроса, который был проведен Аналитическим центром Ю. Левады, по вопросу о восприятии гражданами России ценности тех или иных прав (см. табл. 2).

Таблица 2

Ценность прав человека в общественном мнении²⁶⁶

Какие из прав и свобод человека, по-вашему мнению, наиболее важны? Право на:	дек. 2017	окт. 2019
Жизнь, свободу, личную неприкосновенность	9	10
Медицинскую помощь	9	9
Бесплатное образование, равный доступ к образованию	7	8
Свободу слова	4	7
Работу, хорошие условия и справедливую оплату труда	7	7
Неприкосновенность имущества, жилища	6	7
Свободу от насилия, унижений и произвола	5	6
Создание семьи и равноправие в браке	4	5
Свободу перемещения и выбора места жительства	4	5
Свободу вероисповедания, свобода совести	3	5
Получение информации	3	5
Участие в общественной и политической жизни	2	4
Свободу мирных собраний и ассоциаций	2	4

Таблица отражает среднее значение частности ответов респондентов и свидетельствует об актуализации прав человека в общественном мнении. Она убедительно демонстрирует, во-первых, неравномерное распределение частоты ответов граждан, что косвенно отражает различное восприятие ценности того или иного права, и во-вторых, динамику в восприятии ценности прав и свобод, причем не просто растущее значение ценности всех прав и свобод, но активное возрастание ценности отдельных прав, в частности, на свободу слова, на получение информации, на участие в общественной жизни, свободу собраний.

²⁶⁶ Права человека. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/20/prava-cheloveka/> (дата обращения: 20.09.2025).

Применительно к рассматриваемой нами проблеме категоризации преступлений против личности эта информация:

— дает возможность согласиться с общим подходом законодателя к различной оценке степени общественной опасности посягательств на различные объекты, согласно которому жизнь, свобода и половая неприкосновенность возведены в ранг наиболее охраняемых объектов (показатели частности – 9 – 10%);

— позволяет поддержать законодательные решения о криминализации посягательств на личные и политические права граждан и не согласиться однозначно, без оглядки на общественное мнение, с предложениями специалистов о декриминализации деяний, предусмотренных ст. 136 УК РФ (со ссылкой на несоблюдение законодателем принципа общественной опасности), ст. 121 и ст. 128 УК РФ (со ссылкой на нарушение принципа относительной распространенности деяний)²⁶⁷;

— ставит вопросы о корректности санкций отдельных статей уголовного закона и прежде всего тех, что не предусматривают наказания в виде лишения свободы (в действующем законе посягательство на менее частотную ценность – свободу собраний – называется в ст. 149 УК РФ лишением свободы до трех лет, в то время как посягательства на более значимые права – получение информации и неприкосновенность жилища – влечет в ст. 140 УК РФ и в ч. 1 ст. 139 УК РФ наказания, не связанные с лишением свободы).

С учетом этих рассуждений, полагаем, что санкции в преступлениях, которые сегодня не наказываются лишением свободы, как не отвечающие ценности охраняемого блага и опасности посягательства на него, должны быть пересмотрены в сторону увеличения. Во все из них следует дополнительно включить указание на возможность назначения лишения свободы сроком до одного года;

7. Преступления, которые и в действующей редакции закона, и с учетом наших предложений, будут влечь за собой максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не более одного года, целесообразно выделить в отдельную категорию преступных деяний. Такой подход, например, реализован в § 12 Уголовного Уложения ФРГ, согласно которому, уголовными преступлениями являются противоправные деяния, за совершение которых законом

²⁶⁷ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 109 – 110–113.

предусмотрено минимальное наказание в виде лишения свободы на срок один год или выше, а уголовными проступками являются противоправные деяния, за совершение которых законом предусмотрено минимальное наказание в виде более краткого срока лишения свободы или денежного штрафа²⁶⁸. В данном случае для нас не важно, как будет именоваться данная категория преступных деяний – «проступками» или «преступлениями небольшой тяжести» (хотя последнее – предпочтительнее). Важно иное – **деяния, заслуживающие наказания более мягкого, чем год лишения свободы, должны быть категоризованы отдельно. Отсюда – и иное, более широкое правило: деяния, не заслуживающие в принципе наказания в виде лишения свободы, не должны признаваться преступлениями.**

Определившись с категорией преступлений небольшой тяжести, обратимся ко второму направлению анализа, вытекающему из исследования отмеченных выше «пиков» категоризации преступлений. Речь идет об особо тяжких преступлениях против личности. Это также весьма неоднородная группа деяний по степени опасности: 16,6% из них предусматривают максимальную санкцию до 12 лет лишения свободы, 54,2% – до пятнадцати лет лишения свободы, 29,2% – санкцию в виде лишения свободы на срок до двадцати лет (в их числе и четыре преступления, которые могут караться пожизненным лишением свободы или смертной казнью). Заметим, что последняя подгруппа существенно расширена в последние годы за счет преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ранее в ней находилось только квалифицированное убийство).

Очевидно, что исходя из максимального размера санкции (10 лет лишения свободы и пожизненное лишение свободы), преступления, относящиеся к одной категории особо тяжких, оцениваются законодателем весьма различно. Это различие в оценках особо подчеркивается самим законодателем, который для преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (равно как и для некоторых преступлений, караемых пожизненным лишением свободы) предусмотрел по итогам недавнего реформи-

²⁶⁸ Головиненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2015. – С. 32.

рования закона, ряд дополнительных последствий, дифференцирующих ответственность, в части условного осуждения, условно-досрочного освобождения от наказания, назначения наказания ниже низшего предела и др.

Это дало основание специалистам выдвинуть и обосновать предложение о выделении в общем массиве преступлений отдельной категории посягательств исключительной тяжести. Т.Ю. Орешкина, в частности, пишет о целесообразности дополнения ст. 15 УК РФ частью 5.1 следующего содержания: «Преступлениями исключительной тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых настоящим Кодексом, наряду с наказанием в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет, предусмотрено более строгое наказание»²⁶⁹. Заметим, что идея градации категории преступлений особой тяжести, пусть и в иной форме, выдвигалась и ранее. Н.Г. Кадников писал: особо тяжкие преступления нуждаются в дополнительном разграничении: под индексом «А» следует выделить деяния, посягающие на жизнь человека (наказание – от 15 до 20 лет лишения свободы или пожизненно); под индексом «Б» – все иные деяния, отнесенные законодателем в эту категорию (наказание – от 10 до 15 лет лишения свободы)»²⁷⁰. Эту мысль поддержал М.М. Дайшутов, предлагая выделить особо тяжкие преступления «А», посягающие на жизнь человека и терроризм (наказание – от 15 до 20 лет лишения свободы или пожизненно), и особо тяжкие «Б» – все иные, которые посягают на наиболее значимые объекты, охраняемые уголовным законом (наказание – до 15 лет лишения свободы)²⁷¹.

Полагаем, что такого рода предложения заслуживают самого серьезного внимания, обсуждения и поддержки. Их реализация позволит решить две взаимосвязанные проблемы.

Во-первых, выделение категории исключительной тяжести даст возможность для пересмотра и переоценки степени опасности целого ряда преступных деяний. Так, анализ санкций показывает, что

²⁶⁹ Орешкина Т.Ю. Категории преступлений и место среди них преступлений исключительной тяжести // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12 (52). – С. 51.

²⁷⁰ Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2000. – С. 39.

²⁷¹ Дайшутов М.М. Категория особо тяжких преступлений по уголовному праву России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 21.

в их моделях для преступлений особой тяжести (по меньшей мере, в преступлениях против личности) не предусматриваются наказания в виде лишения свободы на срок 16, 17, 18, 19 лет. «Шаг» размерности – пять лет: либо санкция до 15 лет, либо – до 20 лет лишения свободы. Для сравнения – в категории преступлений средней тяжести и тяжких «шаг» санкции мельче; он позволяет конструировать санкции с максимальным наказанием в 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 лет. Этот подход сложно признать оправданным. Он, как представляется, с одной стороны, «сдерживает» законодателя в оценке опасности преступлений, которые сегодня караются максимум 15 годами лишения свободы (например, ч. 1 ст. 105 УК РФ), а с другой стороны, приводит к переоценке опасности деяний, которые заслуживают наказания более сурового (например, ч. 6 ст. 134 УК РФ). Введение категории преступлений исключительной тяжести позволит решить проблему адекватизации санкций за наиболее опасные для личности, общества и государства преступления.

Во-вторых, включение такой категории в структуру ст. 15 УК РФ позволит оптимизировать законодательные решения в части углубления процессов дифференциации ответственности за такие преступления, как с точки зрения избавления его от излишней казуистичности (о чем убедительно писала Т.Ю. Орешкина применительно к проблемам регламентации условного осуждения, условно-досрочного освобождения от наказания и т.д.), так и с точки зрения обеспечения равенства уголовно-правовых последствий для лиц, совершающих равные по степени исключительности преступления (например, для лиц, совершающих квалифицированные убийства, с одной стороны, и половые преступления против несовершеннолетних, с другой).

В-третьих, предлагаемое решение позволит оптимизировать положения закона, касающиеся наказания в виде пожизненного лишения свободы, в частности, даст возможность зафиксировать в ч. 1 ст. 57 УК РФ общее предписание о том, что пожизненное лишение свободы может быть установлено законом и назначаться только за преступления исключительной тяжести.

С учетом этого, полагаем, есть предпосылки к тому, чтобы **на основе существующей категории особо тяжких преступлений обособить отдельную категорию преступлений исключительной тяжести, определив, что за них может быть предусмотрено законом наказание свыше 15 лет лишения свободы или иное**

более тяжкое наказание²⁷². К таким посягательствам следует отнести, как минимум, преступления против личности, которые предусмотрены ч. 2 ст. 105, ч. 4 и ч. 5 ст. 131, ч. 4 и ч. 5 ст. 132, ч. 5 и ч. 6 ст. 134 УК РФ.

Высказанные нами предложения об оптимизации законодательных решений о категоризации преступлений на ее «флангах» позволят оптимизировать в целом структуру категорий преступлений за счет «выравнивания» шага градации, который в этом случае будут составлять пять лет лишения свободы. Моделируемая нами категоризация преступлений в итоге может выглядеть следующим образом:

- преступления небольшой тяжести – деяния, за которые предусматривается законом наказание в виде лишения свободы сроком до одного года или иное более мягкое наказание;
- преступления средней тяжести – деяния, за которые предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет;
- тяжкие преступления – деяния, за которые предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет;
- особо тяжкие преступления – деяния, за которые предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет;
- преступления исключительной тяжести – деяния, за которые предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет или иное более тяжкое наказание.

Предлагаемые изменения не повлекут за собой принципиальной смены законодательных подходов к определению правовых последствий совершения преступлений той или иной категории, но саму категоризацию существенно упорядочат, а главное – позволят, с учетом этой категоризации, оптимизировать санкции за преступления против личности.

Изменение нормирования категорий преступлений с необходимостью должно повлечь за собой и пересмотр предписаний ч. 6 ст. 15 УК РФ о порядке изменения категории преступления судом. Введение данной нормы в УК РФ вызвало серьезную критику в

²⁷² В юридической науке предлагалось выделить категорию исключительно тяжких преступлений, понимая под ними те, за которые устанавливаются наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни (Марцев А.И., Михаль О.А. Теоретические вопросы классификации преступлений // Известия вузов. Правоведение. – 2004. – № 5. – С. 122–123). Однако такой подход представляется нам излишне узким.

научной литературе²⁷³. Специалисты отмечают, что она «меняет природу категоризации преступлений как средства дифференциации ответственности, переводя ее в разряд средств индивидуализации ответственности», наносит ощутимый урон принципу законности и неоправданно расширяет рамки судейского усмотрения²⁷⁴.

Не углубляясь в полемику по этому вопросу, заметим, что подход к восприятию ч. 6 ст. 15 УК РФ в контексте проблем дифференциации ответственности не вполне точен. Пленум Верховного Суда РФ, обращаясь к толкованию этой нормы, справедливо указал, что «изменение категории преступления на менее тяжкую в соответствии с частью 6 статьи 15 УК РФ позволяет обеспечить индивидуализацию ответственности осужденного за содеянное и является реализацией закрепленных в статьях 6 и 7 УК РФ принципов справедливости и гуманизма»²⁷⁵. Именно к сфере индивидуализации, а не дифференциации ответственности относятся предписания рассматриваемой правовой нормы. В каждом конкретном случае суд вправе, при наличии к тому оснований, решить вопрос об изменении категории преступления, причем, что важно, правовые по-

²⁷³ Епихин А.Ю. Расширение полномочий суда на понижение категории преступления: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 1 (19); Малков В. Право суда на изменение категории преступления // Законность. – 2013. – № 11. – С. 36–39; Орешкина Т.Ю. Категории преступлений. Изменения последних лет // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международ. научн.-практ. конф. (29-30 января 2015 г.). – М.: РГ-Пресс, 2015. – С. 183 – 187; Долотов Р.О. Уголовно-правовые последствия применения судом ч. 6 ст. 15 УК РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2015. – № 4. – С. 60–72; Нуркаева Т.Н., Диваева И.Р. О спорных вопросах части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2019. – № 2. – С. 313–317.

²⁷⁴ Кулева Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в общей и особенной частях УК РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2019. – С. 8–9.

²⁷⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 15.05.2018 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 7.

следствия такого решения не предполагают реализации всех без исключения возможностей и ограничений, которые предусмотрены законом для этой новой, «измененной» категории²⁷⁶.

Суды обращаются к ч. 6 ст. 15 УК РФ в крайне редких случаях: в общем массиве всех осужденных удельный вес лиц, которым изменена категория преступления, не превышает 1%, а в числе лиц, осужденных за преступления против личности – он не превышает 0,3% (см. табл. 3).

Таблица 3

**Применение судами первой инстанции положений
ч. 6 ст. 15 УК РФ²⁷⁷**

Статья УК РФ	Доля в числе осужденных по этой статье	Статья УК РФ	Доля в числе осужденных по этой статье	Статья УК РФ	Доля в числе осужденных по этой статье
105	0,3	116.1	0,1	133	2,6
107	1,8	117	0,4	134	1,2
108	4,6	118	1,0	135	2,1
109	0,9	119	0,1	139	0,1
111	0,8	126	2,3	146	10,3
112	0,3	127	1,5	150	0,5
114	3,0	131	0,4	151	0,4
115	0,1	132	0,5	156	0,2
осуждены по статьям раздела VII УК РФ			8,7% от числа лиц, которым снижена категория		
снижена категория преступлений			0,3% от числа осужденных за преступления против личности		
снижена категория преступления			0,7% от общего числа всех осужденных		

²⁷⁶ См. об этом: Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления: Научно-практическое пособие. – М.: РГУП, 2019.

²⁷⁷ Согласно Форме 11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» отчетности Судебного Департамента при Верховном Суде РФ.
<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

Столь незначительные объемы реального применения судами положений ч. 6 ст. 15 УК РФ могут служить косвенным свидетельством того, что правоприменитель в целом разделяет подход законодательного органа к оценке типовой степени опасности преступлений, а сама эта норма используется в крайне редких случаях явного несоответствия опасности преступления предустановленной законом его категориальной принадлежности.

Такое несоответствие на практике отчетливо проявляет себя в тех ситуациях, когда санкция в виде лишения свободы за то или иное преступление, определяющая его категориальную принадлежность, несущественно отличается от максимального значения этого наказания, установленного законом для предыдущей категории. Так, статистика свидетельствует, что каждому десятому осужденному за тяжкое преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 146 УК РФ, суды снизили категорию преступления, при этом наказание в виде лишения свободы в санкции этой статьи составляет 6 лет, то есть всего на один год отличается от максимальной санкции, предусматриваемой для преступлений средней тяжести. Убеждает в этом и анализ практики изменения категории по иным преступлениям: она была снижена почти 4% осужденных по ч. 3 ст. 158 УК РФ с санкцией в 6 лет лишения свободы, более 3% осужденных по ч. 3 ст. 159 УК РФ с такой же санкцией и т.д.; в общем массиве лиц, которым была снижена категория преступления, осужденные по ч. 3 ст. 158 УК РФ составляют более 33%. В подобных «пограничных» ситуациях, с учетом обстоятельств конкретного преступления, было бы, пожалуй, несправедливо отказывать лицу в праве на дополнительное смягчение наказания.

С учетом этих рассуждений, сама ч. 6 ст. 15 УК РФ не вызывает у нас нареканий принципиального характера. Однако с учетом предлагаемой нами корректировки параметров наказуемости преступлений отдельных категорий, формальные условия применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, связанные с назначенным судом наказанием, закономерно должны быть пересмотрены. В настоящий момент закон стремится соблюсти общую закономерность в определении такого условия: **категория может быть снижена, если осужденному назначено наказание, не превышающее максимальный размер наказания, установленный в ст. 15 УК РФ для категории предыдущей тяжести** (три года лишения свободы для снижения категории со средней тяжести на небольшую, пять лет – для

снижения категории с тяжкой на среднюю тяжесть). Исключение составляет наказание, назначенное за преступления особо тяжкие; оно установлено относительно произвольно и составляет семь лет лишения свободы.

Полагаем, что эта общая логика должна быть реализована и в рамках наших предложений. Суд вправе снизить категорию преступления, если осужденному будет назначено:

- за преступление средней тяжести – наказание, не превышающее одного года лишения свободы или иное более мягкое наказание (заметим, что согласно статистическим данным, таковых лиц в общем массиве осужденных за преступления средней тяжести – почти 35%);

- за тяжкое преступление – наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы (таковых в массиве осужденных за тяжкие преступления – 46%);

- за особо тяжкое преступление – наказание, не превышающее десяти лет лишения свободы;

- за преступление исключительной тяжести – наказание, не превышающее пятнадцати лет лишения свободы.

— Подводя итоги исследованию вопросов, связанных с учетом типовой степени общественной опасности преступлений против личности при построении системы дифференциации ответственности за их совершение, можно предложить в качестве наиболее существенных следующие выводы и предложения:

- санкции тех или иных статей уголовного закона, детерминированные характером общественной опасности преступлений определенного вида, сопоставляемые по показателям наказания в виде лишения свободы, дают возможность провести количественное сравнение законодательной оценки опасности различных преступлений, с тем чтобы на этой основе разработать средства дифференциации уголовной ответственности за посягательства, обладающие равной или почти равной степенью опасности;

- такое сопоставление требует в качестве надежного инструмента нормативной категоризации преступлений, построенной на показателях типовой степени их общественной опасности. В основу категоризации должно быть положено максимальное наказание в виде лишения свободы, предусмотренное санкцией статьи Особенной части УК РФ за то или иное преступление;

— существующая в законе категоризация преступлений (ст. 15 УК РФ) может быть оптимизирована посредством следующих решений: а) отказ от использования формы вины в качестве критерия категоризации преступлений (поскольку этот показатель учтен при оценке характера общественной опасности в санкции); б) пересмотр параметров наказуемости преступлений небольшой тяжести, за которые следует предусмотреть обязательное максимальное наказание в виде лишения на срок не более одного года (что позволит избежать неоправданных сложностей в связи с обсуждением категории уголовного проступка и установит формальный запрет на включение в уголовный закон деяний, опасность которых не обуславливает возможности применения наказания в виде лишения свободы); в) выделение категории преступлений исключительной тяжести, предусматривающих наказание на срок свыше 15 лет лишения свободы (что даст возможность углубить и унифицировать процессы нормативной дифференциации ответственности);

— в целях оптимизации нормативного учета опасности отдельных преступлений против личности при категоризации преступлений целесообразно: а) предусмотреть наказание в виде лишения свободы сроком до одного года в санкциях ч. 1 ст. 115, ст. 116.1, ч. 1 ст. 118, ч. 1 ст. 120, ч. 1 ст. 124, ч. 1 ст. 128.1, ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 139, ст. 140, ч. 1 ст. 141, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 146, ч. 3 ст. 148, ч. 1 ст. 151.1, ст. 154, ст. 155 УК РФ; б) признать преступлениями исключительной тяжести деяния, описанные в ч. 2 ст. 105, ч. 4 и ч. 5 ст. 131, ч. 4 и ч. 5 ст. 132, ч. 5 и ч. 6 ст. 134 УК РФ;

— оптимизированная категоризация преступлений должна внести свой вклад в решение таких актуальных проблем уголовного права, как: а) криминализация деяний, не обладающих высокой степенью общественной опасности; б) надлежащая оценка опасности посягательств на права и свободы личности; в) конструирование санкций статей Особенной части УК РФ; г) обеспечение принципа равенства при дифференциации уголовной ответственности за наиболее опасные преступления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бесспорен тот факт, что проблемные вопросы дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности, как и исследование проблематики института дифференциации уголовной ответственности в целом, обоснованно находятся под пристальным вниманием отечественных специалистов в области теории уголовного права. Решение затронутых в настоящей работе проблем, столь необходимое для оптимизации уголовно-правового регулирования и повышения качества охраны личности, должно быть согласованным и взаимосвязанным, базироваться на непротиворечивой теоретико-методологической платформе, обладать свойствами устойчивости и последовательности, иметь универсальный характер, позволяющий использовать полученные результаты для прогностического развития всего комплекса уголовно-правовых предписаний. Достичь этого можно только при условии всестороннего и комплексного научного исследования проблем дифференциации ответственности за преступления против личности, что предопределяет актуальность и социальную востребованность обозначенной темы для российских исследователей.

Завершая работу над данной монографией, выражаем глубокую благодарность нашему научному редактору доктору юридических наук, профессору Юрию Евгеньевичу Пудовочкину и рецензентам докторам юридических наук, профессорам Андрею Петровичу Дмитренко и Константину Викторовичу Ображиеву за бесценную помощь в работе над рукописью, за критическую оценку представленных материалов и высказанные предложения по их совершенствованию, которые способствовали значительному повышению качества настоящей монографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25.
3. Федеральный закон от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 31. – Ст. 3921.
4. Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 10. – Ст. 1162.
5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
6. Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 35. – Ст. 4308.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.07.2025 № 1110 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 31. – Ст. 4807.
8. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. – № 188. – 05.09.2008.
9. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 08.04.2025 № 172н (в ред. Приказа Минздрава РФ от 19.08.2025 № 490н) «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

10. Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н.С. Бондаря по определению Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1768-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коршуновой Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 34 Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях».

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна».

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1999 № 1 «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Ключева».

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова».

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан».

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска».

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других».

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валугево, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова».

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других».

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко».

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда».

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова».

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева».

24. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.2014 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова».

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной».

26. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова».

27. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

28. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева».

29. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.11.2016 № 22-П «По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона "О материальной ответственности военнослужащих" в связи с жалобой гражданина Д.В. Батарагина».

30. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края».

31. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

32. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера».

33. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева».

34. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда».

35. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2019 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.Н. Алганова».

36. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной».

37. Определение Конституционного Суда РФ от 13.06.2002 № 171-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соловьева Михаила Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктами "а", "в" части второй статьи 127 УК Российской Федерации, частью первой статьи 60 и статьей 223 УПК РСФСР».

38. Определение Конституционного Суда РФ от 08.07.2004 № 256-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Каневского районного суда Краснодарского края о проверке конституционности статьи 76 Уголовного кодекса Российской Федерации».

39. Определение Конституционного Суда РФ от 14.10.2004 № 321-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голотина Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации».

40. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 466-О «По жалобе гражданина Герасимова Андрея Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, статьями 57 и 59 Уголовного кодекса Российской Федерации и Указом Президента Российской Федерации от 7 декабря 1998 года о его помиловании».

41. Определение Конституционного Суда РФ от 23.05.2006 № 192-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанца Владимира Андреевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125, частью первой статьи 144, статьями 406, 413, 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 139 Уголовного кодекса Российской Федерации».

42. Определение Конституционного Суда РФ от 13.06.2006 № 195-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Ивукова Константина Александровича положением части 2 статьи 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

43. Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 223-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коробецкой Натальи Васильевны на нарушение ее конституционных прав статьей 116 Уголовного кодекса Российской Федерации».

44. Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2007 № 519-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

45. Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 525-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Графкина Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 282 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

46. Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 69-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хромова Александра Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьей 107 Уголовного кодекса Российской Федерации и определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации».

47. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 № 898-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Купцова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 57 Уголовного кодекса Российской Федерации».

48. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 № 987-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Казаковой Татьяны Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части второй статьи 141 Уголовного кодекса Российской Федерации».

49. Определение Конституционного Суда РФ от 23.03.2010 № 368-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калугина Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации».

50. Определение Конституционного Суда РФ от 23.03.2010 № 425-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хвощевского Евгения Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

51. Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2010 № 1503-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гвиниашвили Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 111 Уголовного кодекса Российской Федерации».

52. Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2010 № 1504-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Галкина Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

53. Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 860-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зяблина Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации».

54. Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 965-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Костиной Елены Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 124 Уголовного кодекса Российской Федерации».

55. Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 969-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подоматько Геннадия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом «и» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

56. Определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 № 1623-О-О «По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации».

57. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 1702-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бакаева Василия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 116 Уголовного кодекса Российской Федерации».

58. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 48-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мамедова Руслана Исламовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 1, частями первой и второй статьи 126 Уголовного кодекса Российской Федерации».

59. Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 581-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бакаева Сергея Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 10 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 290 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации».

60. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 137 Уголовного кодекса Российской Федерации».

61. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012 № 1468-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крутова Дениса Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 135 Уголовного кодекса Российской Федерации».

62. Определение Конституционного Суда РФ от 21.03.2013 № 478-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яковлева Дмитрия Валерьевича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 69 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 7 части первой и частью второй статьи 299, пунктом 1 части пятой статьи 302, пунктом 4 статьи 307, пунктами 4 и 5 части первой статьи 308 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

63. Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2013 № 575-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кашолапа Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации».

64. Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2013 № 998-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куликова Дмитрия Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

65. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1148-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дубового Андрея Андреевича на нарушение его конституционных прав статьями 126 Уголовного кодекса Российской Федерации».

66. Определение Конституционного Сфуда РФ от 16.07.2013 № 1149-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Забуняна Амаяка Григоровича на нарушение его конституционных прав статьями 126 Уголовного кодекса Российской Федерации».

67. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1150-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Головачева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 126 Уголовного кодекса Российской Федерации».

68. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1151-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колосова Павла Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 126 Уголовного кодекса Российской Федерации».

69. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2013 № 1438-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Савельева Валерия Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 126 Уголовного кодекса Российской Федерации».

70. Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2021-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Котенкова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

71. Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2125-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малкова Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 29.9, 30.7 и 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

72. Определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2014 № 92-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Акопяна Григория Васильевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 30 и частью второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

73. Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 № 353-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наседкина Николая Петровича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации».

74. Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2014 № 599-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пасичника Юрия Павловича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации».

75. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1188-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новожилова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом «а» части третьей статьи 131 Уголовного кодекса Российской Федерации».

76. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Игранова Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 Уголовного кодекса Российской Федерации».

77. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1793-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подопригоры Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьями 4, частью первой статьи 6, частью третьей статьи 26, частью первой статьи 28 и частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации».

78. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2014 № 2214-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Булыгина Михаила Анатольевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации и положениями Федерального закона от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних».

79. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2043-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Огиенко Сергея Валентиновича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации».

80. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2058-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Вергунова Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 296 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

81. Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2015 № 90-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Василенкова Александра Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьями 4, 6 и 43, частями первой и третьей статьи 60 и частью второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

82. Определение Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 397-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сокольниковца Евгения Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 69 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьями 259 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

83. Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2015 № 1000-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Серегина Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 15 Уголовного кодекса Российской Федерации».

84. Определение Конституционного Суда РФ от 21.05.2015 № 1178-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мещерякова Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

85. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 1962-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронкова Алексея Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 70 Уголовного кодекса Российской Федерации».

86. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 1969-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шарафутдинова Игоря Мустакимовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10, статьями 22, примечанием к статье 131 и статьями 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

87. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 2000-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 126 Уголовного кодекса Российской Федерации».

88. Определение Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 2588-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Овчинникова Станислава Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьями 127 и пунктом «в» части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации».

89. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2015 № 2583-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новикова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

90. Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2016 № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мазанова Артема Игоревича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 134 Уголовного кодекса Российской Федерации».

91. Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 286-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Халикова Шакиржана Кадиновича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации».

92. Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 393-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смирнова Алексея Константиновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью пятой статьи 134 Уголовного кодекса Российской Федерации».

93. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 № 1315-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Малеевой Натальи Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

94. Определение Конституционного Суда РФ от 07.07.2016 № 1426-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзина Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации».

95. Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1668-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Григорских Романа Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 25 и 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 140, 141 и 145–147 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Постановлений Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» и «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам, связанным с оборотом наркотических средств и психотропных веществ».

96. Определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2016 № 2550-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукашова Дениса Игоревича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131, статьями 132 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации, постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», а также Административным регламентом исполнения Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций государственной функции по осуществлению государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию».

97. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2016 № 2785-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сытина Александра Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, частей шестой–девятой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и Списка видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию».

98. Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 560-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дреева Романа Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8, 14 и части первой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 29, 73–75, 85–88 и 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 13 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 года № 522».

99. Определение Конституционного Суда РФ от 20.04.2017 № 783-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гендляр Максима Олеговича на нарушение его конституционных прав статьей 146 Уголовного кодекса Российской Федерации».

100. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1408-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Терещенко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 69, частью пятой статьи 132 и статьей 135 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также положениями Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»».

101. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1437-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кизикова Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями части второй статьи 118 и части первой статьи 263 Уголовного кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 3 части второй статьи 75, пункта 1 части первой и части второй статьи 140, части первой статьи 144, части восьмой статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

102. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1493-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Геннадия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации».

103. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1494-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ананьева Андрея Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

104. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прялухина Валерия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 5, статьей 8, частью первой статьи 24, частью второй статьи 25 и частью первой статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктами 1–4 части первой статьи 73, статьями 87, 88, пунктами 1 и 2 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

105. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1540-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мизяева Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 6 и частью третьей статьи 135 Уголовного кодекса Российской Федерации».

106. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1549-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Настеки Даниила Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 134 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации».

107. Определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 2764-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тарасова Александра Валерьевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации».

108. Определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 2765-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смолина Данилы Сергеевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 и пунктом «б» части четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

109. Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 710-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подойменко Николая Андреевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также частью третьей статьи 30 и частью первой статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

110. Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 829-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Айтиалиева Сагындыка Мендыбаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

111. Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 830-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фрумкиной Ирины Львовны на нарушение ее конституционных прав статьей 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

112. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1450-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Забиров Юрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьёй 8, частью первой статьи 30, частью третьей статьи 33, пунктами «з», «к» части второй статьи 105, статьями 111 и 126 Уголовного кодекса Российской Федерации».

113. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Джураева Хушнудбека Икромжоновича на нарушение его конституционных прав пунктом «г» части второй статьи 127 Уголовного кодекса Российской Федерации».

114. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1994-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Башкатова Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом «б» части четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

115. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1995-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сведенцева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 и частью второй статьи 135 Уголовного кодекса Российской Федерации».

116. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 2041-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сокурина Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

117. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Перепелко Сергея Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 134 Уголовного кодекса Российской Федерации».

118. Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 2767-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пулялина Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 25 и 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

119. Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2019 № 79-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Синцаева Романа Александровича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации и подпунктом «б» пункта 14 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних».

120. Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 862-О «По запросу Тракторозаводского районного суда города Челябинска о проверке конституционности части второй статьи 35 и части второй статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации».

121. Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2019 № 1189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шмелевой Натальи Сергеевны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 33 и пунктом «ж» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации».

122. Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1823-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Родионова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 64, 132, 134 и 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

123. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 1867-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Войца Василия Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом «а» части третьей статьи 132 и частью первой статьи 151 Уголовного кодекса Российской Федерации».

124. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2355-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мингалева Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 и пунктом «б» части четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

125. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2367-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шкунова Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 и статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации».

126. Определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2019 № 3244-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колеватова Ильи Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 126 Уголовного кодекса Российской Федерации».

127. Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

128. Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 235-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колесова Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 131 Уголовного кодекса Российской Федерации».

129. Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 261-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Манаповой Ангелины Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом «в» части третьей статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации».

130. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 309-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Киреева Василия Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 135 Уголовного кодекса Российской Федерации».

131. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 798-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Патешкина Александра Федоровича на нарушение его конституционных прав статьей 23, частью первой.1 статьи 63 и частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьями 179 и 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

132. Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2020 № 1075-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Година Николая Валерьевича на нарушение его конституционных прав пунктом «и» части первой статьи 61 и частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации».

133. Определение Конституционного Суда РФ от 30.06.2020 № 1386-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брутова Владимира Васильевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131, статьями 132 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»».

134. Определение Конституционного Суда РФ от 30.06.2020 № 1387-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смирнова Дениса Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации».

135. Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1882-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маврина Федора Владимировича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 Уголовного кодекса Российской Федерации».

136. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2067-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшкова Дмитрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 7 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации», частями первой и второй статьи 78, частью второй статьи 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

137. Определение Конституционного Суда РФ от 12.11.2020 № 2597-О «По запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовного кодекса Российской Федерации и части второй статьи 36 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

138. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 18.10.2012 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 12.

139. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

140. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 15.05.2018 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 7.

141. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 13.10.2020 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». – URL: <https://vsrf.ru/documents/own/29309/> (дата обращения: 22.01.2021).

142. Законопроект № 612292-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 22.07.2024).

143. Абельцев, С. Н. Социальные свойства преступлений против личности / С. Н. Абельцев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2000. – № 4. – С. 84–88.

144. Авдеев, В. А. Механизм уголовно-правового регулирования преступлений против жизни и здоровья в истории российского права / В. А. Авдеев, Е. В. Авдеева // Lex Russica. – 2018. – № 10 (143). – 157–165.

145. Акутаев, Р. М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. / Р. М. Акутаев // Российская юстиция. – 2013. – № 5.

146. Андреев, А. В. Понятие дифференциации уголовной ответственности / А. В. Андреев, Л. В. Лобанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2006. – № 8. – С. 118–126.

147. Аниськина, Э. Г. Дифференциация уголовной ответственности как метод современной уголовно-правовой политики России / Э. Г. Аниськина // Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов. – Смоленск: Свиток, 2017.

148. Артюшина, О. В. Уголовный проступок в контексте экономики уголовной репрессии / О. В. Артюшина // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 3 (46).

149. Афанасьева, О. Р. Общие положения о социальных последствиях насильственной преступности / О. Р. Афанасьева // Вестник Воронежского института МВД России. – 2013. – № 1. – 129 с.

150. Ахъядов, Э. С-М. Исторические предпосылки развития института дифференциации уголовной ответственности в России / Э. С-М. Ахъядов // Вестник Чеченского государственного университета. – 2017. – № 1 (25).

151. Бабаев, М. М. Социальные последствия преступности: учебное пособие / М. М. Бабаев. – Москва: Академия МВД СССР, 1982.

152. Бабаев, М. М. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4–12.

153. Бабаев, М. М. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – Москва: Юрлитинформ, 2017.

154. Бабичев, А. Г. Понятие убийства и систематизация уголовного законодательства России об ответственности за убийство: инновационные проблемы совершенствования уголовного законодательства / А. Г. Бабичев, Б. В. Сидоров // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 3.

155. Бавсун, М. В., Николаев К. Д., Самойлова С.Ю. Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве. – Москва: Юрлитинформ, 2016.

156. Безверхов, А. Г. Ответственность за преступления против здоровья по современному уголовному праву России / А. Г. Безверхов, Ю. С. Норвартян. – Самара: Вектор, 2018.

157. Боковня, А. Ю. Понятие и система критериев типовой степени общественной опасности личности виновного в совершении преступления / А. Ю. Боковня // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 1. № 2.

158. Боковня, А. Ю. Понятие, критерии дифференциации уголовной ответственности и вопросы ее реализации в Уголовном кодексе Российской Федерации / А. Ю. Боковня // Ученые записки Казанского университета. – 2015. – Т. 157. кн. 6.

159. Борзенков, Г. Н. Дифференциация ответственности по новому УК: нереализованные возможности / Г. Н. Борзенков // Законность. – 1997. – № 10.

160. Борзенков, Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика / Г. Н. Борзенков. – Москва: Зерцало. – М, 2008.

161. Борисов, В. И. Решение вопросов Особенной части в новом Уголовном кодексе Украины / В. И. Борисов // Уголовное право в XXI веке: материалы Международ. науч. конф. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая–1 июня 2001 г.). – Москва: ЛексЭст, 2002.

162. Брайнин, Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин. – Москва: Госюриздат, 1963.

163. Бриллиантов, А. В. Общественная опасность деяния / А. В. Бриллиантов // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 4.

164. Варр, М. Восприятие преступности обществом и реакция на нее / М. Варр // Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли; пер. с англ. – Санкт-Петербург: Питер, 2003.

165. Васильев, Н. В. Принципы советского уголовного права / Н. В. Васильев. – Москва: Вюзи, 1983.

166. Векленко, С. В. Предумышленное убийство в уголовном праве России / С. В. Векленко, А. Б. Фалько. – Омск: Омскбланкиздат, 2007.

167. Винокуров, В. Н. Структура общественных отношений как объект преступлений и система Особенной части УК РФ / В. Н. Винокуров // Криминологический журнал БГУЭП. – 2011. – № 1.

168. Вицин, С. Е. Моделирование в криминологии: учебное пособие / С. Е. Вицин. – Москва: ВШ МВД СССР, 1973.

169. Гаврилов, Б. Я. Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества / Б. Я. Гаврилов // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26 (1–4). № 2.

170. Гальперин, И. М. Дифференциация уголовной ответственности и эффективность наказания / И. М. Гальперин // Советское государство и право. – 1983. – № 3.

171. Гасанова, Э. В. Виды дифференциации уголовной ответственности / Э. В. Гасанова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 1 (72).

172. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Центр ЮрИнфоР, 2005.

173. Гаухман, Л. Д. Понятие советской уголовной политики и ее основные направления / Л. Д. Гаухман, Ю. И. Ляпунов. – Москва: Академия МВД СССР, 1980.

174. Головненков, П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. В. Головненков. – 2-е изд. – Москва: Проспект, 2015.

175. Гонтарь, И. Я. Категоризация преступлений в основании институтов уголовного права: социально-правовые последствия / И. Я. Гонтарь // Известия вузов. Правоведение. – 2003. – № 4.

176. Гузеева, О. С. Еще раз к вопросу о признании государства субъектом уголовно-правовых отношений / О. С. Гузеева // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. мат. VII Международ. науч.-практ. конф. (Москва, 27.11.2019) / под. ред. А. В. Бриллиантова, С. В. Скларова. – Москва: РГУП, 2020.

177. Гузеева, О. С. Преступление и наказание: конституционные основы уголовно-правовой концепции / О. С. Гузеева. – Москва: Юрлитинформ, 2020.

178. Гурин, Д. В. Генезис права государства на уголовное наказание: проблемы историко-правовой и теоретико-правовой интерпретации / Д. В. Гурин // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 4 (4).

179. Гурин, Д. В. Право государства на уголовное наказание: субъективное содержание и формы объективизации / Д. В. Гурин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6 (17).

180. Дагель, П. С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П. С. Дагель, Д. П. Котов. – Воронеж, 1974. – 244 с.

181. Дворецкий, М. Ю. Уголовная ответственность: реализация и эффективность. В 4 ч. / М. Ю. Дворецкий, В. Ю. Стромов. – Тамбов: ТГУ, 2013.

182. Долотов, Р. О. Уголовно-правовые последствия применения судом ч. 6 ст. 15 УК РФ / Р. О. Долотов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2015. – № 4.

183. Дорогин, Д. А. Противоправные деяния, связанные с органами и (или) тканями человека: уголовно-правовое исследование / Д. А. Дорогин. – Москва: Юрлитинформ, 2016.

184. Дрыженко, Д. Б. Преступления, совершить которые невозможно / Д. Б. Дрыженко, И. П. Семченков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 1 (47).

185. Дудырев, Ф. Ф. Формирование института дифференциации ответственности в уголовном законодательстве России в XIX–начале XX в. / Ф. Ф. Дудырев // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2011. – № 1 (9).

186. Дуюнов, В. К. О дифференциации ответственности в российском праве и в уголовном законодательстве: понятие, природа, статус и значение / В. К. Дуюнов, С. В. Кондратюк // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. № 11-1.

187. Егорова, Н. А. Виды и средства дифференциации и унификации уголовной ответственности / Н. А. Егорова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2009. – № 2 (9).

188. Егорова, Н. А. Общественная опасность преступления: теория, законодательство, судебная практика / Н. А. Егорова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 1 (48).

189. Егорова, Н. А. Принципы дифференциации и унификации уголовной ответственности за управленческие преступления / Н. А. Егорова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 3 (14).

190. Елинский, А. В. Проблемы уголовного права в конституционном измерении / А. В. Елинский. – Москва: Юрлитинформ, 2012.

191. Епихин, А. Ю. Расширение полномочий суда на понижение категории преступления: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты / А. Ю. Епихин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 1 (19).

192. Ермолаев, А. Е. Юридическая природа судебных актов Конституционного Суда, в частности, к вопросу об отказных определениях / А. Е. Ермолаев // Молодой ученый. – 2020. – № 27 (317).

193. Ершов, В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. – Москва: РГУП, 2018.

194. Жалинский, А. Э. Избранные труды. Т. 4. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научоведческие проблемы правоведения / А. Э. Жалинский. – Москва: Издательство Высшей школы экономики, 2016.

195. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2009.

196. Жилкин, М. Г. Средства дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности / М. Г. Жилкин // Научный портал МВД России. – 2017. – № 4 (40).

197. Жильцов, А. А. Значение дифференциации уголовной ответственности при реализации принципа справедливости / А. А. Жильцов // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 3 (16).

198. Землюков, С. В. Виды и способы измерения общественной опасности преступления / С. В. Землюков // Известия Алтайского государственного университета. – 1999. – № 2 (12).

199. Злобин, Г. А. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности / Г. А. Злобин, С. Г. Келина, А. М. Яковлев // Советское государство и право. – 1977. – № 9.

200. Зорькин, В. Д. Аксиологические аспекты Конституции России / В. Д. Зорькин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 4 (65).

201. Иванчин, А. В. Абстрактный и казуистический приемы в уголовном правотворчестве / А. В. Иванчин // Юридическая техника. – 2010. – № 4.

202. Иванчин, А. В. Вина и конструирование состава преступления / А. В. Иванчин // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – № 2 (20).

203. Иванчин, А. В. О некоторых правилах образования уголовно-правовых запретов / А. В. Иванчин // Юридическая наука. – 2017. – № 3.

204. Исмаилов, И. А. Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы организации борьбы с преступностью) / И. А. Исмаилов. – Баку: Азернешр, 1990.

205. Калиновский, К. Б. Значение «отказных» определений Конституционного Суда Российской Федерации для понимания и применения норм уголовного и уголовно-процессуального права / сост. К.Б. Калиновский // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса: Сб. материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 30–31 октября 2009 г.) – Санкт-Петербург: Петрополис, 2010.

206. Каплин, М. Н. Учение о дифференциации уголовной ответственности и действующий закон / М. Н. Каплин // Юридическая наука. – 2014. – № 2.

207. Карпушин, М. П. Уголовная ответственность и состав преступления / М. П. Карпушин, В. И. Курляндский. – Москва: Юрид. лит., 1974.

208. Келина, С. Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера / С. Г. Келина // Государство и право. – 2007. – № 6.

209. Келина, С. Г. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства / С. Г. Келина // Советское государство и право. – 1987. – № 5.

210. Кленова, Т. В. Общественная опасность – истинное свойство преступления / Т. В. Кленова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2.

211. Козлов, А. П. Понятие преступления / А. П. Козлов. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004.

212. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. – Москва: Проспект, 2019.

213. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. С. В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юриспруденция, 2015.

214. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Д. Иванова. – Ростов н/Д.: Феникс, 2002.

215. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации в 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII – VIII / отв. ред. В. М. Лебедев. – Москва: Юрайт, 2017.

216. Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Государство и право. – 1992. – № 8. – С. 39–46.

217. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса / А. И. Коробеев. – Москва: Юрлитинформ, 2019.

218. Коробов, П. В. Понятие дифференциации уголовной ответственности / П. В. Коробов; отв. ред Л. Л. Кругликов // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве (материальные и процессуальные аспекты): сборник научных статей. – ЯрГУ, 1995.

219. Костерин, В. В. Уголовный проступок: оценка форм воплощения и перспектив существования / В. В. Костерин // Пенитенциарная наука. – 2020. – № 14 (3).

220. Красилов, А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России / А. Н. Красилов. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1996.

221. Кругликов, Л. Л. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и наказания / Л. Л. Кругликов; под ред. Н. А. Лопашенко // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 т. Т. III. Уголовная политика. Уголовная ответственность. – Москва: Юрлитинформ, 2016.

222. Кругликов, Л. Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями / Л. Л. Кругликов // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 1. № 3.

223. Кругликов, Л. Л. О понятии и видах дифференциации ответственности / Л. Л. Кругликов // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе: сборник научных статей. – Ярославль: ЯрГУ, 2001.

224. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003.

225. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности как уголовно-правовая категория / Л. Л. Кругликов, Т. А. Костарева; отв. ред. Е. В. Благов // Категориальный аппарат уголовного права и процесса: сборник научных статей. – Ярославль: ЯГУ, 1993.

226. Кругликов, Л. Л. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон / Л. Л. Кругликов, В. Ф. Лапшин // Уголовное право. – 2017. – № 4.

227. Кругликов, Л. Л. Особенности правового содержания оснований дифференциации уголовной ответственности / Л. Л. Кругликов, В. Ф. Лапшин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 1 (21).

228. Крусс, В. И. Конституционализация права: основы теории / В. И. Крусс. – Москва: Норма; Инфра-М, 2021.

229. Кудрявцев, В. Н. Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – Москва: Госюриздат, 1960.

230. Кузнецова, Н. Ф. Преступление и преступность / Н. Ф. Кузнецова. – Москва, 1969.

231. Кузнецова, Н. Ф. Избранные труды / Н. Ф. Кузнецова. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003.

232. Кулев, А. Г. О видах дифференциации ответственности / А. Г. Кулев // Уголовное право. Стратегия развития в XXI веке: материалы 5-й Международной научно-практической конференции, 24–25 января 2008 г. – Москва: Проспект, 2008.

233. Курганов, С. И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты / С. И. Курганов. – Москва: Проспект, 2008.

234. Курляндский, В. И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности / В. И. Курляндский // Основные направления борьбы с преступностью. – Москва: Юридическая литература 1975.

235. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Москва: Зерцало-М, 2002.

236. Лапшин, В. Ф. Средства дифференциации ответственности за совершение финансовых преступлений / В. Ф. Лапшин // Herald of The Euro-Asian Law Congress. – 2018. – № 2.

237. Ларина, Л. Ю. Государство как субъект уголовно-правовых отношений / Л. Ю. Ларина // Юридическая наука. – 2017. – № 3.

238. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. – Москва: Норма, 1998.

239. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – Москва: Волтерс Клувер, 2009.

240. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации / Н. А. Лопашенко, А. В. Голикова, Е. В. Кобзева [и др.] // Правоприменение. – 2020. – Т. 4. – № 4.

241. Ляпунов, Ю. Принципы уголовного законодательства / Ю. Ляпунов // Социалистическая законность. – 1989. – № 2.

242. Малинин, В. Б. Причинная связь в уголовном праве / В. Б. Малинин. – Санкт-Петербург: Юридический Центр Пресс, 2000.

243. Малков, В. Право суда на изменение категории преступления / В. Малков // Законность. – 2013. – № 11.

244. Мальцев, В. В. Учение об объекте преступления. В 2 т. Т 1. Объект преступления: концептуальные проблемы / В. В. Мальцев. – Волгоград: ВА МВД России, 2010.

245. Марцев, А. И. Теоретические вопросы классификации преступлений / А. И. Марцев, О. А. Михаль // Известия вузов. Правоведение. – 2004. – № 5.

246. Мельникова, Ю. Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания / Ю. Б. Мельникова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989.

247. Мирошниченко, Д. В. Редукция современной нормативной модели общественной опасности преступления / Д. В. Мирошниченко // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата – 2020. – № 2 (57).

248. Михлин, А. С. Дифференциация уголовной ответственности с помощью построения в законе нескольких форм одного и того же преступления / А. С. Михлин // Научная конференция аспирантов (ВИОН): тезисы докладов. – Москва, 1956.

249. Наумов, А. В. Конституционные основы уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина / А. В. Наумов; отв. ред. В. С. Комиссаров // Конституционные основы уголовного права: материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации. – Москва: Проспект, 2006.

250. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть / А. В. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Волтерс Клувер, 2007.

251. Нерсисян, В. А. Ответственность за неосторожные преступления / В. А. Нерсисян. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002.

252. Нешатаев, В. Н. Общественная опасность как общий признак преступления и ее роль в квалификации / В. Н. Нешатаев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 1 (38).

253. Новое уголовное право России. Общая часть: учебное пособие. – Москва: Зерцало: Теис, 1996.

254. Нуркаева, Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики / Т. Н. Нуркаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2017.

255. Нуркаева, Т. Н. О спорных вопросах части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации / Т. Н. Нуркаева, И. Р. Диваева // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2019. – № 2.

256. Ольков, С. Г. Кубическая математическая модель уголовной ответственности / С. Г. Ольков // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – Т. 11. № 1 (39).

257. Орешкина, Т. Ю. Категории преступлений и место среди них преступлений исключительной тяжести / Т. Ю. Орешкина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12 (52).

258. Орешкина, Т. Ю. Категории преступлений. Изменения последних лет / Т. Ю. Орешкина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции, 29–30 января 2015 г. – Москва: РГ-Пресс, 2015.

259. Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. – Москва: РГУП, 2021.

260. Панкратов, В. В. Методология и методика криминологических исследований / В. В. Панкратов. – Москва: Юридическая литература, 1972.

261. Пархоменко, Д. А. Дифференциация ответственности лиц, впервые совершивших преступление, как направление уголовно-

правовой политики / Д. А. Пархоменко // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 4 (91).

262. Побегайло, Э. Ф. Симптомы кризиса современной российской уголовной политики / Э. Ф. Побегайло // Избранные труды. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2008.

263. Понятовская, Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность (репринт. изд.) / Т. Г. Понятовская. – Москва: Проспект, 2019.

264. Права человека [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2019/11/20/prava-cheloveka/> (дата обращения: 20.09.2025).

265. Правовые модели и реальность / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. – Москва: Инфра-М, 2015.

266. Пудовочкин, Ю. Е. Меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность: научная дискуссия и поиск решения / Ю. Е. Пудовочкин // Пенитенциарная наука. – 2020. – Т. 14, 4 (52).

267. Пудовочкин, Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления: научно-практическое пособие / Ю. Е. Пудовочкин. – Москва: РГУП, 2019.

268. Пудовочкин, Ю. Е. Понятия и система уголовно-правовых последствий совершения преступления / Ю. Е. Пудовочкин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (89). – С. 126–135.

269. Пудовочкин, Ю. Е. Учение о составе преступления / Ю. Е. Пудовочкин. – Москва: Юрлитинформ, 2009.

270. Рогова, Е. В. Конституционные принципы дифференциации уголовной ответственности / Е. В. Рогова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 6 (68).

271. Рогова, Е. В. Место учения о дифференциации уголовной ответственности в науке уголовного права / Е. В. Рогова // Вестник Казанского юридического института МВД России – 2016. – № 1 (23).

272. Рогова, Е. В. Средства дифференциации уголовной ответственности: проблемы законодательного регулирования / Е. В. Рогова; отв. ред. С. И. Суслова, А. П. Ушакова // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы V Международной научно-практической конференции. – Иркутск:

Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. – Т. 2.

273. Рогова, Е. В. Уголовный проступок в системе дифференциации уголовной ответственности / Е. В. Рогова. – Иркутск: Репро-центр А1, 2011.

274. Российское уголовное право. Общая часть. учебник / под ред. А. В. Наумова. – Москва: МВШМВД России, 1994.

275. Румянцев, М. С. Особенности регламентации средств дифференциации ответственности в УК РФ / М. С. Румянцев // Российский следователь. – 2013. – № 2.

276. Саликов, М. С. Конституционные ценности на новом этапе развития основного закона Российской Федерации / М. С. Саликов, М. В. Гончаров // Herald of the Euro-Asian Law Congress. – 2020. – Вып. 1.

277. Сафонов, В. Н. К вопросу о реальной общественной опасности деяния / В. Н. Сафонов // Научная сессия ГУАП: Гуманитарные науки: сборник докладов традиционной Научной сессии, посвященной Всемирному дню авиации и космонавтики. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2020.

278. Семченков, И. П. Признание общественной опасности конструктивным признаком понятия преступления методологически несостоятельно / И. П. Семченков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1 (55).

279. Середин, А. А. Обоснованная дифференциация уголовной ответственности как инструмент реализации принципа справедливости / А. А. Середин // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2013. – № 2.

280. Сидоренко, Э. Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования / Э. Л. Сидоренко. – Москва: Юрлитинформ, 2013.

281. Смирнов, А. М. К вопросу о критериях общественной опасности / А. М. Смирнов // Дневник науки. – 2018. – № 10 (22).

282. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории (Конференция в ИГП РАН) // Государство и право. – 1994. – № 6.

283. Соловьев, О. Г. Понятие, виды и классификация средств дифференциации уголовной ответственности в Уголовном кодексе

Российской Федерации / О. Г. Соловьев, Е. С. Дмитриев // Юридическая наука. – 2012. – № 4.

284. Соловьев, О. Г. Определение оснований дифференциации уголовной ответственности в современной правовой доктрине / О. Г. Соловьев, Р. Ю. Смирнов // Юридическая наука. – 2015. – № 1.

285. Суханова, А. А. Конституционные ценности в современной России: иерархия и конкуренция / А. А. Суханова // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. 44.– 2015. – № 23 (378).

286. Сухарева, Н. Д. Общеуголовное освобождение от ответственности в российском уголовном праве / Н. Д. Сухарева. – Москва: Илекса, 2005.

287. Тер-Акопов, А. А. Бездействие как форма преступного поведения / А. А. Тер-Акопов. – Москва: Юридическая литература, 1980.

288. Тимейко, Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления / Г. В. Тимейко. – Ростов: Издательство Ростовского университета, 1977.

289. Тимофеева, Е. А. О дифференциации уголовной ответственности и ее соотношении со смежными правовыми явлениями / Е. А. Тимофеева // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН России. – 2008. – № 4.

290. Уголовная ответственность: понятие, проблемы реализации и половозрастной дифференциации / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. – Москва: Юрлитинформ, 2006.

291. Уголовная ответственность: фундаментальные основы теории и практики: сборник научных трудов / под общ. ред. А. Н. Савенкова. – Москва: ЮНИТИ, Закон и право, 2019.

292. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2021.

293. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. М. В. Бавсуна. – 2-е изд., перераб. и доп. – Омск: ОА МВД России, 2020.

294. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б. В. Волженкин; пер. с англ. И. В. Мироновой. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2000.

295. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головкин, Н. Е. Крылова; перев. с франц. и предисл. Н. Е. Крыловой. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002.

296. Фаргиев, И. А. Уголовно-правовая оценка заражения венерической болезнью / И. А. Фаргиев // Уголовное право. – 2010. – № 1.

297. Фефелов, П. А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности. Основные методологические проблемы / П. А. Фефелов. – Москва: Юридическая литература, 1972.

298. Филимонов, В. Д. Охранительная функция уголовного права / В. Д. Филимонов. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003.

299. Филимонов, В. Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В. Д. Филимонов. – Москва: ЮрИнфоР-МГУ, 2008.

300. Фильченко, А. П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности (проблемы отраслевого и межотраслевого согласования) / А. П. Фильченко. – Москва: Юрлитинформ, 2014.

301. Чистяков, А. А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания / А. А. Чистяков. – Москва, 2002. – С. 36–37.

302. Шаргородский, М. Д. Преступления против жизни и здоровья / М. Д. Шаргородский. – Москва: Юридическое изд-во., 1947.

303. Яни, П. Сложные вопросы субъективной стороны преступления / П. Яни // Российская юстиция. – 2002. – № 12.

304. Бабичев, А. Г. Преступления против жизни: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / А. Г. Бабичев. – Казань, 2019.

305. Батманов, А. А. Личность виновного вне связи с преступлением как критерий дифференциации ответственности и наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А. А. Батманов. – Казань, 2008.

306. Безручко, Е. В. Преступления, посягающие на безопасность здоровья человека: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / Е. В. Безручко. – Калининград, 2018.

307. Бриллиантов, А. В. Дифференциация наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / А. В. Бриллиантов. – Москва, 1998.

308. Бурганов, Р. С. Принципы уголовного права и принципы назначения наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Р. С. Бурганов. – Казань, 2006.

309. Вакарина, Е. А. Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Е. А. Вакарина. – Краснодар, 2001.

310. Васильевский, А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А. В. Васильевский. – Нижний Новгород, 2000.

311. Верина, Г. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / Г. В. Верина. – Саратов, 2003.

312. Власов, Ю. А. Уголовная ответственность за оставление в опасности: дисс. ... канд. юрид. наук / Ю. А. Власов. – Омск, 2004.

313. Горбатова, М. А. Составы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье: понятие, система и уголовно-правовой анализ: дисс. ... канд. юрид. наук / М. А. Горбатова. – Саратов, 2002.

314. Гревцева, А. Ю. Классификации преступлений, их роль и значение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Гревцева. – Тамбов, 2010.

315. Дайшутов, М. М. Категория особо тяжких преступлений по уголовному праву России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / М. М. Дайшутов. – Москва, 2003.

316. Донец, С. П. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве (правовая природа, классификация, проблемы учета): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / С. П. Донец. – Казань, 2003.

317. Еникеева, Л. Ф. Дифференциация и индивидуализация наказания по совокупности преступлений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Л. Ф. Еникеева. – Москва, 2006.

318. Иванчин, А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / А. В. Иванчин. – Екатеринбург, 2015.

319. Ищенко, А. В. Дифференциация и индивидуализация наказаний, назначаемых военнослужащим Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А. В. Ищенко. – Москва, 2000.

320. Кабурнеев, Э. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / Э. В. Кабурнеев. – Москва, 2007.

321. Кадников, Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / Н. Г. Кадников. – Москва, 2000.

322. Каплин, М. Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дисс. ... канд. юрид. наук / М. Н. Каплин. – Ярославль, 2003.

323. Корсун, Д. Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук / Д. Ю. Корсун. – Москва, 2019.

324. Кротов, С. Е. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / С. Е. Кротов. – Москва, 2005.

325. Кротов, С. Е. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в общей и особенной частях УК РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / С. Е. Кротов. – Ярославль, 2019.

326. Курбанов, А. О.-о. Социально-правовая сущность преступления и категории преступлений по уголовному праву России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А. О.-о. Курбанов. – Москва, 2006.

327. Курманов, А. С. Уголовное законодательство России об охране конституционных прав и свобод человека: сравнительно-правовое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / А. С. Курманов. – Екатеринбург, 2011.

328. Мальцев, В. В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / В. В. Мальцев. – Москва, 1993.

329. Онгарбаев, Е. А. Теоретические проблемы классификации преступлений по уголовному праву Республики Казахстан: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / Е. А. Онгарбаев. – Москва, 1999.

330. Ратьков, А. Н. Правовое значение классификации преступлений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А. Н. Ратьков. – Ростов на-Дону, 2002.

331. Рогова, Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / Е. В. Рогова. – Москва, 2014.

332. Ройзман, Г. Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Г. Б. Ройзман. – Челябинск, 2012.

333. Русскевич, Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: дисс. ... д-ра юрид. наук / Е. А. Русскевич. – Москва, 2020.

334. Смирнов, Р. Ю. Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на здоровье человека: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Р. Ю. Смирнов. – Москва, 2013.

335. Соктоев, З. Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / З. Б. Соктоев. – Москва, 2014.

336. Солодков, И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013.

337. Фисенком Д. Ю. Специальные принципы уголовного права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Д. Ю. Фисенком. – Омск, 2016.

338. Чупрова, О. Н. Дифференциация ответственности в уголовном праве стран континентальной Европы и России: компаративистский аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / О. Н. Чупрова. – Волгоград, 2008.

339. Горбуза, А. Д. Смешанная форма вины по советскому уголовному праву: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / А. Д. Горбуза. – Москва, 1972.

340. Шевченко, Н. П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: дисс. ... канд. юрид. наук / Н. П. Шевченко. – Ставрополь, 2003.

341. Ширшов, А. А. Уголовная ответственность: проблемы понятия и дифференциации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Ширшов. – Владивосток, 2004.

Научное издание

Мотин Анатолий Владимирович

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ОСНОВАНИЕ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Монография

Чебоксары, 2025 г.

Компьютерная верстка *М. В. Клементьева*

Подписано в печать 16.12.2025 г.

Дата выхода издания в свет 23.12.2025 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 11.39. Заказ К-321. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12

+7 (8352) 655-731

info@phsreda.com

<https://phsreda.com>

Отпечатано в ООО «Типография «Новое Время»

428034, Чебоксары, Мичмана Павлова, 50/1

<http://newtime1.ru>